

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОМЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра социально-гуманитарных дисциплин

С. Н. БОРДАК

ФИЛОСОФИЯ

Учебно-методическое пособие
для самостоятельной работы студентов 1 курса
медико-диагностического факультета, 2 курса лечебного факультета
и факультета по подготовке специалистов для зарубежных стран
медицинских вузов

Гомель
ГомГМУ
2017

УДК 1(072)
ББК 87я7
Б 82

Рецензенты:

кандидат философских наук,
доцент Белорусского государственного университета транспорта

Е. Г. Кириченко;

кандидат философских наук,
доцент Гомельского государственного технического
университета имени П. О. Сухого

В. Н. Яхно

Бордак, С. Н.

Б 82 Философия: учеб.-метод. пособие для самостоятельной работы студентов 1 курса медико-диагностического факультета, 2 курса лечебного факультета и факультета по подготовке специалистов для зарубежных стран медицинских вузов / С. Н. Бордак. — Гомель: ГомГМУ, 2017. — 136 с.
ISBN 978-985-506-932-5

Учебно-методическое пособие ориентировано на освоение важнейших проблем философии в рамках подготовки специалистов. Содержит контрольные вопросы по основным компонентам лекционного курса и оригинальные тексты для организации и контроля самостоятельной работы студентов. Пособие способствует рациональной организации текущей учебной работы и обеспечит успешную подготовку к дифференцированному зачету по курсу «Философия».

Предназначено для самостоятельной работы студентов 1 курса медико-диагностического факультета, 2 курса лечебного факультета и факультета по подготовке специалистов для зарубежных стран медицинских вузов.

Утверждено и рекомендовано к изданию научно-методическим советом учреждения образования «Гомельский государственный медицинский университет» 26 апреля 2017 г., протокол № 3.

УДК 1(072)
ББК 87я7

ISBN 978-985-506-932-5

© Учреждение образования
«Гомельский государственный
медицинский университет», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

I. КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ТЕМАМ	4
РАЗДЕЛ 1. ФИЛОСОФИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ КУЛЬТУРЫ	4
1.1. Философия как социокультурный феномен	4
1.2. Философия Древнего Востока	5
1.3. Античная философия	6
1.4. Философия Средневековья и эпохи Возрождения	9
1.5. Философия Нового времени и эпохи Просвещения	10
1.6. Немецкая классическая философия	11
1.7. Марксистская философия	12
1.8. Русская философия XIX–XX вв	12
1.9. Становление и основные направления неклассической философии	13
РАЗДЕЛ 2. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ.....	14
2.1. Философия бытия	14
2.2. Философия природы	16
2.3. Диалектика	17
2.4. Сознание	19
2.5. Философская антропология	20
2.6. Теория познания науки	21
2.8. Социальная философия	24
2.9. Философия культуры	27
II. ОРИГИНАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ТЕКСТЫ И КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ИХ ИЗУЧЕНИЮ	28
ЛИТЕРАТУРА, РЕКОМЕНДУЕМАЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ	136

I. КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ТЕМАМ

РАЗДЕЛ 1. ФИЛОСОФИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ КУЛЬТУРЫ

1.1. ФИЛОСОФИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

1. Что такое мировоззрение?
2. Какие черты характерны для мировоззрения?
3. Каков предмет мировоззрения?
4. В чем заключается роль мировоззрения?
5. Какие функции выполняет мировоззрение?
6. Назовите уровни мировоззрения.
7. Что представляет собой мировоззрение на обыденно-практическом уровне?
8. Что представляет собой мировоззрение на рационально-теоретическом уровне?
9. Охарактеризуйте структурные элементы мировоззрения.
10. Что такое знания?
11. Что такое ценности?
12. Что такое убеждения?
13. Назовите исторические типы мировоззрения.
14. Что такое мифология?
15. Назовите отличительные признаки мифологического мировоззрения.
16. С чем связано возникновение религиозного мировоззрения?
17. Какие уровни выделяют в структуре религиозного мировоззрения?
18. В чем проявляется специфика религиозного мировоззрения?
19. Перечислите характерные черты философского мировоззрения.
20. Как философия оказывает влияние на людей?
21. Дайте сравнительную характеристику философии, мифологии, религии, науки и искусства.
22. Что общего у философии и религии?
23. Что общего у философии и мифологии?
24. Какие критерии четко отделяют философию от науки?
25. В чем сложность определения предмета философии?
26. В чем заключается специфика философии?
27. Что представляет собой предмет философии?
28. Охарактеризуйте структуру философского знания.
29. Что такое философские категории?
30. Как возникают философские категории?
31. Что такое рефлексия?
32. Что такое категории культуры?
33. Какие уровни смыслов выделяют в категориях культуры?
34. Какие функции выполняют категории культуры в обществе?

35. Как соотносятся категории философии и категории культуры?
36. Какие функции выполняет философия в современном обществе?
37. Назовите исторические типы философствования.
38. Как соотносятся понятия «философия» и «наука»?
39. Какие смыслы имеет термин «метафизика»?

1.2. ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

1. Назовите этапы развития философской мысли в древнем Китае.
2. Начала философского мышления в Китае.
3. Дайте определения понятий «космология» и «космогония».
4. Назовите классические книги китайской образованности.
5. Перечислите основные школы китайской философии.
6. Охарактеризуйте стихийно-диалектические идеи в Китае.
7. Охарактеризуйте принципы управления государством по Конфуцию.
8. Как, согласно Конфуцию, должен поступать мудрый правитель, чтобы в государстве царил порядок и благоденствие?
9. Охарактеризуйте понятие «дао» у Конфуция.
10. Что означает требование «исправления имен» у Конфуция?
11. Что означает конфуцианское понятие «ли»?
12. Охарактеризуйте учение Конфуция о знании.
13. Дайте определение понятиям «дао» и «дэ» в даосизме.
14. Какими характеристиками наделяется Дао в учении даосов?
15. Что означает принцип недеяния (у вэй) в даосской онтологии?
16. Охарактеризуйте натурфилософскую проблематику в школах «инь-ян» и даосизме.
17. Охарактеризуйте социальную этику моистов.
18. Охарактеризуйте учение легистов (законников) об управлении государством.
19. Сформулируйте золотое правило этики.
20. В чем проявляется механистический натурализм в интерпретации мира у китайцев?
21. Охарактеризуйте нумерологическую методологию в Китае.
22. Охарактеризуйте протологическую методологию в Китае.
23. Назовите специфические черты китайской философии.
24. Как связаны китайская натурфилософия и традиционная медицина?
25. Назовите ранние литературно-философские источники Древней Индии.
26. Охарактеризуйте основные положения философии брахманизма.
27. В чем суть идеологии брахманизма?
28. Назовите неортодоксальные школы древнеиндийской философии.
29. Назовите ортодоксальные школы древнеиндийской философии.
30. Назовите основные положения философии буддизма.
31. Назовите четыре истины буддизма.

32. Перечислите правила «восьмеричного пути».
33. Перечислите требования правильной жизни в буддизме.
34. Дайте определение понятию «нирвана».
35. Почему «восьмеричный путь» называется «срединным»?
36. Что такое закон зависимого происхождения в буддизме?
37. Что такое «негативная онтология» буддизма?
38. Дайте определение понятиям «махаяна» и «хинаяна».
39. Что такое «карма»?
40. Чем определяется качество кармы?
41. Можно ли изменить карму?
42. Что такое «сансара»?
43. Что такое «мокша»?
44. Дайте определение понятию «дхарма».
45. Определите понятие «гедонизм».
46. Что такое реинкарнация?
47. Укажите специфические особенности философии древней Индии.
48. В чем проявляется религиозный характер древнеиндийской философии?
49. Назовите общие черты для китайской и индийской философии.
50. Чем отличается китайская философия от индийской?

1.3. АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

1. Кто из философов относится к досократовской философии?
2. Назовите философов классического периода.
3. Назовите представителей эллинистической философии.
4. Назовите философов римского периода.
5. Что такое «натурфилософия»?
6. Почему ранних древнегреческих философов называют «физиками»?
7. Представители какого направления поставили вопрос о первооснове всего сущего?
8. Что считал первоосновой всего сущего Фалес, Анаксимандр, Анаксимен?
9. Почему Гераклита считают выдающимся материалистом и диалектиком Древней Греции?
10. Что представляет собой стихийная диалектика Гераклита?
11. Кто является автором следующих афоризмов «В одну и ту же реку нельзя войти дважды»; «Война есть царь всего»?
12. Назовите первое идеалистическое философское направление в античной Греции?
13. Кто является автором следующих афоризмов «Числа все вещи подобны»; «Где нет числа и меры, там хаос и химеры»?
14. Кто является автором учения о «гармонии сфер»? Какую диалектическую мысль выражает это учение?
15. В чем проявляется стихийная диалектика пифагорейцев?

16. Что такое метемпсихоз?
17. Кто впервые ввел в философию термин «бытие»?
18. Укажите автора афоризма «Мысль о предмете и предмет мысли есть одно и то же».
19. Что такое апории? Кто сформулировал возражения против движения?
20. Почему Зенона называют древнегреческим диалектиком?
21. Кто из материалистов объяснял движение элементов совместным действием двух противоположных сил притяжения и отталкивания?
22. Кто за первооснову всех явлений природы принимал «гомеометрии» — мельчайшие неделимые материальные частицы?
23. Что такое «Нус» у Анаксагора?
24. Кто такие атомисты?
25. Назовите основные положения атомистической теории.
26. Что такое детерминизм?
27. Кто является автором концепции атомных вихрей и бесчисленных миров, образующих Вселенную?
28. Какие свойства материи выделил Демокрит?
29. В чем состоит материализм, сенсуализм и атеизм Демокрита?
30. С чьим именем связывают рождение материализма как философского учения, признающего первичность материи по отношению к сознанию?
31. Что такое риторика, эристика, диалектика у софистов?
32. Что такое релятивизм? Кто придерживался такой точки зрения?
33. Кто автор афоризма «Человек есть мера всех вещей» и что он обозначает?
34. Кого в древней Греции называли мастерами слова, знатоками?
35. Кто перенес центр внимания философии из области природы на человека, его жизнь, практическую и познавательную деятельность?
36. Кто в центр внимания философии поставил проблему человека?
37. К какому философскому направлению принадлежит Сократ?
38. Что такое телеология?
39. В чем суть и кто автор концепции «этический рационализм»?
40. Как называется философский метод Сократа?
41. Что такое ирония, майевтика, индукция, дефиниция?
42. Как называлась философская школа Платона?
43. В чем заключается объективный идеализм Платона?
44. Кто впервые ввел в философию понятие «материя»?
45. В чем состоит диалектика Платона?
46. Что представляет собой теория познания Платона?
47. Что такое «демиург»?
48. Что представляет собой идеальное государство по Платону?
49. Что такое человек по Платону?
50. Кто был воспитателем Александра Македонского?
51. Как называлась школа Аристотеля?

52. Какую точку зрения в философии представляет Аристотель?
53. В чем состоит критика идеализма Платона Аристотелем?
54. В связи с чем Аристотель сказал: «Платон мне друг, но истина дороже»?
55. Какова точка зрения Аристотеля в гносеологии?
56. Укажите автора и охарактеризуйте суть теории четырех видов причин.
57. В чем заключается диалектика Аристотеля?
58. Что такое «форма всех форм» у Аристотеля?
59. Охарактеризуйте учение Аристотеля о различных видах движения.
60. Какие законы формальной логики сформулировал Аристотель?
61. Охарактеризуйте учение Аристотеля о категориях.
62. Что представляет собой космологическая теория Аристотеля?
63. Теория происхождения государства по Аристотелю.
64. Что такое человек по Аристотелю?
65. Что служит нравственным идеалом киников?
66. Что является вершиной добродетели у киников?
67. Какую школу основал в Афинах Эпикур?
68. Кто является автором учения о спонтанном отклонении атомов в сторону от прямой линии и в чем его смысл?
69. Назовите автора афоризмов «Смерти не нужно бояться; пока есть мы, ее нет, когда она приходит, то нас уже нет», «Смертный, скользи по жизни, но не надавливай на нее», «Избегай общественно-политической деятельности».
70. Что такое эпикурейская атараксия?
71. Что представляет собой социальное учение Эпикура?
72. Какова цель жизни стоика?
73. В чем состоит дуализм стоиков?
74. В чем заключается пантеизм стоиков?
75. В чем заключается фатализм стоиков?
76. Охарактеризуйте идеал стоического мудреца.
77. В чем состоит стоическое понимание общества?
78. Охарактеризуйте идеал скептического мудреца.
79. Что означает скептицизм в познании?
80. Назовите автора афоризма «Желающего судьба ведет, не желающего тащит».
81. Назовите автора афоризма «Терпи и воздерживайся!».
82. Что является двигателем развития общества по Лукрецию?
83. В результате чего совершается прогресс человечества по Лукрецию?
84. В чем состоит агностицизм скептиков?
85. Кто основатель мистического учения неоплатонизма?
86. Назовите представителей неоплатонизма.
87. Что представляет собой система неоплатонизма?

1.4. ФИЛОСОФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

1. Охарактеризуйте важнейшие религиозно-философские идеи Библии.
2. Любовь христианская и любовь античная, общее и особенное.
3. Отличие христианского гуманизма от светского гуманизма.
4. Для чего необходимо спасение?
4. Как человек может спастись?
5. Что такое «трансцендентный» Бог?
6. Как можно приблизиться к познанию Бога?
7. Что такое сакрализация?
8. Охарактеризуйте концепцию истории в христианстве.
9. Какие традиции определили средневековое мышление?
10. В чем состоит понимание природы в средневековье?
11. В чем состоит двойственная трактовка человека?
12. Какова сущность человека в средневековой философии?
13. Назовите этапы развития средневековой философии.
14. Кто такие «отцы церкви»?
15. Что такое патристика?
16. Кому из «отцов церкви» принадлежит высказывание: «Верую, ибо абсурдно»?
17. Кто систематизировал христианские догматы и на их основе создал учение о человеке?
18. Кто является наиболее выдающимся из отцов церкви?
19. Кому из отцов церкви принадлежит высказывание: «Верю, чтобы понимать»?
20. Объясните значение термина «схоластика».
21. Назовите философские источники средневековой схоластики.
22. По какой проблеме велась полемика между реализмом и номинализмом?
23. Реализм и его представители.
24. Номинализм и его представители.
25. Кто является систематизатором схоластики?
26. Что такое томизм?
27. Что такое неотомизм?
28. Охарактеризуйте теорию «двух истин» Ф. Аквинского.
29. В чем заключается философское содержание космологических доказательств бытия Бога Ф. Аквинского?
30. В чем состоит сущность критического метода «бритва Оккама»?
31. Дайте определение понятию «ренессанс».
32. Что такое антропоцентризм?
33. Что такое секуляризация?
34. Что означает гуманизм в широком и узком смысле слова?
35. Что такое пантеизм?
36. Что такое оккультизм?

37. Назовите первые формы выражения идей Возрождения.
38. Кто в эпоху Возрождения был переводчиком на европейские языки «диалогов» Платона?
39. Охарактеризуйте учение о фортуне П. дела Мирандола.
40. Охарактеризуйте этическое учение Э. Роттердамского.
41. Охарактеризуйте учение о «радостях земного бытия» М. де Монтеня.
42. Учение какого античного философа возрождает Монтень?
43. Учение какого философа античности было наиболее популярно у гуманистов?
44. Кто является отцом гуманизма, первым гуманистом?
45. Кого называли «королем гуманистов»?
46. Чье учение критиковали гуманисты?
47. Охарактеризуйте новую астрономическую картину мира (гелиоцентризм).
48. В чем заключается диалектика Н. Кузанского?
49. Охарактеризуйте мистический оккультизм Парацельса.
50. Охарактеризуйте теорию централизованного государства Н. Макиавелли.
51. Охарактеризуйте теорию абсолютизма Ж. Бодена.
52. Охарактеризуйте концепцию «естественного права» Г. Гроция.
53. Сравните утопические теории Т. Мора и Т. Кампанеллы.
54. Кто описал гуманистический идеал человеческого общества и выдвинул идею упразднения частной собственности?

1.5. ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ И ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

1. Охарактеризуйте механистически-метафизическую картину мира.
2. В чем состоит номинализм и эмпиризм Ф. Бэкона?
3. Объясните высказывание Ф. Бэкона «Истина — дочь времени, а не авторитета».
4. Что представляет собой учение об идолах (призраках)?
5. Приведите примеры проявления идолов рода.
6. Приведите примеры проявления идолов пещеры.
7. Приведите примеры проявления идолов площади.
8. Приведите примеры проявления идолов театра.
9. Как избавиться от идолов?
10. В чем суть опытно-индуктивного метода исследования природы?
11. Чем отличается индукция от дедукции?
12. Охарактеризуйте рационалистический метод Р. Декарта «Универсальная математика».
13. Что есть критерий истины у Декарта?
14. Охарактеризуйте учение о сомнении и его преодолении.
15. Что означает высказывание «Cogito ergo sum»?

16. Что является основой рационализма Р. Декарта?
17. Что представляет собой физика Р. Декарта?
18. Охарактеризуйте дуалистическую метафизику Р. Декарта.
19. Какие идеи называются врожденными? Приведите примеры врожденных идей.
20. Что представляет собой проблема заблуждения?
21. Назовите разновидности рационализма XVII в.
22. Охарактеризуйте монистическое учение Спинозы.
23. Что такое «монадология» Лейбница?
24. Охарактеризуйте диалектические идеи Лейбница.
25. Что такое идея предустановленной гармонии Лейбница?
26. В чем заключается рационализм Лейбница в познании?
27. Что такое теория общественного договора?
28. В чем состоит отличие теории общественного договора Т. Гоббса от Ж.-Ж. Руссо?
29. Что такое естественное право?
30. Охарактеризуйте концепцию естественного права и идею о народном суверенитете.
31. В чем суть просветительской трактовки человека?
32. Охарактеризуйте либеральные принципы законности в политической философии.
33. В чем состоит механистический материализм Нового времени?
34. Назовите и охарактеризуйте виды сенсуализма в гносеологии.

1.6. НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

1. В чем заключается агностицизм И. Канта?
2. В чем заключается «коперниковский переворот» И. Канта в теории познания?
3. Охарактеризуйте внешний механизм возникновения знания по И. Канту.
4. Охарактеризуйте внутренний механизм возникновения знания по И. Канту.
5. Чем отличается разум от рассудка?
6. Что такое априорные формы созерцания?
7. Какие функции выполняет рассудок?
8. Какие функции выполняет разум?
9. Что представляет собой идея Бога у И. Канта?
10. Охарактеризуйте учение об антиномиях человеческого разума.
11. Сформулируйте категорический императив И. Канта.
12. За что можно критиковать категорический императив И. Канта?
13. За что критиковали И. Канта материалисты?
14. За что критиковали И. Канта идеалисты?
15. Охарактеризуйте философскую систему И. Канта.
16. Что представляет собой философская система Гегеля?
17. Что такое «Логика»?

18. Что такое «Философия природы»?
19. Что такое «Философия духа»?
20. Охарактеризуйте учение о субъективном духе.
21. Охарактеризуйте учение об объективном духе.
22. Охарактеризуйте учение об абсолютном духе.
23. По какой схеме, согласно Гегелю, протекает всякое развитие?
24. Охарактеризуйте диалектический метод Гегеля.
25. Что представляет собой «антропологический» материализм Л. Фейербаха?
26. В чем состоит созерцательность материализма Л. Фейербаха?
27. Назовите теоретические источники философии марксизма.

1.7. МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

1. Что такое марксизм?
2. Назовите теоретические предпосылки возникновения марксистской философии.
3. В чем состоит материалистическая идея практики?
4. Охарактеризуйте новую концепцию истории.
5. Как решается вопрос о природе и сущности человека?
6. Что такое отчуждение?
7. Какой вид отчуждения, по К. Марксу, является базисным?
8. В чем отличие диалектики Маркса от диалектики Гегеля?
9. Развитие философских идей Ф. Энгельсом.
10. В чем состоит вклад В. И. Ленин в развитие марксистской философии?
11. Какова проблематика современной марксистской философии?
12. Какие положения сохраняют непреходящее значение в марксизме?
13. Назовите идеологически направленные, исторически ограниченные положения в марксизме.
14. Перечислите элементы утопизма в марксизме.

1.8. РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX–XX ВВ.

1. Назовите специфические особенности русской философии XIX в.
2. Славянофилы и западники: общее и особенное.
3. «Русский социализм»: представители, основные идеи.
4. Что представляет собой система «цельного знания» В. Соловьева?
5. В чем смысл философии всеединства В. Соловьева?
6. Назовите основные темы в творчестве Н. Бердяева.
7. Охарактеризуйте религиозно-философскую концепцию П. Флоренского.
8. Назовите направления русского космизма.
9. Охарактеризуйте космическую утопию К. Циолковского?
10. Что такое «антропокосмизм» В. Вернадского?
11. Охарактеризуйте философию «общего дела» Н. Федорова.

1.9. СТАНОВЛЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НЕ-КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

1. Какие эпохи выделяют в развитии европейской философии?
2. Какие черты отличают постклассику от классической философии?
3. Назовите черту философского знания, характерную как для философской классики, так и для постклассической философии.
4. Выделите основные стратегии постклассического философствования.
5. Выделите основные направления развития постклассической философии.
6. Назовите новые направления, возникающие в европейской философии на рубеже третьего тысячелетия.
7. Выделите феномен человеческого бытия, к которому в XX в. приковано внимание аналитической философии XX в.
8. Назовите философскую традицию, лежащую в основе экзистенциализма.
9. Назовите форму бытия, находящуюся в центре проблематики экзистенциализма.
10. Перечислите основные модусы бытия человека, рассматриваемые в экзистенциализме.
11. Какого рода ситуации выдвигаются экзистенциализмом на первый план в понимании человеческого бытия?
12. Какое понимание свободы характерно для экзистенциализма?
13. В чем заключается специфика человеческого существования по Ж.-П. Сартру?
14. Что такое неподлинное и подлинное бытие?
15. Какие ситуации называются «пограничными»?
16. Охарактеризуйте позитивизм «первой волны».
17. Охарактеризуйте позитивизм «второй волны» (эмпириокритицизм или махизм).
18. Охарактеризуйте неопозитивизм (аналитическая философия XX в.).
19. Охарактеризуйте логический позитивизм.
20. Охарактеризуйте лингвистический позитивизм.
21. Охарактеризуйте постпозитивизм.
22. В чем состоит смысл принципа верификации?
23. В чем состоит смысл принципа фальсификации?
24. Назовите характерные черты проблематики неопозитивизма.
25. Автором какой концепции является К. Поппер?
26. Автор и суть концепции революций в науке.
27. Автор и суть «концепции научно-исследовательских программ».
28. Что проповедует эпистемологический анархизм?
29. Автор и суть концепции «индивидуальной психологии».
30. Что входит в понятие «коллективное бессознательное»?
31. Что такое неофрейдизм?

32. Охарактеризуйте концепцию «гуманистической этики» Э. Фромма.
33. Что составляет содержание термина «иррационализм»?
34. Какие уровни существования выделяет С. Кьеркегор?
35. Объясните высказывание С. Кьеркегора: «Этот — единичный».
36. Сравните понятия «воля к жизни» А. Шопенгауэра и «воля к власти» Ф. Ницше.
37. Определите главный принцип, лежащий в основе философии неотоцизма.
38. Автор и суть концепции религиозного модернизма.
39. Что составляет основное содержание философской герменевтики?
40. Творчество каких мыслителей определило развитие герменевтики как метода социально-гуманитарного познания и как философского учения?
41. Что является предметом философских исследований структурализма?
42. Назовите представителей философии структурализма.
43. Какой метод социально-гуманитарного познания характерен для философии структурализма?
44. Выделите методологические процедуры постструктурализма.
45. Назовите основных представителей философии постструктурализма.
46. Укажите основные значения понятия «постмодерн».
47. Определите позицию постмодерна в трактовке реальности, выраженную в следующем высказывании М. Фуко: «...Мы живем без специальных разметок и изначальных координат, в мириадах затерянных событий».
48. Что скрывают симулякры?
49. Как используется образ ризомы в постмодернизме?

РАЗДЕЛ 2. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

2.1. ФИЛОСОФИЯ БЫТИЯ

1. Что такое онтология?
2. Перечислите основные проявления бытия.
3. В чем состоит смысл проблемы бытия?
4. Охарактеризуйте монизм, дуализм, плюрализм в трактовке бытия.
5. Приведите примеры трактовки бытия как духовной сущности.
6. Приведите примеры трактовки бытия как материальной сущности.
7. Кто впервые ввел в философию термин «бытие»?
8. Как менялся исследовательский интерес в рассмотрении различных проявлений бытия в философии?
9. Дайте определение категории бытия. Что является формой проявления бытия?

10. Что такое виртуальное бытие?
11. Определите категорию небытия. Что является формой проявления небытия?
12. Охарактеризуйте философскую парадигму «философии бытия».
13. Охарактеризуйте философскую парадигму «философии небытия».
14. Назовите основные виды бытия.
15. Назовите основные формы бытия.
16. Какова эволюция представлений о материи в философии и науке?
17. Дайте определение материи В. И. Ленина.
18. Перечислите всеобщие свойства (атрибуты) материи.
19. Назовите виды (формы) материи.
20. Что такое корпускулярно-волновой дуализм?
21. Кто ввел термин «материя» в философию?
22. Кто впервые высказал мысль о бесконечности материи?
23. Объясните, что означает «существовать объективно»?
24. Объясните, что означает «существовать реально»?
25. Как соотносятся между собой понятия «бытие» и «материя»?
26. Кто из философов давал определение материи?
27. Что такое системно-структурная организация бытия?
28. Объясните смысл понятия «Универсум».
29. Назовите уровни структурной организации бытия. Как они взаимодействуют между собой?
30. Что такое неживая природа?
31. Что такое Метагалактика?
28. Что такое Вселенная?
29. Что такое живая природа?
30. Что такое человеческое общество?
31. Что такое динамическая организация бытия?
32. Охарактеризуйте понятия «движение», «развитие», «покой».
33. Назовите виды движения.
34. Дайте классификацию форм движения материи по Ф. Энгельсу.
35. Что такое механицизм (редукционизм)?
36. Каковы современные представления о формах движения материи?
37. Охарактеризуйте принцип глобального эволюционизма в современной научной картине мира.
38. Что такое синергетика?
39. Как синергетика рассматривает колебательное движение?
40. Дайте определение понятий «пространство» и «время».
41. Что такое реальное, перцептуальное и концептуальное пространство и время?
42. Назовите и охарактеризуйте свойства пространства.
43. Назовите и охарактеризуйте свойства времени.

44. Охарактеризуйте субстанциальную концепцию пространства и времени.
45. Охарактеризуйте реляционную концепцию пространства и времени.
46. Охарактеризуйте неклассические представления о пространстве и времени.
47. Что представляет собой модель статичной Вселенной?
48. Что представляет собой модель нестационарной Вселенной?
49. Что такое пространство и время в неживой природе?
50. Что такое биологическое пространство?
51. Что такое биологическое время?
52. Что такое социальное пространство?
53. Что такое социальное время?

2.2. ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ

1. Что означает понятие природы в широком смысле слова?
2. С какими категориями совпадает понятие природы?
3. Какие значения имеет понятие «природа»?
4. Каково понимание природы Аристотелем?
5. В каком смысле используется понятие «натура» в Новое время?
6. Что описывает категория «образ природы»?
7. Охарактеризуйте образ природы в классической науке.
8. Охарактеризуйте образ природы в неклассической науке.
9. Какой принцип является общим основанием естественнонаучного изучения природы?
10. Назовите важнейшие направления в науке, сыгравшие определяющую роль в формировании образа природы как саморазвивающейся системы.
11. Что такое теория нестационарной Вселенной?
12. Что такое синергетика?
13. Что такое биосфера по В. Вернадскому?
14. Кто впервые употребил термин «биосфера»?
15. Как толкуется это понятие сегодня?
16. Назовите структурные уровни организации биосферы.
17. Что означает термин «живое вещество»?
18. Как взаимодействуют между собой живое и неживое?
19. Какие изменения вносит в динамику биосферы появление человеческой жизни?
20. Кто впервые использовал понятие «ноосфера»?
21. У кого еще встречается данный термин?
22. Что такое ноосфера по В. Вернадскому?
23. Кто впервые выступил с концепцией коэволюции?
24. Охарактеризуйте концепцию коэволюции.
25. Что означает принцип благоговения перед жизнью?
26. Что такое этосфера?

27. Какова цель стратегии устойчивого развития системы «общество-природа»?

28. В чем суть национальной концепции устойчивого развития в Республике Беларусь?

29. Охарактеризуйте основные модели взаимодействия человека и природы.

30. Что представляет собой концепция «универсальная этика»?

31. Что представляет собой концепция инвайронментального консерватизма?

2.3. ДИАЛЕКТИКА

1. Охарактеризуйте диалектику древних мыслителей.

2. Охарактеризуйте диалектику Гераклита.

3. Охарактеризуйте диалектику Зенона.

4. Охарактеризуйте диалектический метод Сократа.

5. Охарактеризуйте диалектику Платона.

6. Охарактеризуйте диалектику Аристотеля.

7. Охарактеризуйте риторику и диалектику стоиков.

8. Охарактеризуйте особенности античной диалектики.

9. Что представляет собой диалектика в средние века?

10. Что представляет собой диалектика в эпоху Возрождения?

11. Что представляет собой диалектика в Новое время?

12. Что представляет собой диалектика французских просветителей?

13. Что представляет собой немецкая классическая диалектика?

14. Что такое материалистическая диалектика?

15. В чем отличие диалектики К. Маркса от диалектики Гегеля?

16. Опишите вклад В. И. Ленина в диалектику.

17. Опишите вклад Ф. Энгельса в диалектику.

18. Что такое диалектика?

19. Что такое метафизика?

20. Назовите особенности метафизики.

21. По каким критериям различают диалектику и метафизику?

22. Назовите разновидности метафизики.

23. Назовите виды диалектики.

24. Какова структура диалектики?

25. Назовите принципы диалектики.

26. Что такое закон?

27. В чем отличие законов диалектики от законов науки?

28. Назовите основные законы диалектики.

29. Назовите неосновные законы диалектики.

30. За что в развитии отвечает закон единства и борьбы противоположностей?

31. Что является источником развития согласно диалектике и синергетике?

32. Что такое противоположности?

33. Что такое противоречие?
 34. Что такое единство противоположностей?
 35. Что такое борьба противоположностей?
 36. Назовите этапы взаимодействия сторон целого по Гегелю.
 37. Назовите этапы взаимодействия сторон целого по К. Марксу.
 38. Какие состояния они вызывают?
 39. За что в развитии отвечает закон взаимного перехода количественных и качественных изменений?
 40. Что такое качество?
 41. Что такое количество?
 42. Охарактеризуйте механизм развития.
 43. Что такое мера?
 44. Что такое скачок?
 45. За что в развитии отвечает закон отрицания отрицания?
 46. Что такое диалектическое отрицание?
 47. Опишите структуру диалектического отрицания.
 48. Что такое спиралевидная форма развития?
 49. Что такое триада Гегеля?
 50. Что такое категории диалектики?
 51. Назовите категории, характеризующие относительную устойчивость бытия в пространстве.
 52. Назовите категории, характеризующие изменчивость бытия во времени.
 53. Какие функции выполняет диалектика?
 54. Каково значение закона единства и борьбы противоположностей в познании?
 55. Каково значение закона взаимного перехода количественных и качественных изменений в познании?
 56. Каково значение закона отрицания отрицания в познании?
 57. Каково значение диалектики в медицинской практике?
 58. В чем проявляется диалектика формы и содержания в стихотворении *Евгения Евтушенко*?
- Форма — это тоже содержанье.
 Пламенная форма у огня.
 Вложено встревоженное ржанье
 В форму совершенную коня.
 Облако набухшее набито
 Темным содержанием грозы.
 И такое содержанье скрыто
 В форме человеческой слезы!*
59. Как соотносятся понятия «диалектика» и «синергетика»?
 60. Каково соотношение категорий диалектики и категорий философии?

2.4. СОЗНАНИЕ

1. Что такое сознание?
2. Охарактеризуйте субстанциональный подход к анализу сознания.
3. Охарактеризуйте натуралистически-функциональный подход к анализу сознания.
4. Охарактеризуйте социокультурный подход к анализу сознания.
5. Охарактеризуйте экзистенциально-феноменологическую традицию в понимании сознания.
6. Охарактеризуйте психоаналитическую традицию в понимании сознания.
7. Структурализм и герменевтика о сознании.
8. Постмодерн о сознании.
9. Каковы предпосылки становления сознания?
10. Что такое отражение?
11. Назовите формы отражения.
12. Дайте определение сознания в диалектико-материалистической философии.
13. В чем состоит отличие сознания человека от психики животных?
14. Какова структура сознания?
15. Назовите уровни бессознательного.
16. Какова структура психики по З. Фрейду?
17. Охарактеризуйте реформаторскую версию психоаналитической философии.
18. Назовите виды сознания.
19. Назовите типы сознания.
20. Назовите уровни сознания.
21. Назовите формы сознания.
22. Какие функции выполняет сознание?
23. В чем проявляется социокультурная размерность сознания (генетическая схема, функциональная схема, творчески-программирующая схема, коммуникативная схема)?
24. Каковы особенности анализа языка в классической и постклассической философии?
25. В чем состоит творческая природа сознания?
26. Перечислите факторы, посредством которых осуществляется социально-творческая природа сознания.
27. Каковы функции языка?
28. Что такое гилозоизм?
29. Что такое вульгарный материализм?
30. Охарактеризуйте современные биополевые концепции сознания.
31. Что такое искусственный интеллект?
32. Назовите области исследований по искусственному интеллекту.

33. На чем основан искусственный интеллект?
34. Что такое информационный терроризм?
35. Что такое системы искусственного интеллекта?

2.5. ФИЛОСОФСКОЕ АНТРОПОЛОГИЯ

1. Охарактеризуйте представления о человеке в философии Древнего Востока и античности.
2. Охарактеризуйте представления о человеке в Средневековье и эпоху Возрождения.
3. Новое время и Просвещения о человеке.
4. Немецкая классическая философия о человеке.
5. Что такое социотризм?
6. Охарактеризуйте триадичную модель человека.
7. В чем заключается антропологический поворот в постклассической философии XX в.?
8. Охарактеризуйте социологизаторский подход к человеку.
9. Охарактеризуйте натуралистический подход к человеку.
10. Философия постмодерна (конец XX в.) о человеке.
11. Охарактеризуйте варианты решения проблемы антропогенеза (креационистский, уфологический, стественно-эволюционный, христианский эволюционизм, игровая модель, психоаналитическая концепция, семиотическая модель).
12. Что такое антропосоциогенез?
13. Каковы предпосылки антропосоциогенеза (природно-биологические; антропологические; социальные)?
14. В чем суть проблемы «недостающего звена» в эволюционной теории?
15. Какими программами задано существование и развитие человека?
16. Биологическое в человеке.
17. Социальное в человеке.
18. Биологизаторские концепции человека.
19. Социологизаторские концепции человека.
20. Что такое социобиология?
21. Дайте определение понятия «индивид».
22. Дайте определение понятия «индивидуальность».
23. Дайте определение понятия «личность».
24. Экзистенциальные проблемы человека в философии XX в.
25. Назовите специфические феномены человеческой телесности.
26. Что такое страх?
27. Что такое агрессия?
28. Что такое смех?
29. Что такое плач?
30. Что такое стыд?
31. Что такое эрос?

32. В чем заключается суть проблемы смысла жизни?
33. Назовите основные векторы осмысления проблемы смысла жизни.
34. Чем определяется отношение к смерти?
35. Чем характеризуется отношение к смерти в современном обществе?
36. Назовите подходы в осмыслении феномена свободы.
37. Каковы механизмы социокультурной детерминации личности?
38. Что такое социализация?
39. Охарактеризуйте основные функциональные характеристики человеческого бытия.
40. Дайте определение понятию «деятельность».
41. Какова структура трудовой деятельности по К. Марксу?
42. Какой из элементов структуры трудовой деятельности имеет особое значение и почему?
43. В чем проявляется устойчивая зависимость между орудиями труда и содержательно-ценностными характеристиками человека (доцивилизационные общества, традиционные, индустриальное общество, постиндустриальное общество)?
44. Чем отличается труд от творчества?
45. Что такое коммуникация?
46. Какова структура коммуникации?
47. В чем состоит особое значение материальных средств передачи информации в доиндустриальных обществах, в индустриальных обществах, в информационных обществах?
48. Что такое общение?
49. Что такое ценности?
50. Как можно классифицировать ценности?
51. Назовите исходные ценностные ориентации.
52. Какие качества относятся к специализированным качествам человека?
53. Какие качества относятся к неспециализированным качествам человека?
54. Как соотносятся понятия «цель» и «смысл жизни»?
55. Что такое антропологический кризис и каковы его параметры (антропологический аспект; духовно-нравственный аспект)?
56. Что такое инструментальные ценности?

2.6. ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

1. В чем состоит специфика познавательного отношения человека к миру?
2. Что такое познание?
3. Что такое «вертикальная» модель познания?
4. Что такое «горизонтальная» модель познания?
5. Назовите разновидности знания.
6. Дайте классификацию форм познания.
7. Как соотносятся понятия «гносеология» и «эпистемология»?

8. Становление философского образа познания в античной философии (Платон; Аристотель).

9. Охарактеризуйте основные подходы по проблеме принципиальной познаваемости мира и условий адекватности наших знаний объектам исследуемой реальности (гносеологический оптимизм; скептицизм; агностицизм).

10. Какие аргументы можно привести в пользу познаваемости мира?

11. Назовите основные проблемы гносеологии.

12. В чем специфика интерпретации проблем познания в гносеологии?

13. Что такое субъект и объект познания?

14. Охарактеризуйте гносеологические концепции в классической философии (наивно-реалистическая; идеалистический эмпиризм; трансцендентальная; социокультурная).

15. Охарактеризуйте основные модели постклассической гносеологии (экзистенциально-феноменологическая; биопсихологическая; аналитическая; герменевтическая).

16. В чем состоит специфика постклассической гносеологии?

17. Что такое эмпиризм?

18. Охарактеризуйте разновидности эмпиризма (идеалистический эмпиризм; материалистический эмпиризм).

19. Как соотносятся понятия «эмпиризм» и «сенсуализм»?

20. Что такое рационализм?

21. В чем состоит критика эмпиризма и рационализма Ф. Бэконом?

22. Назовите формы чувственного познания («живого созерцания»).

23. Назовите формы рационального познания.

24. Охарактеризуйте рассудок и разум как уровни рационального познания.

25. Охарактеризуйте интуицию как познавательная способность.

26. Приведите примеры моделей интуитивного познания.

27. Какова структура интуиции?

28. Чем исправляется интуиция?

29. Что такое творчество?

30. В чем суть классической концепции истины?

31. Назовите основные положения классической концепции истины.

32. Охарактеризуйте диалектико-материалистическую концепцию истины.

33. Что такое абсолютная истина?

34. Что такое относительная истина?

35. В чем состоит диалектика абсолютной и относительной истин?

36. В чем суть семантической теории истины А. Тарского?

37. Назовите неклассические теории истины (когерентная; прагматическая; конвенционалистская).

38. Что такое практика?

39. Назовите виды практической деятельности.

40. Перечислите функции практики в познании.

41. В чем заключается противоречивость практики как критерия истины?

2.7. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

1. Какие значения имеет термин « наука»?
2. Что представляет собой наука как социальный институт?
3. Назовите этапы институализации науки.
4. Что такое наука как деятельность?
5. Назовите социокультурные особенности научной деятельности.
6. Кто дал первую классификацию наук?
7. Кто еще давал классификацию наук?
8. Что представляет собой современная классификация наук?
9. Что изучает философия науки?
10. Назовите специфические особенности научного познания.
11. Выделите стадии в формировании и последующей динамике науки.
12. Когда оформляется наука как феномен и ценность культуры?
13. Назовите типы научной рациональности и этапы эволюции науки.
14. Что такое классическая наука (н. XVII – сер. XIX в.)?
15. Что такое классическая рациональность?
16. Что такое неклассическая наука (к. XIX – сер. XX в.)?
17. Что такое неклассическая рациональность?
18. Что такое постнеклассическая наука (сер. XX в. – наст. вр.)?
19. Что такое постнеклассическая рациональность?
20. Как происходит развитие науки?
21. Что такое научная революция по Т. Куну?
22. Дайте классификацию научных революций.
23. Дайте типологию глобальных научных революций.
24. Когда произошла 1-я научная революция?
25. Когда произошла 2-я научная революция?
26. Когда произошла 3-я научная революция?
27. Когда произошла 4-я научная революция?
28. Когда произошла научно-техническая революция?
29. Когда возникает постнеклассическое естествознание?
30. Как проводится граница между наукой и ненаукой?
31. Назовите каноны рациональности.
32. Перечислите направления паранауки.
33. Что такое наука переднего края?
34. Охарактеризуйте эмпирический уровень научного исследования (предмет исследования; средства исследования; методы исследования; типы знания).
35. Охарактеризуйте теоретический уровень научного исследования.
36. Охарактеризуйте метатеоретический уровень (основания научного поиска: идеалы и нормы познания; научная картина мира; философские основания науки).
37. Охарактеризуйте формы научного знания на эмпирическом уровне.

38. Охарактеризуйте формы научного знания на теоретическом уровне.
39. Что такое проблема?
40. Что такое гипотеза?
41. Какому условию должна удовлетворять гипотеза в науке?
42. Назовите критерии обоснованности гипотезы.
43. Что такое теория?
44. Какова структура теории?
45. Что такое научная картина мира?
46. Какая картина мира является образцом в естествознании?
47. Каким требованиям должна удовлетворять теория по К. Попперу?
48. Назовите элементы теории.
49. Назовите функции теории.
50. Как соотносятся понятия «теория» и «метод»?
51. Дайте определения понятий «метод» и «методология».
52. Дайте классификацию методов.
53. Назовите методы эмпирического исследования.
54. Назовите методы теоретического исследования.
55. Назовите общелогические методы.
56. Перечислите основные нормы этики ученого.
57. Перечислите специфические нормы этики ученого.
58. Нормы науки по Р. Мёртону.
59. В чем состоит проблема социальной ответственности ученого?
60. В каких областях науки актуализируется необходимость социального контроля за деятельностью ученых?
61. Каков статус биомедицинской этики?
62. Что такое биотехнологии?
63. Назовите приоритетные научные направления на современном этапе.

2.8. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

1. Что такое «социальная реальность»?
2. Перечислите основные теоретические модели общества.
3. Охарактеризуйте общество как объективно-материальную реальность.
4. Охарактеризуйте общество как духовную реальность.
5. Охарактеризуйте общество как объективно-субъективную реальность.
6. Охарактеризуйте общество как систему общественных отношений (реляционную систему) по К. Марксу.
7. Охарактеризуйте общество как структурно-функциональную систему по Т. Парсонсу.
8. Охарактеризуйте общество как результат рационализации социального действия по М. Веберу.
9. Опишите типы социальных действий в современном обществе.
10. В чем отличие моделей К. Маркса, Т. Парсонса и М. Вебера?

11. Что изучает философия истории?
12. Что представляет собой современная философия истории?
13. Охарактеризуйте проблемное поле субстанциональной философии истории.
14. Охарактеризуйте проблемное поле рефлексивной философии истории.
15. Что такое «историческая реальность»?
16. Что является источником общественного развития?
17. Охарактеризуйте основные версии решения проблемы источника исторического процесса (абсолютизация роли социальных противоречий; солидаризм; избегает первых 2-х крайностей).
18. Назовите пути изменения общества.
19. Охарактеризуйте основные факторы социально-исторической динамики.
20. Охарактеризуйте геоклиматический фактор.
21. Охарактеризуйте демографический фактор.
22. Назовите варианты интерпретации роли демографического фактора в развитии общества.
23. Охарактеризуйте технико-технологический фактор.
24. Понятия «субъект истории» и «движущие силы истории»: общее и отличное?
25. Охарактеризуйте подходы к проблеме субъекта и движущих сил истории (роль масс и великой личности в истории; элитаризм; анализ феномена толпы).
26. Какова роль масс и великой личности в истории (субъект истории (творец) — великая личность (XVIII в.); субъект истории и решающая сила общественного развития — народные массы (марксизм)?
27. Что такое элитаризм?
28. Охарактеризуйте феномен толпы (массы).
29. Что такое «субъект истории»?
30. Что такое «движущие силы истории»?
31. Какова роль личности как субъекта истории?
32. Охарактеризуйте нелинейные интерпретации истории (культурологический и цивилизационный).
33. Охарактеризуйте цивилизационно-циклические модели исторического процесса: 1) концепция культурно-исторических типов Н. Данилевского; 2) концепция «морфологии культуры» О. Шпенглера; 3) концепции локальных цивилизаций А. Тойнби).
34. Что объединяет эти концепции?
35. Охарактеризуйте линейные концепции истории (стадиально-поступательные).
36. Что такое регрессизм и прогрессизм?

37. Приведите примеры регрессизма.
38. Приведите примеры прогрессизма.
39. Какие подходы выделяют в зависимости от выбранной единицы периодизации истории?
40. Охарактеризуйте марксистскую формационную концепцию прогресса.
41. Охарактеризуйте цивилизационно-стадиальные модели (концепция постиндустриального общества 3-х стадий; концепция информационного общества 3-х «волн истории»).
42. Охарактеризуйте концепцию постиндустриального общества 3-х стадий.
43. Охарактеризуйте концепцию информационного общества 3-х «волн истории».
44. Каково значение термина «цивилизация»?
45. Дайте типологию цивилизаций.
46. Назовите характерные особенности западной цивилизации.
47. Назовите характерные особенности восточной цивилизации.
48. Каков критерий выделения доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной цивилизации (Р. Арон, У. Ростоу, О. Тоффлер)?
49. Перечислите особенности развития современной цивилизации.
50. Что такое техника?
51. Выделите ступени развития техники.
52. Что такое технология?
53. Выделите технологические способы производства.
54. Что включает в себя экономический способ производства?
55. Что такое производительные силы?
56. Что такое средства производства?
57. Что такое средства труда?
58. Что такое предмет труда?
59. Назовите виды производственных отношений.
60. Что такое производственно-экономические отношения?
61. Что такое производственно-технологические отношения?
62. Каков механизм динамики экономического способа производства?
63. Что такое социальная структура общества?
64. Какие типы социальных структур выделяют?
65. Назовите элементы этнической структуры.
66. Что такое род и племя?
67. Что такое народность?
68. Что такое нация?
69. Охарактеризуйте демографическую структуру.
70. Охарактеризуйте поселенческую структуру.
71. Охарактеризуйте социально-классовую структуру.
72. Дайте определение классов.

73. Охарактеризуйте стратификационную структуру общества.
74. Что такое страта?
75. Назовите критерии стратификации.
76. Охарактеризуйте концепцию социальной мобильности П. Сорокина (горизонтальная мобильность; вертикальная мобильность).
77. Выделите особенности стратификационных процессов современного общества.

2.9. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

1. Каково значение термина «культура»?
2. Кто ввел термин «философия культуры» в научный оборот?
3. В чем состоит задача философии культуры?
4. Что изучает культурология?
5. Что изучает философия культуры?
6. Назовите концептуальные модели культуры.
7. Охарактеризуйте натуралистическую модель культуры.
8. Дайте характеристику классической модели культуры (XIX в.).
9. Дайте характеристику неклассической (модернистская) модели культуры (XX в.).
10. Дайте характеристику постмодернистской модели культуры.
11. Перечислите теоретические подходы к исследованию и определению культуры в философии XX в.
12. Охарактеризуйте деятельностный подход к культуре.
13. Охарактеризуйте семиотический подход к культуре.
14. Охарактеризуйте аксиологический (ценностный) подход к культуре.
15. Какова структура культуры?
16. Что такое материальная культура?
17. Что такое духовная культура?
18. Перечислите формы культуры.
19. Что такое элитарная культура?
20. Что такое народная культура?
21. Что такое массовая культура?
22. Что такое субкультура?
23. Что такое контркультура?
24. В чем состоит структурное разнообразие культуры?
25. Назовите социальные функции культуры.
26. Коммуникативная природа культуры. Традиции и новации в динамике культуры.
27. Что такое традиции?
28. Что такое новации?
29. В чем заключается единство культуры?
30. В чем заключается многообразие культуры?
31. Что такое мораль?

32. Что такое нравственность?
33. Какова структура морали?
34. Назовите важнейшие черты, выражающие специфику морального регулирования поведения человека.
35. Дайте определение этики.
36. Назовите функции морали.
37. Что такое искусство?
38. Значения термина «искусство».
39. Что такое эстетика?
40. Назовите функции искусства.
41. Что такое религия?
42. Что такое религиозное сознание?
43. Что такое религиозная идеология?
44. Что такое религиозный культ?
45. Что такое религиозные организации?
46. Назовите основной тип религиозной организации.
47. Какие функции выполняет религия?

II. ОРИГИНАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ТЕКСТЫ И КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ИХ ИЗУЧЕНИЮ

Н. А КУН

«Происхождение мира и богов»

Вначале существовал лишь вечный, безграничный, темный Хаос. В нем заключался источник жизни. Все возникло из безграничного Хаоса — весь мир и бессмертные боги. Из Хаоса произошла и богиня Земля — Гея. Широко раскинулась она, могучая, дающая жизнь всему, что живет и растет на ней. Далеко же под Землей, так далеко, как далеко от нас необъятное, светлое небо, в неизмеримой глубине родился мрачный Тартар — ужасная бездна, полная вечной тьмы. Из Хаоса родилась и могучая сила, все оживляющая Любовь — Эрос. Безграничный Хаос породил вечный Мрак — Эреб и темную Ночь — Нюкту. А от Ночи и Мрака произошли вечный Свет — Эфир и радостный светлый День — Гемера. Свет разлился по миру, и стали сменять друг друга ночь и день.

Могучая, благодатная Земля породила беспредельное голубое Небо — Урана, и раскинулось Небо над Землей. Гордо поднялись к нему высокие Горы, рожденные Землей, и широко разлилось вечно шумящее Море.

Уран — Небо — воцарился в мире. Он взял себе в жены благодатную Землю. Шесть сыновей и шесть дочерей — могучих, грозных титанов — было у Урана и Геи. Их сын, титан Океан, обтекающий всю землю, и богиня Фетида породили на свет все реки, которые катят свои волны к морю, и морских богинь — океанид. Титан же Гипперион и Тейя дали миру детей:

Солнце — Гелиоса, Луну — Селену и румяную Зарю — розоперстую Эос (Аврора). От Астрея и Эос произошли звезды, которые горят на темном ночном небе, и ветры: бурный северный ветер Борей, восточный Эвр, влажный южный Нот и западный ласковый ветер Зефир, несущий обильные дождем тучи.

Кроме титанов, породила могучая Земля трех великанов — циклопов с одним глазом во лбу — и трех громадных, как горы, пятидесятиголовых великанов — сторуких (гекатонхейров), названных так потому, что сто рук было у каждого из них. Против их ужасной силы ничто не может устоять, их стихийная сила не знает предела.

Возненавидел Уран своих детей-великанов, в недра богини Земли заключил он их в глубоком мраке и не позволил им выходить на свет. Страдала мать их Земля. Ее давило страшное бремя, заключенное в ее недрах. Вызвала она детей своих, титанов, и убеждала их восстать против воли отца Урана, но они боялись поднять руку на отца. Только младший их них, коварный Крон, хитростью низверг своего отца и отнял у него власть.

Богиня Ночь родила в наказание Крону целый сонм ужасных божеств: Таната — смерть, Эриду — раздор, Апату — обман, Кер — уничтожение, Гипнос — сон с роем мрачных тяжелых видений, не знающую пощады Немесиду — отмщение за преступления — и много других. Ужас, раздоры, обман, борьбу и несчастье внесли эти боги в мир, где воцарился на троне своего отца Крон.

См.: Кун, Н. А. Происхождение мира и богов / Н. А. Кун // Легенды и мифы древней Греции. — Минск, 1989. — С. 14–15.

• *Охарактеризуйте основные черты мифологического мировоззрения, содержащиеся в данном тексте.*

БИБЛИЯ. ПЕРВАЯ КНИГА МОИСЕЕВА. БЫТИЕ

Глава 1.

1. Сотворение неба и земли.

Вначале сотворил Бог небо и землю.

2. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою.

3. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

4. И увидел Бог свет, что он хорош: и отделил Бог свет от тьмы.

5. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

6. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды.

7. И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.

8. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй.
9. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так.
10. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо.
11. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.
12. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что это хорошо.
13. И был вечер, и было утро: день третий.
14. И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов.
15. И да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так.
16. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды.
17. И поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю.
18. И управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо.
19. И был вечер, и было утро: день четвертый.
20. И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую, и птицы да полетят над землею, по тверди небесной.
21. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которые произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо.
22. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле.
23. И был вечер, и было утро: день пятый.
24. И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.
25. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо.
26. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися на земле.
27. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину, сотворил их.
28. И благослови их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

29. И сказал Бог: вот, Я дал вас всякую траву, сеющую семя, такая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам еще будет в пищу.

30. А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так.

31. И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестый.

Глава 2.

1. Бог благословляет седьмой день. Так совершенны небо и земля и все воинство их.

2. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал.

3. И благословил Бог седьмый день и освятил его, ибо в онный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.

4. Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо.

5. И всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла; ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделания земли.

6. Но пар поднимался с земли, и орошал все лице земли.

7. И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою.

8. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал.

9. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.

10. Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки.

11. Имя одной Фисон: она обтекает всю земля Хавила. Ту, где золото.

12. И золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс.

13. Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш.

14. Имя третьей реки Хиддекель: она протекает перед Ассириею. Четвертая река Евфрат.

15. И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его.

16. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть.

17. А от дерева добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь.

18. И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.

19. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

20. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему.

21. И навел Господь Бог на человека крепкий сон, и когда он уснул, взял одно из ребер его, и закрыл то место плотию.

22. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку.

23. И сказал человек: вот кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою: ибо взята от мужа.

24. Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть.

И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились.

См.: Библия: в русском переводе. — Минск, 2004. — С. 1–3.

• *Охарактеризуйте основные религиозно-философские идеи, содержащиеся в данном отрывке Библии.*

КОНФУЦИЙ **Беседы и суждения («Лунь-ой»)**

Конфуций говорил: «Кто не признает судьбы, тот не может считаться благородным мужем».

Благородный муж испытывает три страха: перед небесной судьбой, перед великими людьми и перед словами мудреца.

Учитель сказал: «Правитель [всегда должен быть] правителем, слуга — слугой, отец — отцом, сын — сыном».

Конфуций сказал: «Если наставлять людей с помощью законоположений, если ограничивать и сдерживать их с помощью наказаний и казней, то хотя они не будут совершать преступления, но в сердцах своих не будут испытывать отвращения к дурным поступкам. Если же наставлять людей с помощью нравственных требований и установить правила поведения соответственно «ли», то люди не только будут стыдиться плохих дел, но и искренне возвратятся на праведный путь».

...[Ученик] Цзы Гунн спросил учителя: «Можно ли одним предложением выразить правило, которому необходимо следовать всю жизнь?» Учитель ответил: «Можно. Чего не желаешь себе, того не делай и другим».

...Конфуций сказал: «Я не тот, кто обладает знанием от рождения, а тот, кто, любя древность, усердно ищет ее... Все, что видишь, все, что слышишь, молча откладывай в сердце. Не чувствуй пресыщения от усердного учения, неустанно учи других».

Конфуций сказал: «Высшее знание — это врожденное знание. Ниже знания, приобретенные учением. Еще ниже знания, приобретенные в итоге одоления трудностей. Наиболее ничтожен тот, кто не желает извлекать поучительного урока из трудностей».

Конфуций сказал: «Послушай, Ю, я хочу научить тебя правильно относиться к знаниям. О том, что ты знаешь, говори, что знаешь. А о том, чего не знаешь, говори, что не знаешь. Только такое отношение к знаниям мудро».

Если только учиться и не стремиться к размышлениям, то от этого мало будет проку. А если только размышлять и не учиться, то это приведет к возникновению сомнений и непостоянства».

См.: *Конфуций. Беседы и суждения («Лунь-ой»)* // Антология культурологической мысли. — М., 1996. — С. 24–26.

- *Каковы добродетели благородного мужа?*
- *Как формулируется золотое правило морали?*
- *В чем суть учения Конфуция о знании?*

ГЕРАКЛИТ

Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающий, мерно угасающий.

...Огонь — первоэлемент, и все вещи — эквивалент огня — возникают из него путем разрежения и сгущения ... Все возникает в силу противоположности, и все течет подобно реке. Вселенная конечна, и космос один. Рождается он из огня и снова сгорает дотла через определенные периоды времени, попеременно в течение совокупной вечности, происходит же это согласно судьбе. Та из противоположностей, которая ведет к возникновению (космоса), называется войной и распрей, а та, что к сгоранию (эпипрозе) — согласием и миром, изменение — путем вверх-вниз, по которому и возникает космос. Сгущаясь, огонь увлажняется и, сплываясь, становится водой; вода, затвердевая, превращается в землю: это путь вниз. Земля, в свою очередь, снова тает, из нее возникает вода, а из воды — все остальное; причины почти всех явлений он возводит к испарению из моря — это путь вверх. Испарения происходят из земли и из моря, одни светлые и чистые, другие темные: огонь возрастает за счет светлых, влажное начало — за счет темных.

См.: *Фрагменты ранних греческих философов.* — М., 1989. — Ч. 1. — С. 39, 177.

- *В чем состоит материализм и диалектика Гераклита?*

ДЕМОКРИТ

...Начала Вселенной есть атомы и пустота, все остальное лишь считается существующим. Миры бесконечны и подвержены возникновению и разрушению. Ничто не возникает из несуществующего, и ничто не разрушается в несуществующее. Атомы тоже бесконечны по величине и количеству, они вихрем несутся во Вселенной и этим порождают все сложное — огонь, воду, воздух, землю, ибо все они суть соединения каких-то атомов, которые не подвержены воздействиям и неизменны в силу своей твердости. Солнце и луна состоят из таких же телец, гладких и круглых, точно так же, как и душа; а душа и ум — одно и то же. Видим мы оттого, что в нас попадают и остаются видности. Все возникает по неизбежности: причина всякого возникновения — вихрь, и этот вихрь, душевное благосостояние; и оно не тождественно с наслаждением, как ошибочно понимали некоторые, — это состояние, при котором душа пребывает в спокойствии и равновесии, не смущаемая ни страхом, ни суеверием, ни иною какою-нибудь страстью. И он называет его также «благодушием» и многими другими именами. Качества существуют лишь по установлению, по природе же существуют только атомы и пустота.

См.: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.* — М., 1986. — С. 346.

- *В чем суть атомистического учения Демокрита?*

ПИФАГОР

Самосец Пифагор, сын Мнесарха, первый назвавший философию этим именем, [признает] началами числа и заключающиеся в них соразмерности, которые он называет также гармониями, элементы же, называемые геометрическими, [он считает] состоящими из тех и других [начал]. Опять же [он принимает] в началах монаду и неопределенную диаду. Одно из начал у него устремляется к действующей и видовой причине, каковая есть бог — ум, другая же [относится] к причине страдательной и материальной, каковая есть видимый мир.

О чем Пифагор учил своих учеников, никто не может сказать с уверенностью, ибо они давали строгий обет молчания. Из его учений наиболее общеизвестны следующие: что, по его словам, душа бессмертна, но переходит в тело других живых существ; далее, что все происходящее в мире снова повторяется через определенные промежутки времени, но что ничего нового вообще не происходит и что все живые существа необходимо считать однородными между собой. Говорят, что эти учения впервые принес в Грецию Пифагор.

См.: *Антология мировой философии: в 4 т.* — М., 1971. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 286–287.

- *Что такое метемпсихоз?*

Вся Вселенная составлена согласно некоторому гармоническому отношению, так как она состоит из чисел и согласно числовому и гармоническому отношению.

Небо [= Вселенная] составлено из чисел и согласно гармонии ... нечетные числа посвящены мужским богам вследствие неделимости, обращенности ... к себе и пребывания ... Четные числа, в свою очередь, ... посвящены женским богам вследствие делимости и прогресса.

... Начало [архэ] всех вещей — единица (монада), а из единицы гипостазировалась двоица (диада), которая относится к единице как материя к [творящей] причине. Из единицы и неопределенной двоицы [гипостазировались] числа, а из чисел — точки, из точек — линии, из линий — плоские фигуры, из плоских — телесные фигуры, а их них — чувственные тела, элементов которых четыре: огонь, вода, земля, воздух, которые изменяются и превращаются насквозь, и [в результате] из них рождается космос — живой..., наделенный сознанием..., шарообразный, содержащий в середине Землю, тоже шарообразную и населенную со всех сторон. В космосе в равной пропорции ... существуют свет и тьма, горячее и холодное, сухое и влажное; когда из них преобладает горячее, наступает лето, когда холодное — зима, а когда они в равновесии — то наилучшие времена года, из коих весна, пора цветения, благотворна для здоровья, а осень, пора увядания, болезнетворна. Так и в сутках: утро — пора расцвета, вечер — увядания, поэтому вечер болезнетворней. Воздух вокруг Земли неколышимый и болезнетворный, поэтому все существа, [живущие] в нем, смертны, а самый горный [воздух] вечнодвижущийся, чистый и здоровый, и все существа, [живущие] в нем, бессмертны и потому божественны.

См.: Фрагменты ранних греческих философов. — М., 1989. — Ч. 1. — С. 468, 469, 475, 486.

- *Охарактеризуйте учение Пифагора о музыкально-числовой гармонии.*

ПЛАТОН **«Федр»**

... Человек должен постигать [ее] в соответствии с идеей, исходящей от многих чувственных восприятий, но сводимой рассудком воедино. А это есть припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала богу, свысока глядела на то, что мы теперь называем бытием, и поднималась до подлинного бытия. Поэтому по справедливости окрыляется только разум философа: у него всегда по мере его сил память обращена на то, чем божествен бог. Только человек, правильно пользующийся такими воспоминаниями, всегда посвящаемый в современные таинства, становится подлинно совершенным.

См.: Платон. Федр: в 3 т. — М., 1970. — Т. 2. — С. 185.

- *Охарактеризуйте точку зрения Платона в познании.*

— Тебе легче будет понять, если сперва я скажу вот что: я думаю, ты знаешь, что те, кто занимается геометрией, счетом и тому подобным, предполагают в любом своем исследовании, будто им известно, что такое чет и нечет, фигуры, три вида углов и прочее в том же роде. Это они принимают за исходные положения и не считают нужным отдавать в них отчет ни себе, ни другим, словно это всякому и без того ясно. Исходя из этих положений, они разбирают уже все остальное и последовательно доводят до конца то, что было предметом их рассмотрения.

— Это-то я очень хорошо знаю.

— Но ведь когда они вдобавок пользуются чертежами и делают отсюда выводы, их мысль обращена не на чертеж, а на те фигуры, подобием которых он служит. Выводы свои они делают только для четырехугольника самого по себе и его диагонали, а не для той диагонали, которую они начертили. Так и во всем остальном. То же самое относится к произведениям ваяния и живописи: от них может падать тень, и возможны их отражения в воде, но сами они служат лишь образным выражением того, что можно видеть не иначе как мысленным взором.

— Ты прав.

— Вот об этом виде умопостигаемого я тогда и говорил: душа в своем стремлении к нему бывает вынуждена пользоваться предпосылками и потому не восходит к его началу, так как она не в состоянии выйти за пределы предполагаемого и пользуется лишь образными подобиями, выраженными в низших вещах, особенно в тех, в которых она находит и почитает более отчетливое их выражение ...

Символ пещеры

— После этого, — сказал я, — ты можешь уподобить нашу человеческую природу в отношении просвещенности и непросвещенности вот какому состоянию ... посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная — глянь-ка — невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

— Это я себе представляю.

— Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

— Станный ты рисуешь образ и странных узников!

— Подобных нам. Прежде всего разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

— Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

— А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же ли самое происходит и с ними?

— То есть?

— Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

— Непременно так.

— Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

— Клянусь Зевсом, я этого не думаю.

— Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.

— Это совершенно неизбежно.

— Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем — случилось нечто подобное.

Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх — в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд?

Обдумай еще и вот что: если бы такой человек опять спустился туда и сел бы на то же самое место, разве не были бы его глаза охвачены мраком при таком внезапном уходе от света Солнца?

— Конечно.

— А если бы ему снова пришлось состязаться с этими вечными узниками, разбирая значение тех теней? Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут — а на это потребовалось бы немалое время, — разве не казался бы он смешон? О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь, А кто принялся бы освободить узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?

— Непременно убили бы.

— Так вот, дорогой мой Главкон, это уподобление следует применить ко всему, что было сказано ранее; область, охватываемая зрением, подобна

тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи Солнца. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, — это подъем души в область умопостигаемого. Если ты все это допустишь, то постигнешь мою заветную мысль — коль скоро ты стремишься ее узнать, — а уж богу ведомо, верна ли она. Итак, вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея блага — это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она — причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама — владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни.

— Я согласен с тобой, насколько мне это доступно.

— Тогда будь со мной заодно еще вот в чем: не удивляйся, что пришедшие ко всему этому не хотят заниматься человеческими делами; их души всегда стремятся ввысь. Да это и естественно, поскольку соответствует нарисованной выше картине.

— Да, естественно.

См.: *Платон. Государство*: в 3 т. — М., 1971. — Т. 3. — Ч. 1. — С. 318–319, 321–322, 324–325.

• *В чем заключается идеализм Платона?*

ЗЕНОН ЭЛЕЙСКИЙ **«О природе»**

И вот, все есть движение, материя находится в движении, и еще, все есть материя, и движение находится в материи. Они суть вещи и умопостигаемое, логическое и действительное. Ибо то, что есть движение, является и материей, и то, что есть материя, есть движение, так как они являются творцами друг друга. Ибо согревание и охлаждение, увлажнение и иссушение материи образуются (исходя) от движения, а возникновение и уничтожение, рост и убыль, возмущение и изменение движения исходят от материи.

Во-первых, подлежащее в движении различается по разреженности пустоты. А подлежащее материи — по густоте (насыщенности) движения, и приобретает видимость (проявление) от пустоты.

Во-вторых, (движение и материя), согласно бесконечности, неподвижны и нематериальны, ибо не перемешаны, ибо движение и материя образуются из неподвижного и нематериального, а покой — и из материи, и из движения, о чем сказано в форме притчей.

См.: *Зенон Элейский. О природе* // С. Аревшатян. Трактат философа Зенона «О природе». — Ереван, 1956. — С. 339.

• *Автором каких диалектических идей является Зенон?*

Есть четыре рассуждения Зенона о движении, доставляющие большие затруднения тем, которые хотят их разрешить. Первое — о несуществовании движения на том основании, что перемещающееся тело должно прежде дойти до половины, чем до конца... Второе — так называемый Ахиллес. Оно заключается в том, что существо более медленное в беге никогда не будет настигнуто самым быстрым, ибо преследующему необходимо раньше прийти в место, откуда уже двинулось убегающее, так что более медленное всегда имеет некоторое преимущество. Третье ... заключается в том, что летящая стрела стоит неподвижно; оно вытекает из предположения, что время слагается из отдельных «теперь» ... Четвертое рассуждение относится к двум равным массам, движущимся по ристалищу с противоположных сторон с равной скоростью: один с конца ристалища, другие от середины, в результате чего, по его мнению, получается, что половина времени равна ее двойному количеству.

См.: Антология мировой философии: в 4 т. — М., 1970. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 299.

- *В чем суть апорий Зенона?*

АРИСТОТЕЛЬ

... Следует рассмотреть, каковы те причины и начала, наука о которых есть мудрость. Если рассмотреть те мнения, какие мы имеем о мудром, то, быть может, достигнем здесь больше ясности. Во-первых, мы предполагаем, что мудрый, насколько это возможно, знает все, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности. Во-вторых, мы считаем мудрым того, кто способен познать трудное и нелегко постижимое для человека (ведь восприятие чувствами свойственно всем, а потому это легко и ничего мудрого в этом нет). В-третьих, мы считаем, что более мудр во всякой науке тот, кто более точен и более способен научить выявлению причин, и, [в-четвертых], что из наук в большей мере мудрость та, которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы, а [в-пятых], та, которая главенствует, — в большей мере, чем вспомогательная, ибо мудрому надлежит не получать наставления, а наставлять, и не он должен повиноваться другому, а ему — тот, кто менее мудр.

Вот каковы мнения и вот сколько мы их имеем о мудрости и мудрых. Из указанного здесь знание обо всем необходимо имеет тот, кто в наибольшей мере обладает знанием общего, ибо в некотором смысле он знает все подпадающее под общее. Но, пожалуй, труднее всего для человека познать именно это, наиболее общее, ибо оно дальше всего от чувственных восприятий. А наиболее строги те науки, которые больше всего занимаются первыми началами: ведь те, которые исходят из меньшего числа [предпосылок], более строги, нежели те, которое приобретаются на основе прибавления (например, арифметика более строга, чем геометрия). Но и научить более способна та наука, которая исследует причины, ибо научают те, кто указы-

вает причины для каждой вещи. А знание и понимание ради самого знания и понимания более всего присущи науке о том, что наиболее достойно познания, ибо тот, кто предпочитает знание ради знания, больше всего предпочтет науку наиболее совершенную, а такова наука о наиболее достойном познания. А наиболее достойны познания первоначала и причины, ибо через них и на их основе познается все остальное, а не они через то, что им подчинено. И наука, в наибольшей мере главенствующая и главнее вспомогательной, — та, которая познает цель, ради которой надлежит действовать в каждом отдельном случае; эта цель есть в каждом отдельном случае то или иное благо, а во всей природе вообще — наилучшее.

Итак, из всего сказанного следует, что имя [мудрости] необходимо отнести к одной и той же науке: это должна быть наука, исследующая первые начала и причины: ведь и благо, и «то, ради чего» есть один из видов причин. А что это не искусство творения, объяснили уже первые философы. Ибо и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также о происхождении Вселенной. Но недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим (поэтому и тот, кто любит мифы, есть в некотором смысле философ, ибо миф создается на основе удивительного). Если, таким образом, начали философствовать, чтобы избавиться от незнания, то, очевидно, к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы. Сам ход вещей подтверждает это; а именно: когда оказалось в наличии почти все необходимое, равно как и то, что облегчает жизнь и доставляет удовольствие, тогда стали искать такого рода разумение. Ясно поэтому, что мы не ищем его ни для какой другой надобности. И так же как свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого, точно так же и эта наука единственно свободная, ибо она одна существует ради самой себя.

См.: *Аристотель*. Метафизика: в 4 т. — М., 1975. — Т. 1. — С. 67–69.

- *Какие вопросы, согласно Аристотелю, исследует философия как наука?*

ПРОТАГОР

Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют.

И вследствие этого он принимает только то, что является каждому [отдельному человеку], и таким образом вводит [принцип относительности] ...

См.: *Антология мировой философии*: в 4 т. — М., 1970. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 316.

- *В чем заключается релятивизм софистов?*

ЭПИКУР

Пусть никто в молодости не откладывает занятий философией. А в старости не утомляется занятиями философией: ведь для душевного здоровья никто не может быть незрелым и перезрелым.

Привыкай думать, что смерть для нас — ничто: ведь и хорошее и дурное заключается в ощущениях, а смерть есть лишение ощущений ... смерть не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, нас уже нет.

См.: *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М., 1986. — С. 402–406.

- *В чем заключается материализм и атеизм Эпикура?*

Итак, когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие, или не соглашающиеся, или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог. Нет, не попойки и кутежи непрерывные, не наслаждения мальчиками и женщинами, не наслаждения рыбою и всеми прочими яствами, которые доставляет роскошный стол, рождают приятную жизнь, но трезвое рассуждение, исследующее причины всякого выбора и избегания и изгоняющее [лживые] мнения, которые производят в душе величайшее смятение.

См.: *Антология мировой философии*: в 4 т. — М., 1970. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 357.

- *В чем заключается гедонизм Эпикура?*

СЕНЕКА

Не может быть природы без бога и бога без природы.

Судьбы ведут того, кто хочет, и тащат того, кто не хочет.

См.: *Антология мировой философии*: в 4 т. — М., 1970. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 506.

- *Как характеризуется точка зрения Сенеки?*

... Природа должна быть нашим руководителем; разум следует ей и советует нам это. Следовательно, жить счастливо — одно и то же, что жить согласно с природой.

См.: *Римские стоики*. — М., 1995. — С. 193–195.

- *Что означает требование стоиков жить в согласии с природой, в согласии с добродетелью?*

АВРЕЛИЙ АВГУСТИН

Итак, два града созданы двумя родами любви: земной — любовью к себе, доведенною до презрения к Богу, а Небесный — любовью к себе, доведенною до презрения к самому себе. Первый затем полагает славу свою в самом себе, последний — в Господе.

Граждан земного града рождает испорченная грехом природа, а граждан града Небесного рождает благодать, освобождающая природу от греха; почему те называются сосудами гнева Божия, а эти — сосудами милосердия.

См.: Антология мировой философии: в 4 т. — М., 1969. — Т. 1. — Ч. 2. — С. 298.

- *Что такое град Земной и град Божий у Аврелия Августина?*

ФОМА АКВИНСКИЙ

... Необходимо, чтобы философские дисциплины, которые получают свое знание от разума, были дополнены наукой, священной и основанной на откровении.

... Бытие Божие может быть доказано пятью путями.

Первый и наиболее очевидный путь исходит из понятия движения. Следовательно, необходимо дойти до некоторого перводвигателя, который сам не движим ничем иным; а под ним все разумеют Бога.

Второй путь исходит из понятия производящей причины.

Следовательно, необходимо положить некоторую первичную производящую причину, каковую все именуют Богом.

Третий путь исходит из понятий возможности и необходимости и сводится к следующему ... необходимо положить некую необходимую сущность, необходимую самое по себе, не имеющую внешней причины своей необходимости, но самое составляющую причину необходимости всех иных; по общему мнению, это и есть Бог.

Четвертый путь исходит из различных степеней, которые обнаруживаются в вещах ... есть некоторая сущность, являющаяся для всех сущностей причиной блага и всяческого совершенства; и ее мы именуем Богом.

Пятый путь исходит из распорядка природы ... есть разумное существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе; и его мы именуем Богом.

... Бог есть первопричина всех вещей как их образец.

См.: *Боргош, Ю.* Фома Аквинский / Ю. Боргош. — М., 1975. Приложение. — С. 143–148, 155, 175–176.

- *Каков философский смысл доказательств бытия Бога у Фомы Аквинского?*

Т. МОР **«Утопия»**

...У всех и женщин без исключения есть единое общее дело — сельское хозяйство. Ему обучают всех с детства, — отчасти в школе, где дают наставления, отчасти — на полях, поблизости от города, куда вывозят детей как бы для игры, однако они не только наблюдают, но, пользуясь удобной возможностью, упражняют тело, также и трудятся.

Помимо сельского хозяйства (которым, как я сказал, заняты все), каждый изучает что-нибудь еще, как бы именно свое. Они обычно заняты прядением шерсти или же обработкой льна, ремеслом каменщиков, жестянщиков или плотников...

... для работы отводят всего шесть: три — до полудня, после которого идут обедать, и, отдохнув от обеда два послеполуденных часа, снова уделив труду три часа, завершают день ужином. Оттого, что первый час считают они с полудня, то спать они ложатся около восьми. Сон требует восемь часов. Что остается лишним от часов на работу, сон и еду, дозволяется каждому проводить по своей воле, но не проводить это время в разгуле и беспечности, а часы, свободные от ремесла, надобно тратить на другие занятия по своему вкусу. Эти перерывы большая часть людей посвящает наукам. Обыкновенно они каждый день в предрассветные часы устраивают публичные чтения и участвуют в них, по крайней мере приводят туда именно тех, которые отобраны для науки. Впрочем, великое множество разных людей — мужчины, равно как и женщины, — стекаются послушать эти чтения — кто куда: каждый по своей природной склонности. Однако, если кто-нибудь предпочтет уделить это же самое время своему ремеслу — это приходит в голову многим, у кого дух не возвышается до размышления над каким-либо предметом, — никто ему не препятствует. Его даже хвалят, как человека полезного для государства. После ужина один час они проводят в играх: летом — в садах, зимой — в тех общих дворцах, в которых едят. Там утопийцы занимаются музыкой или развлекают себя беседами ...

... государство это так устроено, что прежде всего важна только одна цель: насколько позволяют общественные нужды, избавить всех граждан от телесного рабства и даровать им как можно больше времени для духовной свободы и просвещения. Ибо в этом, полагают они, заключается счастье жизни ...

Во главе хозяйства, как я сказал, стоит старейший. Жены служат мужьям, дети — родителям, и вообще младшие по возрасту — старшим.

Каждый город делится на четыре равные части. В середине каждой части есть рынок со всякими товарами. Туда каждое хозяйство свозит определенные свои изделия, и каждый вид их помещают в отдельные склады. Любой глава хозяйства просит то, что надобно ему самому и его близким, притом без денег, вообще безо всякого вознаграждения уносит все, что только попросят.

Между тем с золотом и серебром, из которого делают деньги, поступают они так, что никто не ценит их более, чем заслуживает того сама их природа; а кому не видно, насколько хуже они, чем железо?...

Из золота и серебра не только в общих дворцах, но и в частных домах — повсюду делают они ночные горшки и всякие сосуды для нечистот. К тому же утопийцы из этих металлов изготавливают цепи и тяжелые оковы, которые надевают на рабов. Наконец, у каждого, кто опозорил себя каким-нибудь преступлением, с ушей свисают золотые кольца, золото охватывает пальцы, золотое ожерелье окружает шею, и, наконец, золото обвивает его голову. Так они всеми способами стараются, чтобы золото и серебро были у них в бесславии.

... Эти, столь сильно отличающиеся от прочих народов, установления порождают столь же отличающееся умонастроение ...

... здесь, где все принадлежит всем, ни у кого нет сомнения, что ни один отдельный человек ни в чем не будет иметь нужды, если только он позаботится о том, чтобы были полны общественные житницы. Оттого что здесь нет скарредного распределения добра, нет ни одного бедного, ни одного нищего. И, хотя ни у кого там ничего нет, все, однако же, богаты.

Разве жить вовсе безо всяких тревог, с радостной и спокойной душой не значит быть очень богатым? Не надобно дрожать за собственное пропитание, мучиться от жалобных требований жены, страшиться бедности сына, беспокоиться о приданом для дочери. Каждый может быть уверен, что будут сыты и счастливы и он сам, и все его близкие: жена, сыновья, внуки, правнуки и весь длинный ряд потомков, о которых высокородные люди думают заранее...

См.: *Утопический социализм: Хрестоматия* / общ. ред. А. И. Володина. — М.: Политиздат, 1982. — С. 63–66, 68–69, 76.

- *Как устроено государство утопийцев?*

Т. ГОББС

Естественное право ... есть свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т. е. собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что, по его суждению и разумению, является наиболее подходящим для этого средством.

См.: *Мир философии: Книга для чтения*. — Ч. 2.: Человек. Общество. Культура. — М.: Политиздат, 1991. — С. 175.

- *Что такое естественное право?*

Под свободой, согласно точному значению слова, подразумевается отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом.

См.: *Мир философии: Книга для чтения.* — Ч. 2.: Человек. Общество. Культура. — М.: Политиздат, 1991. — С. 175.

• *Что такое свобода по Т. Гоббсу?*

Д. ЛОКК

1. *Указать путь, каким мы приходим ко всякому знанию, достаточно для доказательства того, что оно неврожденно.* Некоторые считают установленным взгляд, будто в разуме есть некие *врожденные принципы*, некие первичные понятия ... так сказать запечатленные в сознании знаки, которые душа получает при самом начале своего бытия и приносит с собою в мир. Чтобы убедить непредубежденных читателей в ложности этого предположения, достаточно лишь показать, как люди исключительно при помощи своих природных способностей, без всякого содействия со стороны врожденных впечатлений, могут достигнуть всего своего знания и прийти к достоверности без таких первоначальных понятий или принципов. Ибо, я думаю, все охотно согласятся, что дерзко предполагать врожденными идеи цветов в существе, которому бог дал зрение и способность воспринимать при помощи глаз цвета от внешних вещей. Не менее безрассудно считать некоторые истины природными отпечатками и врожденными знаками, ибо ведь мы видим в себе способность прийти к такому же легкому и достоверному познанию их и без того, чтобы они были первоначально запечатлены в душе ...

2. *Общее согласие как главный довод.* Ничто не пользуется таким общим признанием, как то, что есть некоторые принципы, как *умозрительные*, так и *практические* (ибо речь ведут и о тех и о других), с которыми согласны все люди. Отсюда защитники приведенного взгляда заключают, что эти принципы необходимо должны быть постоянными отпечатками, которые души людей получают при начале своего бытия и приносят с собой в мир столь же необходимо и реально, как и все другие присущие им способности.

3. *Общее согласие вовсе не доказывает врожденности.* Довод со ссылкой на *всеобщее согласие* заключает в себе тот изъян, что, будь даже в самом деле верно, что существует несколько признаваемых всем человечеством истин, он все-таки не доказывал бы врожденности этих истин, если бы удалось показать, что имеется другой путь, каким люди приходят

ко всеобщему согласию относительно вещей, о которых они сходятся во взглядах, а я предполагаю, что это показать возможно.

4. *Положения: «Что есть, то есть» и «Невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была» — не пользуются всеобщим признанием.* Но, что гораздо хуже, довод со ссылкой на всеобщее согласие, которым пользуются для доказательства существования врожденных принципов, мне кажется, скорее доказывает, что их нет, ибо нет принципов, которые бы пользовались признанием всего человечества ...

5. *Эти положения не запечатлены в душе от природы, ибо они неизвестны детям, идиотам и другим людям.* Ибо, во-первых, очевидно, что *дети и идиоты* не имеют ни малейшего понятия или помышления о них. А этого пробела достаточно, чтобы расстроить всеобщее согласие, которое должно непременно сопутствовать всем врожденным истинам; мне кажется чуть ли не противоречием утверждение, будто есть запечатленные в душе истины, которых душа не осознает или не понимает, так как «запечатлеть», если это имеет какой-нибудь смысл, означает не что иное, как способствовать тому, чтобы некоторые истины были осознаны ...

15. *Шаги, которыми разум (mind) доходит до различных истин.* Чувства сперва вводят единичные идеи и заполняют ими еще пустое место (empty cabinet), и, по мере того как разум постепенно осваивается с некоторыми из них, они помещаются в памяти и получают имена. Затем, подвигаясь вперед, разум абстрагирует их и постепенно научается употреблению общих имен. Так разум наделяется идеями и словами, материалом для упражнения своей способности рассуждения. С увеличением материала, дающего разуму работу, применение его с каждым днем становится все более и более заметным. Но хотя запас общих идей и растет обыкновенно вместе с употреблением общих имен и рассуждающей деятельностью, все-таки я не вижу, как это может доказать их врожденность ...

25. *Откуда мнение о врожденных принципах.* То, что люди нашли несколько общих положений, в которых могли не сомневаться сразу, как только их поняли, это, на мой взгляд, *прямо и легко вело к заключению, что они врожденны.* Это, будучи однажды принято, избавило ленивого от мук исканий и остановило сомневающегося в его исследованиях и коснулось всего, что было однажды названо врожденным. А для тех, кто претендовал на роль ученых и учителей, было немалой выгодой установить в качестве принципа *принципов* то положение, что нельзя подвергать сомнению принципы. Ибо, установив раз принцип, что есть врожденные принципы, они внушили своим последователям необходимость принять некоторые учения как такие принципы, чтобы отвлечь людей от пользования собственным разумом и способности суждения, заставив принимать все на веру и слово, без дальнейшего исследования. При такой слепой доверчивости легче было ими управлять и сделать их полезными для тех, кто обладал умением и имел задачу наставлять их и руководить ими. Обладать авторитетом дик-

татора принципов и наставника неоспоримых истин и понуждать других на веру принимать за врожденный принцип все, что может служить целям учителя, — это немалая власть человека над человеком.

См.: Локк, Д. Опыт о человеческом разумении: в 3 т. — Д. Локк. — М., 1985. — Т. I. — С. 96–97, 103, 151–152.

- *Охарактеризуйте точку зрения Д. Локка по вопросам теории познания.*

Ф. БЭКОН **«Новый Органон»**

Есть четыре вида идолов, которые осаждают умы людей. Для того чтобы изучать их, дадим им имена. Назовем первый вид *идолами рода*, второй — *идолами пещеры*, третий — *идолами площади* и четвертый — *идолами театра*.

... *Идолы рода* находят основание в самой природе человека ... ибо ложно утверждать, что чувства человека есть мера вещей. Наоборот, все восприятия как чувства, так и ума покоятся на аналогии человека, а не на аналогии мира. Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде.

Идолы пещеры суть заблуждения отдельного человека. Ведь у каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. Происходит это или от особых прирожденных свойств каждого, или от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед которыми кто преклоняется, или вследствие разницы во впечатлениях, зависящей от того, получают ли их души предвзятые и предрасположенные или же души хладнокровные и спокойные, или по другим причинам ... Вот почему Гераклит правильно сказал, что люди ищут знаний в малых мирах, а не в большом, или общем мире.

Существуют еще идолы, которые происходят как бы в силу взаимной связанности и сообщества людей. Эти идолы мы называем, имея в виду порождающее их общение и сотоварищество людей, *идолами площади*. Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждает разум. Определения и разъяснения, которыми привыкли вооружаться и охранять себя ученые люди, никоим образом не помогают делу. Слова прямо насилуют разум, смешивают все и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям.

Существуют, наконец, идолы, которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств. Их мы называем *идолами театра*, ибо мы считаем, что, сколько

есть принятых или изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры ... При этом мы разумеем здесь не только общие философские учения, но и многочисленные начала и аксиомы наук, которые получили силу вследствие предания, веры и беззаботности ...

Но тягостнее всех идола площади, которые проникают в разум вместе со словами и именами. Люди верят, что их разум повелевает словами. Но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума. Это сделало науки и философию софистическими и бездейственными. Большая же часть слов имеет своим источником обычное мнение и разделяет вещи в границах, наиболее очевидных для разума толпы. Когда же более острый разум и более прилежное наблюдение хотят пересмотреть эти границы, чтобы они более соответствовали природе, слова становятся помехой. Отсюда и получается, что громкие и торжественные диспуты ученых часто превращаются в споры относительно слов и имен, а благоразумнее было бы (согласно обычаю и мудрости математиков) с них и начать для того, чтобы посредством определений привести их в порядок...

Итак, об отдельных видах идолов и об их проявлениях мы уже сказали. Все они должны быть отвергнуты и отброшены твердым и торжественным решением, и разум должен быть совершенно освобожден и очищен от них.

См.: Бэкон, Ф. Новый Органо: в 2 т. — Ф. Бэкон. — М., 1978. — Т. 2. — С. 18–20, 22–27, 28–30, 33.

- *Дайте характеристику врожденных и приобретенных идолов.*

Р. ДЕКАРТ

«Рассуждения о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках»

Первое — никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, иначе говоря, тщательно избегать опрометчивости и предвзятости и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать их сомнению.

Второе — делить каждое из исследуемых мною затруднений на столько частей, сколько это возможно и нужно для лучшего их преодоления.

Третье — придерживаться определенного порядка мышления, начиная с предметов наиболее простых и наиболее легко познаваемых и восходя постепенно к познанию наиболее сложного, предполагая порядок даже и там, где объекты мышления вовсе не даны в их естественной связи.

И последнее — составлять всегда перечни столь полные и обзоры столь общие, чтобы была уверенность в отсутствии упущений.

См.: Декарт, Р. Рассуждения о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках / Р. Декарт // Антология мировой философии: в 4 т. — М., 1970. — Т. 2. — С. 287.

- *Дайте характеристику рационалистического метода Р. Декарта.*

И. КАНТ

Все действия рассудка мы можем свести к суждениям, следовательно, *рассудок можно вообще представить как способность составлять суждения ... рассудок есть способность мыслить. Мышление есть познание через понятия.*

... Существует только один категорический императив, а именно: *поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом.*

... Человек и вообще всякое разумное существо *существует как цель сама по себе, а не только как средство* для любого применения со стороны той или другой воли; во всех своих поступках, направленных как на самого себя, так и на другие разумные существа, он всегда должен рассматриваться *также как цель.*

... Практическим императивом, таким образом, будет следующий: *поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству.*

См.: Антология мировой философии: в 4 т. — М., 1971. — Т. 3. — С. 120, 159, 160.

- *Охарактеризуйте познавательные способности рассудка и разума.*
- *Почему практическую философию И. Канта определяют как философию «долженствования»?*

Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это *звездное небо надо мной и моральный закон во мне.*

См.: Кант, И. Критика практического разума / И. Кант // Антология культурологической мысли. — М., 1996. — С. 58.

- *Каков предмет теоретической и практической философии И. Канта?*

Г. В. Ф. ГЕГЕЛЬ

Диалектический момент есть снятие ... конечными определениями самих себя и их переход в свою противоположность.

Диалектика есть, следовательно, движущая душа всякого научного развертывания мысли и представляет собой принцип, который один вносит в содержание науки *имманентную связь и необходимость*, равно как в нем же заключается подлинное, а не внешнее возвышение над конечным.

См.: Антология мировой философии: в 4 т. — М., 1971. — Т. 3. — С. 291, 292.

• В чем суть диалектического метода Г. В. Ф. Гегеля?

... *Истина необходимости* есть, следовательно, *свобода*, и *истина сущности* есть *понятие*, самостоятельность, которая есть отталкивание себя от себя в различные самостоятельные существования и именно как это отталкивание тождественна с собой; и это пребывающее у *самого себя* взаимодвижение остается лишь с *самим собой*.

Прибавление. Необходимость обыкновенно называют жестокой, и справедливо ее называют так, поскольку не идут дальше ее как таковой, т. е. не идут дальше ее непосредственной формы. Мы имеем здесь пред собой состояние или вообще некое содержание, которое обладает для себя своей устойчивостью, и под необходимостью разумеют прежде всего то, что на такое содержание наступает некое другое содержание и губит первое. В этом состоит жестокость и прискорбность непосредственной, или абстрактной, необходимости. Тождество этих двух содержаний, которые в необходимости являются связанными друг с другом и поэтому теряют свою самостоятельность, есть пока лишь внутреннее тождество и еще не существует для тех, которые подчинены необходимости, Таким образом, свобода в этой стадии есть пока лишь абстрактная свобода, которую мы спасаем лишь посредством отказа от того» чем мы непосредственно являемся и чем мы обладаем. Но, как мы видели, процесс необходимости таков, что благодаря ему преодолевается имеющаяся вначале неподатливая внешняя оболочка и открывается ее внутреннее ядро. Тогда обнаруживается, что связанные друг с другом содержания на деле не чужды друг другу, а суть лишь моменты *единого* целого, каждый из которых в отношении с другим остается у себя и соединяется с самим собой. Это — преобразование необходимости в свободу, и эта свобода есть не только свобода абстрактного отрицания, но скорее конкретная и положительная свобода. Отсюда мы можем также заключить, насколько превратно понимание свободы и необходимости как взаимно исключających друг друга. Конечно, необходимость как таковая еще не есть свобода, но свобода имеет своей предпо-

сылкой необходимость и содержит ее в себе как снятую. Нравственный человек сознает содержание своей деятельности чем-то необходимым, имеющим силу в себе и для себя, и этим так мало наносится ущерб его свободе, что последняя даже, наоборот, лишь благодаря этому сознанию становится действительной и содержательной свободой в отличие от произвола, который есть еще бессодержательная и лишь возможная свобода. Наказываемый преступник может рассматривать постигающее его наказание как ограничение своей свободы; на деле, однако, наказание не есть чуждая сила, которой он подчиняется, а лишь проявление его собственных деяний, и, признавая это, он ведет себя как свободный человек. Высшая самостоятельность человека состоит вообще в том, чтобы знать себя как то, что всецело определяется абсолютной идеей; такое сознание и поведение Спиноза называет *amor intellectualis Dei*.

См.: Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель // Энциклопедия философских наук: в 3 т. — М., 1975. — Т. 1. — С. 336–338.

- *Как Гегель понимает необходимость и свободу?*

Л. ФЕЙЕРБАХ

... Основу религии составляет чувство зависимости человека; в первоначальном смысле природа и есть предмет этого чувства зависимости; природа есть, таким образом, первый объект религии.

... Вера в бога есть не что иное, как вера человека в самого себя, ... он в своем боге ничего другого не почитает, ничего другого не любит как свое собственное существо, ... именно поэтому является ныне нашей задачей превратить это бессознательное, извращенное, фантастическое почитание и почитание сознательное, честное и разумное.

... Атеизм отрицает существо, отвлеченное от человека, которое называется богом, чтобы на его место поставить в качестве истинного действительное существо человека...

... Мы должны на место любви к богу поставить любовь к человеку как единственную истинную религию, на место веры в бога — веру человека в самого себя...

См.: Антология мировой философии: в 4 т. — М., 1971. — Т. 3. — С. 452, 457, 458.

- *В чем состоит своеобразие атеизма Л. Фейербаха?*

С. КЪЕРКЕГОР
«Страх и трепет»

**Глава 2. Страх как то, что разъясняет первородный грех вперед,
в прогрессии**

§2. Субъективный страх

... Через грех чувственность превратилась в греховность. Этот тезис означает нечто двойственное. Через грех чувственность превращается в греховность, и через Адама грех вошел в мир. Эти определения должны постоянно уравнивать друг друга; в противном случае будет сказано нечто неистинное. То, что чувственность однажды вдруг становится греховностью, принадлежит истории поколения, однако то, что чувственность становится такой, принадлежит качественному прыжку индивида.

В шестом параграфе первой главы мы напомнили о том, что сотворение Евы уже заранее образно представляет нам следствие отношений между поколениями. В некотором смысле оно обозначает нечто производное, а производное никогда не бывает столь же совершенным, как изначальное. Однако различие здесь чисто количественное. Последующий индивид по сути своей столь же изначален и оригинален, как первый. Различие *in pleno* (для всех последующих индивидов таково: производность; однако производное опять-таки может означать для единичного индивида нечто большее или нечто меньшее).

Такое производное бытие женщины одновременно содержит в себе разъяснение того, в каком смысле она слабее мужчины, — а это есть нечто, принимавшееся во все времена, независимо от того, говорил ли об этом некий паша или же романтический рыцарь. Тем не менее различие здесь означает не что иное, как то, что мужчина и женщина по сути своей равны, несмотря на свое несходство. Выражением такого различия будет то, что страх в Еве рефлексивнее, чем в Адаме. Причиной этого является то, что женщина чувственнее мужчины. Естественно, здесь речь идет не о некотором эмпирическом состоянии или средней величине, но о различии синтеза. Когда в одной части синтеза чего-то становится больше, вследствие этого, когда полагается дух, зазор открывается глубже, и в самой возможности свободы страх получит большую сферу приложения. В Книге Бытия именно Ева соблазняет Адама. Однако же отсюда никоим образом не следует, что страх является неким несовершенством, напротив, степень страха скорее уж предсказывает возможную степень совершенства.

Уже здесь исследование показывает, что отношение чувственности соответствует отношению страха. И как только теперь проявляется отношение между поколениями, то, что было сказано о Еве, становится указанием на то, как складывается отношение каждого последующего индивида к Адаму, иначе говоря, по мере того как в поколении увеличивается чувст-

венность, увеличивается также и страх. Следствие отношения между поколениями означает, стало быть, нечто «большее», так что ни один индивид не может избежать этого «большее», которое является «большим» всякого последующего индивида в его отношении к Адаму; притом, однако, что дело не доходит до такого «большее», чтобы этот индивид стал существенно отличным от Адама.

Все же, перед тем как мы к этому перейдем, мне хотелось бы вначале рассмотреть тезис, согласно которому женщина чувственнее мужчины и несет в себе больше страха.

То, что женщина чувственнее мужчины, тотчас же видно по ее телесному сложению. Рассматривать это подробнее не входит в мою задачу; скорее уж это предмет физиологии. Однако я сформулирую свой тезис иным образом: прежде всего, я представляю ее эстетические в ее идеальном аспекте — в аспекте красоты, напомнив при этом, что само положение, когда это выступает для нее в качестве идеального аспекта, уже указывает на то, что она чувственнее мужчины. Затем я представляю ее этически в ее идеальном аспекте — в аспекте продолжения рода, напомнив при этом, что само положение, когда это выступает для нее в качестве идеального аспекта, уже указывает на то, что она чувственнее мужчины.

Там, где царствует красота, она создает синтез, из которого исключен дух. В этом и состоит тайна всей греческой культуры. Потому над греческой красотой веет некий покой, тихая торжественность; и как раз поэтому в ней также присутствует страх, которого сами греки почти не сознавали, хотя вся эта пластическая красота трепещет от такого страха. Оттого-то греческой красоте свойственна беззаботность, ибо дух из нее исключен, но оттого-то в ней есть и неизъяснимо глубокая печаль. Оттого-то чувственность здесь — это не греховность, но необъяснимая загадка, которая внушает страх; оттого-то ребячливость этой культуры сопровождается неким необъяснимым Ничто, которое есть Ничто страха ...

... В женщине больше страха, чем в мужчине. Причина этого состоит не в том, что физически она слабее, или в чем-то подобном, ибо здесь вообще не идет речь о подобном страхе; нет, причина этого заключена в том, что она более чувственна и одновременно по сути своей определена духовно, как и мужчина. Для меня представляется совершенно безразличным, что женщину называют «слабым полом», ибо, несмотря на это, в ней все равно могло бы быть меньше страха, чем в мужчине. Здесь же страх должен постоянно браться в направлении свободы. Стало быть, когда в Книге Бытия, вопреки всяким аналогиям, говорится, будто это женщина соблазнила мужчину, при дальнейшем рассмотрении это все же представляется верным, ибо такое соблазнение есть именно женское соблазнение, так как Адам мог быть соблазнен змеем только через Еву. Когда же речь идет о соблазнении применительно ко всем последующим случаям, уже

само языковое употребление («обмануть», «увлечь» и так далее) всякий раз подчеркивает активную роль мужчины ...

... Греховность вошла в мир через Адамов грех, а сексуальность стала для него при этом означать греховность. Так была положена сексуальность. В нашем мире много обсуждают, как устно, так и письменно, проблему наивности. Между тем только невинность наивна, но она также отличается неведением. Как только сексуальность осознается, говорить о наивности становится бездумностью, аффектацией, порой же, что еще хуже, тайным наслаждением. Но поскольку человек больше не наивен, это еще не значит, что он грешит. Подобная тусклая лесть лишь увлекает человека в сторону, уводя его внимание от истинного, от нравственного.

До сих пор на все вопросы о значении сексуальности, особенно о ее значении в различных сферах, ответы давались весьма скудные, и, что самое главное, они не попадали в правильный тон. Делать сексуальность предметом шуток — жалкое искусство, предупредить о ее опасности нетрудно, проповедовать о ней таким образом, чтобы обходить стороной все главные затруднения, также не слишком-то сложно; но говорить о ней истинно по-человечески — вот искусство!...

... Сексуальное как таковое — это еще не греховное. Настоящее неведение относительно него, хотя оно и может реально наличествовать, свойственно только животному, которое поэтому выступает рабом слепого инстинкта и действует в этой слепоте. Неведение, которое вместе с тем является неведением о том, чего нет, присуще ребенку. Невинность — это знание, обозначающее неведение. Ее отличие от нравственного поведения легко узнаваемо, поскольку невинность определена в направлении знания. Вместе с невинностью начинается знание, чьим первым определением является неведение. Таково понятие стыда. В стыде содержится страх, поскольку дух на крайней точке своего обособления внутри синтеза определен уже не просто как тело, но как тело в сексуальной определенности. Но стыд — это как раз знание об этой сексуальной определенности, иначе говоря, сексуальный порыв еще не присутствует здесь как таковой. Настоящий смысл стыда состоит в том, что дух как бы не может узнать себя, находясь на крайней точке внутри этого синтеза. Поэтому страх, заложенный в стыде, так ужасно двузначен. Здесь нет ни малейшего следа чувственного сладострастия и, однако же, тут есть стыдливость. Стыдливость из-за чего? Из-за Ничто. Между тем индивид может умереть от стыда, а раненая стыдливость приносит самую глубокую боль, поскольку она необъяснимее всего, поэтому страх внутри стыда может пробудиться сам по себе ...

... В христианстве религиозное устраняет эротическое — не просто как нечто греховное, в силу этического непонимания, — но как нечто безразличное, поскольку в духе нет никакого различия между мужчиной и женщиной. Здесь эротическое не нейтрализуется иронически, но устраняется, поскольку христианство нацелено на то, чтобы развернуть дух еще

дальше. Когда в стыде духу становится страшно и он начинает бояться облекать себя в сексуальную определенность, внезапно возникает индивидуальность, и, вместо того чтобы этически проникнуть внутрь такой определенности, она хватается за разъяснение, заимствованное из высших сфер духа. Такова одна сторона монастырского толкования, независимо от того, определяется ли оно точнее как этический ригоризм или как всеобъемлющее созерцание...

... Давайте теперь вернемся к тому, что было изложено выше, — к следствию, которое имеет отношение поколений в индивиде, к следствию, которое оказывается неким «большим», которым обладает каждый последующий индивид в сравнении с Адамом. В мгновение зачатия дух пребывает дальше всего, и потому страх тут всего сильнее. В этом страхе возникает новый индивид. В момент рождения страх во второй раз достигает своей вершины, и в это мгновение новый индивид появляется на свет. То, что рождение страшно, хорошо известно. У физиологии есть для этого свое объяснение, у психологии наверняка есть свое. Как роженица женщина снова оказывается на крайней точке синтеза, и поэтому дух содрогается; ибо в это мгновение у него нет никакой задачи, он как бы устраняется. При этом страх выступает выражение совершенства человеческой природы, и потому только среди примитивных народов можно найти соответствие легким родам животных.

Однако чем больше страха, тем больше чувственности. Порожденный индивид чувственнее, чем изначальный, и такое «больше» есть всеобщее «больше» поколения для каждого последующего индивида по сравнению с Адамом...

См.: *Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор.* — М., 1993. — С. 162–170.

- *Какие явления человеческого существования проанализировал С. Кьеркегор в своей работе?*
- *Как они, по его мнению, связаны со страхом?*

А. ШОПЕНГАУЭР **«Мир как воля и представление»**

... Междоусобную борьбу всех явлений воли мы можем, наконец, заметить и в чистой материи, взятой в качестве таковой, поскольку сущность ее явления правильно названа Кантом как сила отталкивания и притяжения, так что и самое существование ее связано с борьбой противоположных сил. Отвлечемся от всего химического разнообразия материи и перенесем свою мысль в цепь причин и действий туда, где еще нет химического различия, — и тогда у нас останется чистая материя, шарообраз-

ный мир, жизнь которого, т. е. объективация воли, состоит в упомянутой борьбе между силами притяжения и отталкивания: первая, в виде тяжести, со всех сторон стремится к центру, вторая, в виде непроницаемости, противодействует ей своею инерцией или упругостью, и эти постоянные натиск и отражение можно рассматривать как объектность воли на самой низшей ступени — уже там они выражают ее характер.

Так на этой низшей ступени мы видим, что воля проявляется как слепое влечение, как темный, глухой порыв, далекий от всякой непосредственной познаваемости. Это — самый простой и самый слабый род ее объективации. Таким слепым влечением, таким бессознательным порывом она, однако, является еще во всей неорганической природе, во всех первоначальных силах, которыми занимаются физика и химия (стараясь их открыть и познать их закон) и каждая из которых предстает перед нами в миллионах совершенно однородных и закономерных явлений, не носящих на себе никакого следа индивидуального характера, — она только множится во времени и пространстве, т. е. силой *principium individuationis*, как гранями стекла, многократно повторяется изображение.

Объективируясь от ступени к ступени все отчетливее, воля, однако, и в растительном царстве, где связью ее явлений служат уже не собственно причины, а раздражители, действует еще вполне бессознательно, как темная движущая сила; таковая она еще, наконец, и в растительном моменте животного явления — в воспроизведении и развитии каждого животного и в поддержании его внутренней экономии: там все еще только раздражители необходимо определяют проявление воли. Все более высокие ступени объектности воли приводят, наконец, к такой точке, где индивид, представляющий идею, уже не мог бы получать необходимый для ассимиляции пищи посредством одних движений благодаря раздражителям, ибо такого раздражителя надо было бы выжидать, а пища между тем здесь определена специальнее, и при возрастающей разнообразии явлений сутолока и смятение сделались так велики, что эти явления мешают друг другу, и случайность, от которой должны ожидать для себя пищи особи, движимые одни лишь раздражителями, здесь была бы слишком неблагоприятна. Пищи поэтому надо искать, ее надо выбирать с того момента, когда животное покидает оболочку яйца или материнской утробы, в которой оно бессознательно прозябало. Поэтому здесь становятся необходимыми движение по мотивам и — ради него — познание, которое и появляется на этой ступени объективации воли в качестве вспомогательного средства, *μηχανή*, для поддержания индивида и продолжения рода. Оно появляется, представленное мозгом или большим ганглием, подобно тому как и всякое другое стремление или назначение объективирующейся воли репрезентируется а каком-нибудь органе, т. е. обнаруживает себя в виде органа.

Но вместе с этим вспомогательным средством, этой *μηχανή*, сразу возникает мир как представление со всеми своими формами, объектом и субъектом,

временем, пространством, множественностью и причинностью. Мир показывает теперь свою вторую сторону. До сих пор он был только волей, теперь он становится и представлением, объектом познающего субъекта. Воля, которая до сих пор в потемках следовала своему порыву очень уверенно и безошибочно, зажигает себе на этой ступени свет как средство, необходимое для того, чтобы уничтожить вред, который из столкновения и сложных свойств ее проявлений мог бы возникнуть именно для самых совершенных из них. Непогрешимая правильность и закономерность, с которой воля действовала до сих пор в неорганическое и чисто растительной природе, основывались на том, что она создала только в своей изначальной сущности, как слепое влечение, воля, без помощи, но и без помехи со стороны второго, совершенно иного мира, мира как представления, который хотя и служит лишь отпечатком ее собственного существа, но все же имеет совсем другую природу и теперь вторгается в сцепление ее явлений. Вот почему отныне исчезает ее непогрешимая уверенность. Животные подвержены уже иллюзии и обману. Между тем у них есть только наглядные представления, у них нет понятий, нет рефлексии; поэтому они привязаны к настоящему и не могут предусматривать будущего.

По-видимому, это лишенное разумности познание не всегда оказывалось достаточным для своей цели и порою как бы нуждалось в помощи. Ибо перед нами тот весьма замечательный факт, что в двух родах явлений слепая деятельность воли и деятельность, освещенная познанием, поразительнейшим образом вторгаются одна в область другой. Так, с одной стороны, в действиях животных, руководимых наглядным познанием и его мотивами, мы находим и другие действия, протекающие без этих мотивов, т. е. с необходимостью слепо действующей воли, — таковы художественные порывы: не руководимые ни мотивом, ни познанием, они, однако, имеют вид, будто их создания осуществляются даже в силу отвлеченных, разумных мотивов. Другой противоположный факт мы встречаем там, где, наоборот, свет познания проникает в мастерскую слепо действующей воли и озаряет растительные функции человеческого организма, — в магнетическом ясновидении. Наконец, там, где воля достигает самой высокой степени своей объективации, уже недостаточно появившегося у животных рассудочного познания, которое получает данные от чувств (откуда происходит простое созерцание, ограниченное настоящим): человек, это сложное, многостороннее, способное к развитию, исполненное потребностей и доступное бесчисленным ударам существо, чтобы отстоять свое бытие, должен был получить свет двойного познания; к его наглядному познанию должна была присоединиться как бы его повышенная степень, рефлексия — разум как способность к абстрактным понятиям. Вместе с ним появились обдуманность, которая обзирает будущее и прошлое, и как ее результата — мышление, заботливость, способность к преднамеренной независимой от настоящего деятельности, наконец, вполне ясное осознание решений собственной воли как таковых. Если уже вместе с наглядным познанием заро-

дилась возможность иллюзий и обмана, отчего и нарушилась прежняя непогрешимость бессознательного влечения воли и на помощь познанию в руководимую им область должны были прийти инстинкт и художественный порыв как бессознательные обнаружения воли, то с появлением разума эта уверенность и безошибочность обнаружений воли (которая на противоположном полюсе, в неорганической природе, выражается даже в виде строгой закономерности) почти совершенно исчезает: инстинкт совершенно отступает назад, размышление, которое должно теперь все возместить собою, порождает (как объяснено в первой книге) неуверенность и колебания, становится возможным заблуждение, которое во многих случаях мешает адекватной объективации воли в действиях. Ибо хотя воля и принимает уже в характере свое определенное и неуклонное направление, в соответствии с которым само желание, побуждаемое мотивами, наступает неизменно, все-таки заблуждение может исказить ее проявления, потому что в этом случае иллюзорные мотивы влияют на подобие действительных, уничтожая их; так бывает, например, когда предрассудок представляет вымышленные мотивы, побуждающие человека к таким действиям, которые совершенно противоположны нормальному проявлению его воли при данных обстоятельствах: Агамемнон ведет на заклятие свою дочь, скупец раздает милостыню из чистого эгоизма, в надежде на будущее вознаграждение сторицей, и т. п.

Таким образом, все познание вообще, как разумное, так и чисто наглядное, первоначально возникает из самой воли, относится к существу высших ступеней ее объективации в качестве простого *μηχανή* средства к поддержанию индивида и рода, подобно всякому органу тела. Изначально предназначенное для служения воле, для осуществления ее целей, оно почти целиком и полностью служит ей — у всех животных и почти у всех людей. Тем не менее мы увидим в третьей книге, как у отдельных людей познание может освободиться от этой служебной роли, сбросить свое ярмо и, свободное от всяких целей желания, существовать само по себе, как зеркало мира, откуда и возникает искусство; наконец, в четвертой книге мы увидим, как подобное знание, если оно оказывает обратное воздействие на волю, может привести к ее самоуничтожению, т. е. к резиньяции, которая является конечной целью и сокровенной сущностью всякой добродетели и святости, является освобождением от мира.

См.: Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр // Собр. соч.: в 5 т. — М., 1992. — Т. 1., §18–19, 25–27. — С. 131–137, 154–173.

• *В чем заключается иррационализм, присущий философским воззрениям А. Шопенгауэра?*

• *Как А. Шопенгауэр понимал отношение человека к миру?*

• *Какой смысл А. Шопенгауэр вкладывал в понятие «воля»?*

• *Какие ступени объективации проходит воля в своем разворачивании?*

• *Каков механизм перехода от одной ступени в объективации воли к другой?*

О. КОНТ

«Дух позитивной философии»

Глава 3. Соотносительные свойства положительного мышления и здравого смысла

34. При исследовании основного начала этого философского метода приходится вскоре признать, что его самопроизвольное зарождение действительно совпадает с первоначальными практическими упражнениями человеческого разума: ибо совокупность объяснений, приведенных в этом «слове», ясно доказывает, что все главные свойства этого метода в сущности ничем не отличаются от свойств всеобщего здравого смысла. Невзирая на умственное влияние наиболее грубой теологии, повседневное течение действительной жизни должно было относительно каждого класса явлений указывать всегда некоторые признаки естественных законов и порождать соответственные предвидения в некоторых частных случаях, казавшихся тогда только второстепенными или исключительными, — а таковы, действительно, необходимые зародыши положительной философии, долженствовавшей долгое время оставаться эмпирической, прежде чем она смогла стать рациональной. Весьма важно понять, что в существе дела истинный философский дух всюду состоит преимущественно в систематическом расширении простого здравого смысла на все действительно доступные умозрения. Их область совершенно тождественна, ибо величайшие вопросы здоровой философии связываются всюду с простейшими явлениями, по отношению к которым искусственные случаи составляют только более или менее необходимое подготовление. И тот, и другой имеют одну и ту же экспериментальную точку отправления, преследуют одну и ту же цель — объединять и предусматривать, оба одинаково постоянно заботятся о реальности и окончательным пределом своих стремлений равным образом считают полезность. Все их существенное различие заключается в систематической общности одного, зависящей от его необходимой отвлеченности, противоположной несвязной специализации другого, всегда занятого конкретным.

35. С догматической стороны эта основная связь представляет науку в собственном смысле слова, как простое методическое продолжение всеобщей мудрости. Поэтому здоровые философские умозрения, далекие от того, чтобы когда-либо подвергаться сомнению вопросы, которые верно разрешила такая мудрость, заимствуют всегда у простого рассудка свои первоначальные понятия, дабы возвести их путем систематической обработки на степень общности и постоянства, которой они сами собой не могли достигнуть. В течение всего процесса этой обработки постоянный контроль этой примитивной мудрости имеет сверх того чрезвычайную важность как порождаемый потребностью или фантазией, которые часто оказывают свое влияние при непрерывном состоянии отвлечения, необходимом для философской деятельности. Несмотря на их необходимое свойство, собственно

здравый смысл преимущественно заботится о реальности и полезности, между тем как специально философское мышление более занимается оценкой общности и связи, так что их двоякое повседневное взаимодействие становится одинаково благотворным для каждого из них, укрепляя их основные качества, которые иначе естественно изменялись бы. Это отношение ясно указывает, насколько тщетны и бесплодны спекулятивные исследования, имеющие предмет *первичные основоположения* (выделено в оригинале. — Ред.) какого-либо вопроса, которые, долженствуя всегда исходить из народной мудрости, не принадлежат никогда к области истинной науки; они, напротив, составляют ее сами собой являющиеся основания и поэтому не подлежат обсуждению; это положение устраняет массу праздных опасных споров, оставленных нам прежним строем мышления. Можно равным образом понять совершенную и окончательную тщетность всех предварительных изучений, относящихся к отвлеченной логике, где речь идет об оценке истинного философского метода независимо от применения его к какому-либо классу явлений. В самом деле, единственные истинно общие принципы, которые можно было бы установить в этом отношении, сводятся, как это легко проверить на наиболее знаменитых из этих афоризмов, к некоторым бесспорным, но очевидным правилам, заимствованным у здравого смысла и в действительности ничего существенно не добавляющим к указаниям, вытекающим у всех разумных людей из простой самопроизвольной деятельности мышления. Что касается способа приспособлять эти всеобщие правила к различным классам наших положительных умозрений (это составляло бы истинную ценность и реальную полезность таких логических предписаний), то он мог бы быть подвергнут действительной оценке только после специального анализа соответственных знаний, сообразно со специфической природой рассматриваемых явлений. Здоровая же философия никогда не отделяет логики от науки; и так как метод и доктрина могут в каждом случае быть правильно оценены только по их действительным взаимным отношениям, то в сущности невозможно придавать логике, как и науке, всеобщий характер посредством чисто отвлеченных концепций, независимых от всяких определенных явлений; попытки этого рода показывают еще тайное явление абсолютного духа, присущего теолого-метафизическому образу мышления.

36. Эта тесная естественная солидарность между духом, свойственным истинной философии, и всеобщим простым здравым смыслом, рассматриваемая теперь исторически, показывает самопроизвольное зарождение положительного духа, действительно обусловленное всюду специальным воздействием практического рассудка на теоретический разум, первоначальный характер которого таким образом изменялся все более и более. Но это постепенное превращение не могло происходить ни одновременно, ни в особенности с одинаковой скоростью по отношению к различным классам отвлеченных умозрений, которые первоначально, как мы это при-

знали, все были теологическими. Постоянное конкретное побуждение могло заставить положительный дух проникать туда только согласно определенному порядку, который соответствовал возрастающей сложности явлений и который ниже будет объяснен непосредственно. Отвлеченное положительное мышление, по необходимости рожденное в простейших математических исследованиях и распространенное затем путем само собой возникающего сходства или инстинктивного подражания, могло, таким образом, сначала носить только специальный и во многих отношениях даже эмпирический характер, который должен был долгое время скрывать от большей части его сторонников как его неизбежную несовместимость с первоначальной философией, так и в особенности его основное стремление создать новый логический строй. Его непрерывные успехи под возрастающим давлением здравого смысла могли тогда непосредственно обусловить лишь предварительное тождество метафизического духа, предназначенного, в силу своей самопроизвольной общности, служить ему философским орудием в течение веков, протекших между теоретическим подготовлением монотеизма и его полным социальным установлением, после чего онтологический порядок, достигнув наибольшего влияния, какого только допускала его природа, вскоре становился угнетающим для научного подъема, которому он дотоле благоприятствовал. Поэтому положительный дух мог достаточно проявить свою собственную философскую тенденцию только тогда, когда это угнетение заставило его, наконец, вступить в специальную борьбу с метафизическим направлением, с которым он должен был долгое время казаться смешанным. Вот почему первоначальное систематическое основание положительной философии не может восходить дальше памятного кризиса, когда совокупность онтологического порядка начала во всей Западной Европе изнемогать под натиском самих собою сочетавшихся двух замечательных умственных течений — одного научного, созданного Кеплером и Галилеем, другого философского, связанного своим возникновением Бэкону и Декарту. Несовершенное метафизическое единство, построенное к концу средних веков, было отныне безвозвратно разрушено, подобно тому как греческая онтология уже навсегда разрушила великое теологическое единство, соответствовавшее политеизму. Начиная с этого действительно решительного кризиса положительная философия выросла в течение двух веков больше, чем она могла это сделать в продолжение всего своего долгого прошлого, и отныне допускает возможность существования только такого единства, которое вытекало бы из ее собственного всеобщего влияния. И каждая новая область, последовательно приобретаемая ею, никогда более не может возвратиться ни к теологии, ни к метафизике в силу все чаще наблюдающегося окончательного признания этих возрастающих приобретений здравым смыслом каждого. Именно только путем такой систематизации теоретическая мудрость, обобщая и укрепляя, действительно доставит практическому благоразумию дос-

тойную и равносильную компенсацию за важные услуги, оказанные ей последним, сообщавшим ее деятельности реальность и силу в течение ее медленного и постепенного зарождения; по правде сказать, положительны понятия, полученные за последние два века, гораздо более ценны как будущие материалы новой общей философии, чем по их непосредственному и специальному достоинству, так как большая часть из них не приобрела еще своего окончательного характера — ни научного, ни даже логического.

37. Таким образом, совокупность нашей умственной эволюции и в особенности великое движение, совершившееся в Западной Европе, начиная от Декарта и Бэкона, отныне не допускают другого возможного исхода, как создать наконец после стольких необходимых предварительных подготовлений истинно нормальный строй человеческого разума, сообщая положительному мышлению еще не достающие ему полноту и рациональность, дабы установить между философским гением и всеобщим здравым смыслом гармонию, которая до сих пор никогда не могла существовать в достаточной мере. А изучая эти два одновременных условия полноты и систематизации, которые реальная наука должна теперь выполнить для того, чтобы возвыситься до достоинства истинной философии, приходится скоро признать, что они окончательно совпадают ...

См.: *Конт, О. Дух позитивной философии / О. Конт. — СПб., 2001. — С. 59–65.*

• *В чем, согласно О. Конту, заключается необходимость обращения к положительному философскому методу? Какова его суть?*

Ф. НИЦШЕ **«О трех превращениях»**

Я говорю вам о трех превращениях духа: о том, как дух стал верблюдом, верблюд — львом и, наконец, лев — ребенком.

Много трудного существует для духа, для духа сильного и выносливого, способного к почитанию: всего самого трудного и тяжелого жаждет сила его.

«Что такое тяжесть?» — вопрошает выносливый дух, становится, как верблюд, на колени и хочет, чтобы его хорошенько навьючили.

«Герои, в чем наибольшая тяжесть? — вопрошает выносливый дух. — В том, чтобы я мог взять все это на себя и возрадовался силе своей».

Не означает ли это: унизиться, чтобы причинить боль высокомерию своему? Или заставить блистать свое безумие, чтобы осмеять мудрость свою?

Или это значит: расстаться с нашим делом, когда празднует оно победу? Или подняться на высокую гору, чтобы искусит искусителя?

Или это значит: питаться желудями и травой познания и во имя истины терпеть голод души?

Или это значит: быть больным, и отослать утешителей, и свести дружбу с глухими, которые никогда не слышат, чего хочешь ты?

Или это значит: войти в грязную воду, если это — вода истины, и не гнать от себя холодных лягушек и теплых жаб?

Или это значит: любить тех, кто нас презирает, и протянуть руку призраку, который стремится запугать нас?

Все это, все самое трудное берет на себя выносливый дух: подобно навьюченному тяжелой поклажей верблюду, спешащему в пустыню, торопится в свою пустыню и он.

Но там, в безлюдной пустыне, свершается второе превращение: там львом становится дух, добыть себе свободу желает он и сделаться господином пустыни своей.

Там ищет он своего последнего владыку: врагом хочет он стать ему, последнему господину и Господу своему, до победного конца хочет бороться с великим драконом.

Кто же он, великий дракон, которого дух отныне не хочет признавать господином и владыкой? Имя того дракона — «Ты должен». Но дух льва говорит «Я хочу».

Зверь «Ты должен» лежит на пути его, переливаясь золотой чешуей, и не каждой чешуйке блестит золотом «Ты должен!».

Блеск тысячелетних ценностей на чешуе этой, и так говорит величайший из драконов: «Ценности всех вещей переливаются на мне блеском своим».

«Созданы уже все ценности, и все они — это я. Поистине, не должно больше быть «Я хочу!» — так говорит дракон.

Братья мои, зачем нужен лев в человеческом духе? Почему бы не довольствоваться выучным животным, покорным и почтительным?

Создавать новые ценности — этого еще не может и лев: но создать свободу для нового творчества может сила его.

Завоевать свободу и поставить священное «Нет» выше долга: вот для чего нужен лев, братья мои.

Завоевать себе право создавать новые ценности — вот чего больше всего боится выносливый и почтительный дух. Поистине, грабежом, достойным хищного зверя, кажется ему все это.

«Ты должен» некогда было для него высшей святыней, и он любил ее; теперь же ему должно увидеть в ней заблуждение и произвол, чтобы смог он отвоевать себе свободу от любви своей: вот для чего нужен лев.

Но скажите мне, братья мои, что может сделать ребенок такого, что не удастся и льву? Зачем хищному зверю становиться еще и ребенком?

Дитя — это невинность и забвение, новое начинание и игра, колесо, катящееся само собою, первое движение, священное «Да».

Ибо священное «Да» необходимо для игры созидания, братья мои: своей воли желает теперь человеческий дух, свой *мир* обретает потерянный для мира.

Я назвал вам три превращения духа: сначала дух стал верблюдом, потом сделался львом, и наконец, лев стал ребенком.

См.: *Ницше, Ф. О трех превращениях / Ф. Ницше // Так говорил Заратустра. М., 1990. — С. 21–23.*

- *Как, согласно Ф. Ницше, происходят превращения духа?*

«Антихристианин»

2

Что хорошо? — Все, от чего возрастает в человеке чувство силы, воля к власти, могущество.

Что дурно? — Все, что идет от слабости.

Что счастье? — Чувство возрастающей силы, власти, чувство, что преодолено новое препятствие.

Не удовлетворяться, нет, — больше силы, больше власти! Не мир — война; не добродетель, а доблесть (добродетель в стиле Ренессанса, *virtue*, — без примеси моралина).

Пусть гибнут слабые и уродливые — первая заповедь нашего человеколюбия. Надо еще помогать им гибнуть. Что вреднее любого порока? — Сострадать слабым и калекам — христианство ...

3

Проблема, что я ставлю, не в том, кто сменит человека в ряду живых существ (человек — конец), а в том, какой тип человека надлежит возвращать, какой наиболее высокоценен, более других достоин жизни, какому принадлежит будущее.

Такой высокоценный тип в прошлом нередко существовал на земле — но как счастливый, исключительный случай и никогда — согласно воле. Напротив, его более всего боялись, он, скорее, внушал ужас, и страх заставляет желать, возвращать и выводить обратное ему — домашнее, стадное животное, больное человеческое животное — христианина...

4

Человечество не развивается в направлении лучшего, высшего, более сильного — в том смысле, как думают сегодня. «Прогресс» — это просто современная, то есть ложная идея. Европейец наших дней по своей ценности несравненно ниже европейца Ренессанса; поступательное развитие отнюдь не влечет за собой непременно возрастания, возвышения, умножения сил.

В ином отношении отдельные удачные феномены беспрестанно появляются — в разных частях света и на почве самых различных культур; в них действительно воплощен высший тип человека — своего рода сверх-

человек в пропорции к человечеству в целом. Такие счастливые случаи были возможны и, вероятно, будут возможны всегда. Даже целые поколения, племена, народы могут быть при известных обстоятельствах таким точным попаданием.

5

Нечего приукрашивать христианство — оно вело борьбу не *на жизнь, а на смерть с высшим* типом человека, оно предало анафеме все основные его инстинкты и извлекло из них зло — лукавого в чистом виде: сильный человек — типичный отверженец, «порочный» человек. Христианство принимало сторону всего слабого, низкого, уродливого; свой идеал оно составило по противоположности инстинктам сохранения жизни, жизни в силе; христианство погубило разум даже самых сильных духом натур, научив чувствовать заблуждение, искушение, греховность в самых высших ценностях духовного. Самый прискорбный случай — Паскаль, испорченный верой в то, что разум его испорчен первородным грехом, тогда как испорчен он был лишь христианством!..

57

... Кастовая иерархия (высший, над всем царящий закон) лишь освящает порядок природы, первостепенный естественный закон, над которым не властны ни произвол, ни какая-нибудь «современная идея». Во всяком здоровом обществе различаются и обуславливают друг друга три типа с разными в физиологическом смысле тяготениями центров тяжести — у каждого своя гигиена, своя сфера труда, свое особое мастерство и чувство совершенства. Не Ману, а природа разделяет людей духовных по преимуществу, людей по преимуществу мышечных, с сильным темпераментом и, наконец, третьих, не выдающихся ни в одном, ни в другом, посредственных. Третьи — большое число, а первые и вторые — элита. Высшая каста — назову их «теми, кого всех меньше», — будучи совершенной, обладает и преимущественными правами тех, кого меньше всех, — среди этих прав привилегия воплощать на земле счастье, красоту и благо. Лишь наиболее духовным разрешена красота, разрешено прекрасное: лишь у них доброта и слабость ... красота — дело немногих людей: благое — это привилегия. Зато дурные манеры или пессимистический взгляд (глаз, все безобразящий) никому не воспрещены так, как им, — не говоря уж о возмущении тем, как вообще выглядят вещи в этом мире. Возмущаться — привилегия чандалы; тоже и пессимизм. «Мир совершенен — так говорит инстинкт самых духовных, инстинкт Да, — само несовершенство, все, что ниже нас, дистанция, пафос дистанции, даже возмущение чандалы — все это тоже относится к совершенству». Наиболее духовные — а они самые крепкие — обретают свое счастье в том, что грозило бы гибелью другим, — в лабиринте, в жестокости по отношению к себе и другим, в эксперименте; самообуздание им в радость; аскетизм становится в них природой, потребностью, инстинктом. Тяжесть задач — их привилегия, играть тяжестями, которые раздавят дру-

гих, для них отдых ... Познание — одна из форм аскетизма... Нет более почтенной природы людей, но нет и более радостной и достойной любви, — одно не исключает другого. Они господствуют не потому, что хотят, а потому, что они — господа; они не вольны быть вторыми ... Вторые — это стражи права, устроители безопасности и порядка, это благородные воины, это прежде всего царь — высшая формула воина, судии, блюстителя закона. Вторые — исполнители, ближние самых духовных, берущие на себя все грубо-материальное в трудах правления, — их дружина, их правая рука, их ученики и последователи ... И во всем, повторим, нет ничего произвольного, ничего надуманного, искусственного; все ионе — искусственная постройка, а тогда растоптана природа ... Порядок каст, иерархия, лишь формулирует высший закон самой жизни; различать три типа необходимо для того, чтобы поддерживать жизнь общества, обеспечивать существование все более высоких и наивысших типов человека: неравенство прав — первое условие для того, чтобы существовали права ... Право — значит преимущественное право, привилегия. У всякого свое бытие — и свои преимущественные права. Не будем недооценивать права посредственностей. Чем выше, тем тяжелее жить — холод усиливается, возрастает ответственность. Высокая культура всегда строится как пирамида: основание широко, предпосылка целого — консолидированная, крепкая и здоровая посредственность. Ремесло, торговля, земледелие, наука, большая часть искусств, короче, вся совокупность профессиональной деятельности, — все это сочетается лишь со средним уровнем умений и желаний; все подобные занятия были бы неуместны для человека исключительного, — необходимый инстинкт противоречил бы и аристократизму, и анархизму. Что ты общественно полезен, что ты и функция, и колесико, предопределено природой: не общество, а то счастье, на которое только и способно подавляющее большинство людей, превращает посредственность в разумную машину. Для посредственности быть посредственностью счастье; быть мастером в чем-то одном, быть специалистом — к этому влечет природный инстинкт. Совершенно недостойно сколько-нибудь глубокого ума видеть в посредственности как таковой некий упрек. Посредственность сама по себе есть первое условие того, чтобы существовали исключения, — посредственностью обусловлена культура в ее высоком развитии. Исключительный человек более чутко и нежно обходится с посредственными, нежели с собой и себе подобными, и это не просто деликатность — это долг. Кого больше ненавижу я среди нынешней черни? Апостолов чандалы — они подрывают инстинкт рабочего с его малым бытием, с его радостями, с его способностью довольствоваться немногим, они распаляют в нем зависть, учат мщению ... Не в неравенстве прав бесправие, а в претензиях на «равные» права ... Что дурно? Но я уже сказал: дурно все, что идет от зависти, слабости, мстительности ... Анархист, христианин — одного поля ягода ...

См.: *Ницше, Ф.* Антихристианин / *Ф. Ницше* // *Сумерки богов.* — М., 1990. — С. 19–20, 83–85.

• *Что, по мнению Ф. Ницше, лежит в основе кастовой иерархии в обществе?*

• *В силу каких обстоятельств неравенство, с точки зрения Ф. Ницше, выступает важнейшим условием развития общества и самосовершенствования человека?*

В. ДИЛЬТЕЙ

«Введение в науки о духе»

II. Науки о духе — самостоятельное поле рядом с науками о природе

... На место противоположности между материальными и духовными субстанциями выступила противоположность между внешним миром как ощущаемой данностью внешних восприятий (*sensation*) и внутренним миром как непосредственным материалом внутреннего осознания психических событий и действий (*reflection*). Старая проблема находит тем самым более скромную, но зато пригодную для эмпирического анализа формулировку. Новые и более совершенные методы позволяют описывать те самые переживания, которые в рациональной психологии с ее учение о субстанции не нашли последовательного научного выражения ...

... Более глубокое обоснование самостоятельного статуса наук о духе наряду с науками о природе — а этот статус образует тот центр, вокруг которого в нашей работе выстраиваются науки о духе, — достигается у нас постепенно, по мере анализа цельного духовного переживания в его несравнимости с любым нашим опытом чувственного восприятия природы. Я лишь уточню здесь эту проблему, указав на два смысла, в каких можно говорить о несравнимости обеих этих областей реальности; соответственно и в понятии о границах познания природы тоже обнаружатся два аспекта ...

... Да будет позволено внести в эту картину одно различие, касающееся границ познания природы. Поскольку действительность в качестве коррелята опыта дана нам через взаимодействие того или иного из наших чувств с внутренним опытом, обусловленное этим различие сфер опыта по их происхождению создает определенную несравнимость элементов нашего научного расчета между собой, не позволяющую выводить содержания, имеющие один источник, из содержаний, имеющих другой источник. Так, от свойств пространственных тел к представлению о материи мы приходим только через посредство осязания, дающего нам фактический опыт сопротивления вещества; каждое их чувств замкнуто внутри соотнесенного с ним круга качеств; а чтобы понять состояние сознания в какой-то данный момент, мы обязательно должны перейти от чувственного ощущения к ощущению наших внутренних состояний. Нам остается лишь принимать к сведению все эти данные в их несравнимости, обусловленной различием их источников; их содержание нам в конечном счете непонятно, все наше познание ограничивается констатацией опытно наблюдаемых нами анало-

гий между рядами последовательных или одновременных событий. Это — границы, заложенные в самих предпосылках нашего опыта, границы, имеющие место в любой области наук о природе: не внешние границы, на которые наталкивается познание природы, но имманентные самому опыту условия последнего. Наличие имманентных границ познания не ставит совершенно никаких помех процессу нашего познания. Если назвать пониманием полную прозрачность восприятия определенной системы, то, пожалуй, здесь можно говорить о пределах, на которые наталкивается такое понимание; но независимо от того, подчиняет ли наука своим расчетам, возводящим изменения в действительности к движениям атомов, осязаемые качества или факты сознания, — лишь бы они ей подчинялись, — вышеупомянутая невыводимость не представляет никакого препятствия для ее операций: я одинаково не могу найти переход от чисто математической определенности или количества движения ни к цвету или тону, ни к процессу в сознании; голубой свет настолько же не проясняется для меня знанием числа его колебаний, насколько отрицательное суждение — знанием сопутствующих ему процессов в мозге. Поскольку физика оставляет на долю физиологии объяснение чувственно воспринимаемого качества «голубой», а физиология, тоже не располагая в движении материальных частиц подходящим средством для волшебного воссоздания голубизны, передает задачу психологии, то в конце концов, словно после манипуляций фокусника, все оказывается снова на руках у психологии. А сама по себе гипотеза, внушающая нам, что качества возникают в процессе ощущения, есть прежде всего лишь вспомогательное средство для расчета, который сводит изменения в действительном мире, как они даны в моем опыте, к одному определенному классу изменений внутри этого опыта, составляющему часть всего содержания опыта, чтобы ради удобства познания вынести эти изменения как бы на одну плоскость. Если бы удалось заменить конкретно определенные содержания, занимающие фиксированное место в системе механического рассмотрения природы, константными и конкретно определенными содержаниями сознания так, чтобы, не противореча системе механических закономерностей, можно было привести процессы сознания в безупречную связь с данными опыта, эти процессы сознания тотчас оказались бы подчинены системе познания природы ничуть не меньше, чем какие-нибудь звук или краска.

Именно тут, однако, несравнимость материальных и духовных процессов дает о себе знать в совершенно другом смысле, ставя перед познанием природы границы совсем иного характера. Невозможность выведения фактов духовной жизни из фактов механического природного порядка, коренящаяся в различии происхождения тех и других, пока еще не мешает включению первых в систему последних. Лишь если несравнимость между соотношениями внутри духовного мира и закономерностями природных явлений оказывается такого рода, что подчинение духовных фактов фактам, фиксируемым в ходе познания механической природы, совершенно

исключается, — лишь тогда доказано существование не только имманентных границ опытного познания, но и границ, у которых познание природы кончается и начинается самостоятельная, вырастающая из своего собственного средоточия, наука о духе. Дело сводится, таким образом, к установлению определенного рода несравнимости между связями духовных явлений и закономерностями материальных процессов, когда подчиненный статус первых, то есть представление о них как о свойствах или аспектах материи, исключается и когда, стало быть, речь по необходимости заходит о несходстве совсем другого рода, не похожем на то, какое имеет место между отдельными областями материальных законов, как их излагают математика, физика, химия и физиология, логически все более упорядочиваемые в своих соотношениях. Именно из этого убеждения исходят, когда на фактах самосознания и связанного с ним единства сознания, на проявлениях свободы и связанных с ними нравственных деяниях показывают индивидуальную несравнимость жизни духа, в противоположность механической необходимости, которой повинуются в своих действиях каждая отдельно взятая частица материи. Первые попытки на основании фактов сознания и свободы воли найти формулировку для этого рода несравнимости духовных явлений с порядком природы имели место почти так же давно, как строгая рефлексия об отношении духа к природе. Поскольку это различие между имманентными границами опыта, с одной стороны, и границами подчинения разного рода фактов системе познания природы — с другой, находит себе место в выкладках знаменитого естествоиспытателя, поскольку понятия «граница» и «необъяснимость» приобретают точно очерченный смысл и тем самым исчезают трудности, заставлявшие так много говорить о себе в ходе вызванной его предыдущим сочинением дискуссии о границах познания природы. Наличие имманентных границ научного опыта никоим образом не решает вопроса о введении духовных явлений в контекст познания материи: когда, как это делалось Геккелем и другими исследователями, предпринимается попытка постулировать наличие психической жизни в элементарных составных частях, из которых строится организм, и на этом основании обеспечить подчинение духовных явлений законам природы, то подобная попытка пока еще ничуть не противоречит признанию имманентных границ всякого опыта; противоречия выявляются только упомянутым у нас выше вторым родом исследования границ познания природы. Недаром и ДюБуа-Реймон переходит к исследованию этого второго рода и пользуется при введении своего доказательства как аргументом единства сознания, так и аргументом спонтанности воли. Что «духовные процессы никогда невозможно понять исходя из их материальных условий», он доказывает следующим образом. Даже после исчерпывающего познания всех частиц материальной системы, их взаимного положения и их движения все равно остается совершенно непонятно, почему определенному числу атомов углерода, водорода, азота и кислорода

не безразлично, как они расположены и куда движутся. Необъяснимость духовного ничуть не снимается, если мы заранее наделим сознанием, наподобие монад, каждую из элементарных частиц: на основании такого допущения все равно нельзя объяснить единство индивидуального сознания. Сам доказываемый Дюбуа-Реймоном тезис уже содержит в словах «никогда невозможно понять» двойкий смысл, и двойкость имеет следствием появление в ходе доказательства двух параллельных аргументов совершенно различной силы. Ученый утверждает, во-первых, что попытка выведения фактов духовной жизни из материальных процессов (сегодня она дискредитирована как грубый материализм и если предпринимается, то лишь в форме допущения психических свойств у элементарных частиц) не может привести к стиранию имманентных границ всякого опыта; это, несомненно, так, однако неподчинение духа природе отсюда еще не вытекает. И он утверждает, во-вторых, что такая попытка обречена на провал перед лицом противоречия, существующего между нашими представлениями о материи и присущим нашему сознанию единством ...

См.: Дильтей, В. Введение в науки о духе / В. Дильтей // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. — М., 1987. С. 117–121.

• *Каким образом В. Дильтей переосмыслил субъект-объектное отношение применительно к социальному познанию?*

О. ШПЕНГЛЕР

«Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории»

Глава 6. Фаустовское и аполлоническое познание природы

13

... Но тем самым — пусть никто не обманывается на сей счет — западноевропейская физика приблизилась к границам своих внутренних возможностей. Последний смысл ее исторического явления сводился к тому, чтобы преобразовать фаустовское чувство природы в отвлеченное познание, а гештальты ранней веры — и механические формы точного знания. Едва ли нужно говорить о том, что продолжающее еще до поры до времени возрастать число практических или хотя бы только научных результатов — то и другое принадлежит само по себе к поверхностной истории науки; с глубиной связана лишь история ее символики и ее стиля — не имеет никакого отношения к быстрому распаду ее сущностного ядра. До конца XIX века все ее шаги направлены в сторону внутреннего завершения, нарастающей чистоты, строгости и полноты динамической картины природы; отныне, с достижением оптимума ясности в теоретическом аспекте, они вдруг начинают действовать разлагающим образом. Это происходит отнюдь не преднамеренно; это даже не доходит до сознания высоких умов современной физики. Здесь сказывается неотвратимая историческая

необходимость. Античная физика внутренне завершила себя в той же стадии, около 200 года до Р. Х. Анализ достиг цели в лице Гаусса, Коши и Римана, и теперь он только восполняет пробелы своего сооружения.

Отсюда эти внезапные разрушительные сомнения относительно вещей, которые еще вчера составляли неоспоримый фундамент физической теории, сомнения относительно смысла принципа энергии, понятия массы, пространства, абсолютного времени, каузального закона природы вообще. Это уже не те творческие сомнения раннего барокко, которые вели к цели познания; эти сомнения связаны с возможностью естествознания вообще. Какой глубокий и явно недооцененный самими авторами скепсис лежит хотя бы уже в быстро возрастающем применении счислительных, статистических методов, стремящихся только к вероятности результатов и совершенно не считающихся с абсолютной точностью законов природы, столь многообещающе понимаемых прежде!

... Остается еще в общих чертах обрисовать конец западной науки, который сегодня, когда путь уже едва заметно склоняется книзу, может быть открыт взору.

Так же и это, и предвидение неотвратимой судьбы, относится к приданому исторического взгляда, которым обладает только фаустовский дух. Умирала и античность, но она ничего не знала об этом. Она верила в вечное бытие. Она доживала свои последние дни все с тем же несдержанным счастьем, смакуя каждый день сам по себе, как дар богов. Мы знаем нашу историю. Нам предстоит еще пережить последний духовный кризис, который охватывает весь европейско-американский мир. О его протекании рассказывает поздний эллинизм. Тирания рассудка, которую мы не ощущаем, так как сами являем ее кульминацию, представлена в каждой культуре эпохой, занимающей промежуточное состояние между мужем и старцем, не более того. Ее наяснейшее выражение — это культ точных наук, диалектики, доказательства, опыта, каузальности. Ионика и барокко демонстрируют ее взлет; спрашивается, в какой форме она придет к концу.

Я предсказываю: еще в этом столетии, веке научно-критического александризма, большой жатвы, окончательных формулировок, некая новая черта задушевности одержит верх над волею к триумфу науки. Точная наука идет путем уточнения своих постановок вопросов и методов навстречу самоуничтожению. Сначала испытывали ее средства — в XVIII веке, потом ее силу — в XIX веке; наконец, прозревают ее историческую роль. Но от скепсиса путь ведет ко «второй религиозности», которая не предшествует культуре, а идет вслед за ней. Теперь уже отрицают доказательства; жажда веры вытесняет тенденцию к раскромсанию. Критическое исследование перестает быть духовным идеалом.

Индивид совершает акт отречения, откладывая в сторону книги. Культура отрекается, переставая выявлять себя в высоких научных умах; но

наука существует лишь в живой мысли поколений великих ученых, и книги суть ничто, если они не дивы и не действенны в людях, доросших до их понимания. Научные результаты — это только элементы определенной духовной традиции. Смерть науки заключается в том, что она ни для кого уже не является событием. Но еще двести лет научных оргий — и мы пресытимся ею. И пресытятся не только каждый в отдельности, но душа самой культуры. Именно это и выражает она, выбирая и посылая в исторический мир повседневности все более мелких, узких, бесплодных исследователей. Великим веком античной науки было третье столетие, после смерти Аристотеля. Когда пришли римляне, когда умер Архимед, оно уже почти подходило к концу. Нашим великим столетием было девятнадцатое. Ученых в стиле Гаусса, Гумбольдта не было уже к 1900 году; в физике, как и в химии, в биологии, как и в математике, большие мастера умерли, и мы переживаем нынче *decrecendo* блистательных последышей, которые упорядочивают, собирают и подводят итоги, подобно александрийцам римской эпохи. Это общий симптом для всего, что не связано с фактической стороной жизни, с политикой, техникой и хозяйством. После Лисиппа не появлялось уже ни одного большого пластика, явление которого было бы судьбой; после импрессионистов — ни одного художника; после Вагнера — ни одного музыканта. Эпоха цезаризма не нуждается в искусстве и философии. За Эратосфеном и Архимедом, настоящими творцами, следуют Посидоний и Плиний, которые обнаруживают вкус в коллекционировании, и, наконец, Птолемей и Гален, которые уже только переписывают. Подобно тому как масляная живопись и контрапунктическая музыка исчерпали свои возможности в течение небольшого количества столетий органического развития, так и динамика, расцвет мира форм которой падает на время около 1600 года, представляет собой образование, находящееся нынче в состоянии распада ...

... Отдельные науки, теория познания, физика, химия, математика, астрономия, сближаются с возрастающей быстротой. Мы идем навстречу совершенной идентичности результатов и, значит, слиянию миров форм, являющему, с одной стороны, сведенную к немногим основным формулам систему чисел функционального характера, а с другой стороны, предлагающему в качестве их наименования небольшую группу теорий, которые в конце концов могут и должны быть снова признаны замаскированным мифом ранней эпохи, а также сведены к ряду характерных образных черт, обладающих, впрочем, физиогномическим значением. Эта конвергенция не была замечена, так как со времени Канта и собственно уже с Лейбница ни один ученый не владел уже совокупной проблематикой всех точных наук.

Еще столетие тому назад физика и химия были чужды друг другу; сегодня их нельзя уже трактовать врозь. Вспомним области спектрального анализа, радиоактивности и теплового излучения. Полвека назад сущест-

венные вопросы химии можно было еще излагать почти без математики; ныне химические элементы готовы улечься в математические константы переменных комплексов отношений. Но элементы в своей чувственной доступности были последними величинами естествознания, напоминающими античную пластику. Сама физиология собирается стать главой органической химии и пользоваться средствами анализа бесконечно малых. Строго разделенные по органам чувств части старой физики, акустика, оптика, учение о теплоте растворены и слиты воедино в динамику материи и динамику эфира, чисто математическую демаркацию которых невозможно уже установить. Последние умозрения теории познания соединяются сегодня с умозрениями высшего анализа и теоретической физики в некой весьма труднодоступной сфере, к которой относится или должна была бы быть отнесена, например, теория относительности. Теория эманации групп радиоактивных лучей излагается языком знаков, свободных от какой-либо наглядности.

Химия, вместо того чтобы строжайшим и наглядным образом определять качества элементов (валентность, вес, сродство, реакционную способность), готова, напротив, устранить эти чувственные признаки. То, что элементы по своему «происхождению» из соединений обладают вообще различными характеристиками; что они представляют собой комплексы гетерогенных единств, которые, хотя и выглядят экспериментально («в действительности») единством высшего порядка и, стало быть, практически неразделимы, все же обнаруживают в отношении своей радиоактивности глубокие различия; что вследствие эманации излучаемой энергии имеет место распад, и мы, стало быть, вправе говорить о времени жизни элементов, в чем явным образом обнаруживается полное противоречие исконному понятию элемента, а значит, и духу созданной Лавуазье современной химии, — все это смещает названные представления в сторону учения об энтропии с ее рискованной оппозицией каузальности и судьбы, природы и истории и характеризует путь нашей науки, ведущий, с одной стороны, к открытию идентичности ее логических или числовых данных со структурой самого рассудка, а с другой стороны, к пониманию того, что вся экипирующая себя этими числами теория является всего лишь символическим выражением фаустовской жизни...

... Цикл западного природопользования завершается. Глубоким скептицизмом этих последних прозрений дух снова соединяется с формами раннеготической религиозности. Неорганический, познанный, раскромсанный окружающий мир, мир-как-природа, как система, углубился до чистой сферы функциональных чисел. Мы признали число за один из исконнейших символов каждой культуры, и отсюда явствует, что путь к чистому числу есть возвращение бодрствования к собственной своей тайне, откровение его собственной формальной необходимости. С достижением

цели обнаруживается, наконец, чудовищное, становящееся все более вневещным, все более прозрачным сплетение, обволакивающее все естествознание: это не что иное, как внутренняя структура лингвистически стесненного понимания, полагающего, что оно победило видимость и отслоило от нее «истину». Но под этим сплетением вновь обнаруживается древнейшее и глубочайшее, миф, непосредственное становление, сама жизнь. Чем менее антропоморфным мнит себя исследование природы, тем больше является оно таковым. Оно постепенно устраняет *отдельные* человеческие черты из картины природы, чтобы в конце концов в качестве мнимой чистой природы во-зобладать самой человечностью, в чистом и цельном виде ...

См.: Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. — М., 1993. — С. 616–617, 624–625, 628.

• *Каким видит О. Шпенглер будущее западноевропейской науки в целом и физики в частности?*

К. МАРКС
«Экономическо-философские рукописи 1844 года»
Отчужденный труд

... [XXIV] Теперь нам предстоит на основании двух данных определений отчужденного труда вывести еще третье его определение.

Человек есть существо родовое, не только в том смысле, что и практически, и теоретически он делает своим предметом род — как свой собственный, так и прочих вещей, но и в том смысле — и это есть лишь другое выражение того же самого, — что он относится к самому себе как к существу универсальному и потому свободному.

Родовая жизнь как у человека, так и у животного физически состоит в том, что человек (как и животное) живет неорганической природой, и чем универсальнее человек по сравнению с животным, тем универсальнее сфера той неорганической природы, которой он живет. Подобно тому, как в теоретическом отношении растения, животные, камни, воздух, свет и т. д. являются частью человеческого сознания, отчасти в качестве объектов естествознания, отчасти в качестве объектов искусства, являются его духовной неорганической природой, духовной пищей, которую он предварительно должен приготовить, чтобы ее можно было вкусить и переварить, — так и в практическом отношении они составляют часть человеческой жизни и человеческой деятельности. Физически человек живет только этими продуктами природы, будь то в форме пищи, отопления, одежды, жилища и т. д. Практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его неорганическое тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средст-

вом для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть неорганическое тело человека, а именно — природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. Человек живет природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана сама с собой, ибо человек есть часть природы.

Отчужденный труд человека, отчуждая от него: 1) природу, 2) его самого, его собственную деятельную функцию, его жизнедеятельность, тем самым отчуждает от человека род: он превращает для человека родовую жизнь в средство для поддержания индивидуальной жизни. Во-первых, он отчуждает родовую жизнь и индивидуальную жизнь, а во-вторых, делает индивидуальную, взятую в ее абстрактной форме, целью родовой жизни, тоже в ее абстрактной и отчужденной форме.

Дело в том, что, во-первых, сам труд, сама жизнедеятельность, сама производственная жизнь оказываются для человека лишь средством для удовлетворения одной его потребности в сохранении физического существования. А производственная жизнь и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, порождающая жизнь. В характере жизнедеятельности заключается весь характер данного вида, его родовой характер, а свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека. Сама жизнь оказывается лишь средством к жизни.

Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть эта жизнедеятельность. Человек же делает самую свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная. Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности. Именно лишь в силу этого он есть родовое существо. Или можно сказать еще так: он есть сознательное существо, т. е. его собственная жизнь является для него предметом именно лишь потому, что он есть родовое существо. Только в силу этого его деятельность есть свободная деятельность. Отчужденный труд переворачивает это отношение таким образом, что человека именно потому, что он есть существо сознательное, превращает свою жизнедеятельность, свою сущность только лишь в средство для поддержания своего существования.

Практическое созидание предметного мира, переработка неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа, т. е. такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности или к самому себе как к родовому существу. Животное, правда, тоже производит. Оно строит себе гнездо или жилище, как это делают пчела, бобр, муравей и т. д. Но животное производит лишь то, в

чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш; оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее; животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу; продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом, тогда как человек свободно противостоит своему продукту. Животное строит только сообразно мерке и потребности своего вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую мерку; в силу этого человек строит также и по законам красоты.

Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается его произведением и его действительностью. Предмет труда есть поэтому опредмечивание родовой жизни человека: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, и созерцает самого себя в созданном им мире. Поэтому отчужденный труд, отнимая у человека предмет его производства, тем самым отнимает у него его родовую жизнь, его действительную родовую предметность, а то преимущество, которое человек имеет перед животными, превращается для него в нечто отрицательное, поскольку у человека отбирают его неорганическое тело, природу.

Подобным же образом отчужденный труд, принижая самодеятельность, свободную деятельность до степени простого средства, тем самым превращает родовую жизнь человека в средство для поддержания его физического существования.

Присущее человеку сознание его родовой сущности видоизменяется, стало быть, вследствие отчуждения так, что родовая жизнь становится для него средством.

Таким образом, отчуждение труда приводит к следующим результатам:

<...>

3) Родовая сущность человека — как природа, так и его духовное родовое достояние — превращается в чуждую ему сущность, в средство для поддержания его индивидуального существования. Отчужденный труд отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне его, как и его духовную сущность, его человеческую сущность.

4) Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является отчуждение человека от человека. Когда человек противостоит самому себе, то ему противостоит другой человек. То, что можно сказать об отношении человека к своему труду, к продукту своего труда и

самому себе, то же можно сказать и об отношении человека к другому человеку, а также к труду и к предмету труда другого человека.

Вообще положение о том, что от человека отчуждена его родовая сущность, означает, что один человек отчужден от другого и каждый из них отчужден от человеческой сущности.

Отчуждение человека, вообще любое отношение, в котором человек находится к самому себе, реализуется, выявляется лишь в отношениях человека к другим людям.

Следовательно, в условиях отчужденного труда каждый человек рассматривает другого, руководствуясь масштабом и отношением, в котором находится он сам как рабочий.

[XXV] Мы исходили из экономического факта — отчуждения рабочего и его продукции. Мы сформулировали понятие этого факта: отчужденный труд. Это понятие мы подвергли анализу. Мы анализировали, стало быть, лишь экономический факт.

Теперь посмотрим, как это понятие отчужденного труда выражено и представлено в реальной действительности.

Если продукт труда мне чужд, если он противостоит мне в качестве чуждой силы, кому же в таком случае он принадлежит?

Если моя собственная деятельность принадлежит не мне, а есть деятельность чуждая, вынужденная, кому же принадлежит она в таком случае?

Некоторому иному, чем я, существу.

Что же это за существо?

Не боги ли? Правда, на первых порах главная производственная деятельность, например строительство храмов и т. д. в Египте, в Индии, в Мексике, шла по линии служения богам, и самый продукт принадлежал богам. Однако боги никогда не были одни хозяевами труда. Не была хозяином и природа. Да и каким противоречием было бы такое положение, при котором чем больше человек благодаря своему труду подчиняет себе природу и чем больше чудеса богов становятся излишними благодаря чудесам промышленности, тем больше человек должен был бы в угоду этим силам отказываться от радости, доставляемой производством, и от наслаждения продуктом!

Чуждым существом, которому принадлежит труд и продукт труда, существом, на службе которого оказывается труд и для наслаждения которого создается продукт труда, таким существом может быть лишь сам человек.

Если продукт труда не принадлежит рабочему, если он противостоит ему как чуждая сила, то это возможно лишь в результате того, что продукт принадлежит другому человеку, не рабочему. Если деятельность рабочего для него самого является мукой, то кому-то другому она должна доставлять наслаждение и жизнерадостность. Не боги и не природа, а только сам человек может быть этой чуждой силой, властвующей над человеком.

Необходимо еще принять во внимание выставленное выше положение о том, что отношение человека к самому себе становится для него предметным, действительным лишь через посредство его отношения к другому человеку. Следовательно, если человек относится к продукту своего труда, к своему опредмеченному труду, как к предмету чуждому, враждебному, могущественному, от него не зависящему, то он относится к нему так, что хозяином этого предмета является другой, чуждый ему, враждебный, могущественный, от него не зависящий человек. Если он относится к своей собственной деятельности как к деятельности подневольной, то он относится к ней как к деятельности, находящейся на службе другому человеку, ему подвластной, подчиненной его принуждению к игу ...

См.: *Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: Т. 42. — С. 92–96.*

- *В чем, по мнению К. Маркса, заключаются основные различия между поведением животных и предметно-практической деятельностью человека?*
- *Какие трудовые отношения, по К. Марксу, лежат в основе отчуждения?*
- *Что такое отчуждение труда в понимании К. Маркса? Чем оно оборачивается для человека и общества?*
- *В чем, по мнению К. Маркса, проявляется родовая сущность человека?*

В. И. ЛЕНИН

«Государство и революция»

4. Высшая фаза коммунистического общества

... Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного общественного неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя.

Эта экспроприация даст возможность гигантского развития производительных сил. И, видя, как теперь уже капитализм невероятно задерживает это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой, техники, мы вправе с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», этого мы не знаем и знать не можем.

Поэтому мы и вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов нет.

Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям. «Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, не переработать бы лишних полчаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, — этот узкий горизонт будет тогда перейден. Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности».

С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделяются и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество, и свою корыстную защиту капитализма.

Невежество, — ибо «обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а предвидение великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

До тех пор, когда наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством вооруженных рабочих...

... И здесь мы подошли к тому вопросу о научном различии между социализмом и коммунизмом, которого коснулся Энгельс в приведенном выше рассуждении его о неправильности названия «социал-демократы». Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно, но теперь, при капитализме, признавать его было бы смешно и выдвигать его на первый план могли бы разве лишь отдельные анархисты (если еще остались среди анархистов люди, ничему не научившиеся после «плехановского» превращения Кро-

поткиных, Грва, Корнелиссена и прочих «звезд» анархизма в социал-шовинистов, или в анархо-траншейников, как выразился один из немногих сохранивших честь и совесть анархистов Ге).

Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся из капитализма. Вместо схоластически выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма ...

... Демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение. Но демократия вовсе не есть предел, его же не преjdeши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения классов. Но тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества по отношению к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле только с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии большинства населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на известной ступени развития демократии она, во-первых, сплачивает революционный против капитализма класс — пролетариат — и дает ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постое-

янную армию, полицию, чиновничество, заменить их более демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции.

Здесь «количество переходит в качество»: такая степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно все участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает предпосылки для того, чтобы действительно «все» могли участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела и т. д., и т. п.

При таких экономических предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их — в деле контроля за производством и распределением, в деле учета труда и продуктов — вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим.)

Учет и контроль — вот главное, *что* требуется для «налажения», для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим упрощен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок.

Когда большинство народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться».

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество,

никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для дальнейшего движения вперед.

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их сами научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, «наладили» контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом, — с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее начинает отмирать всякое государство.

См.: Ленин, В. И. Государство и революция / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: Т. 33. — С. 96–102.

- *Какой смысл вкладывал В. И. Ленин в марксистскую идею «отмирания» государства?*
- *Каковы экономические основы полного отмирания государства по В. И. Ленину?*
- *Какие фазы в развитии коммунистической формации выделялись в марксистском учении о государстве?*

В. В. ВЕРНАДСКИЙ **«Живое вещество и биосфера»**

Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс, с одной стороны, и свободной мысли личности — с другой, определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, ставится вопрос *о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого*. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть *ноосфера*.

Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей *геологической силой*. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие возможности. И, может быть, поколение наших внуков уже приблизится к их расцвету.

Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в нее — в новый стихийный геологический процесс — в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках, мы его не выпустим.

См.: *Вернадский, В. В. Живое вещество и биосфера* / В. В. Вернадский // Антология культурологической мысли. — М.: РОУ, 1996. — С. 169–170.

- *Что такое «ноосфера» по В. Вернадскому?*

Н. А. БЕРДЯЕВ **«О культуре»**

В жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общности.

В культуре действуют два начала — консервативное, обращенное к прошлому и поддерживающее с ним преемственную связь, и творческое, обращенное к будущему и создающее новые ценности. Но в культуре не может действовать начало революционное, разрушительное. Революционное начало по существу враждебно культуре, антикультурно. Культура немислима без иерархической преемственности, без качественного неравенства.

См.: *Бердяев, Н. А. О культуре* / Н. А. Бердяев // Антология культурологической мысли. — М., 1996. — С. 195, 197.

- *Что такое культура по Н. Бердяеву?*

З. ФРЕЙД **«Недовольство культурой»**

... Мы сталкиваемся с одним предположением, столь поразительным, что стоит на нем остановиться. Оно гласит, что большую часть вины за наши несчастья несет наша так называемая культура; мы были бы несравненно счастливее, если бы от нее отказались и вернулись к первобытности ...

Обнаружилось, что человек невротизируется, ибо не может вынести всей массы ограничений, налагаемых на него обществом во имя своих культурных идеалов. Из этого был сделан вывод, что со снятием или значительным уменьшением этих ограничений произошел бы возврат к уютным возможностям счастья.

К этому добавляется еще одно разочарование. За время жизни последних поколений люди достигли изумительного прогресса в естествознании и его технических применениях, их господство над природой необычайно укрепилось. Всем известны различные стороны этого прогресса, вряд ли есть нужда их перечислять. Люди гордятся этими достижениями и имеют на то право. Но они заметили, что новообретенное господство над пространством и временем, подчинение сил природы, исполнение желаний тысячелетней давности не увеличили наслаждения от жизни и не сделали их счастливее. Из этого следовало бы удовлетвориться выводом, что власть над природой не является единственным условием человеческого счастья, а не выводить отсюда бесполезность технического прогресса для экономии счастья.

Так как культура требует принесения в жертву не только сексуальности, но также агрессивных склонностей человека, нам становится понятнее, почему людям нелегко считать себя ею осчастливленными. Первобытному человеку, действительно, было лучше тем, что он не знал никаких ограничений на свои влечения. Взамен весьма незначительной была его уверенность в том, что он долгое время может наслаждаться такого рода счастьем. Культурный человек променял часть своего возможного счастья на частичную безопасность. <...>

Роковым для рода человеческого мне кажется вопрос: удастся ли — и в какой мере — обуздать на пути культуры влечение к агрессии и самоуничтожению, ведущее к разрушению человеческого существования. Наше время представляет в связи с этим особый интерес. Ныне люди настолько далеко зашли в своем господстве над силами природы, что с их помощью легко могут истребить друг друга вплоть до последнего человека. Они знают это, отсюда немалая доля их теперешнего беспокойства, их несчастья, их тревоги. Остается надеяться, что другая из «небесных властей» — вечный Эрос — приложит свои силы, дабы отстоять свои права в борьбе с равно бессмертным противником. Но кто знает, на чьей стороне будет победа, кому доступно предвидение исхода борьбы?

См.: *Фрейд, З.* Недовольство культурой / З. Фрейд // Антология культурологической мысли. — М., 1996. — С. 153–155.

- *Какую роль, по мнению З. Фрейда, играет культура в жизни человека?*

К. Г. ЮНГ

«Об архетипах коллективного бессознательного»

Гипотеза о существовании коллективного бессознательного принадлежит к числу тех научных идей, которые поначалу остаются чуждыми публике, но затем быстро превращаются в хорошо ей известные и даже

популярные. Примерно то же самое произошло и с более емким и широким понятием бессознательного ... При этом на первых порах понятие бессознательного использовалось для обозначения только таких состояний, которые характеризуются наличием вытесненных или забытых содержаний. Хотя у Фрейда бессознательное выступает — по крайней мере метафорически — в качестве действующего субъекта, по сути оно остается не чем иным, как местом скопления именно вытесненных содержаний; и только поэтому за ним признается практическое значение. Ясно, что с этой точки зрения бессознательное имеет исключительно личностную природу, хотя, с другой стороны, уже Фрейд понимал архаико-мифологический характер бессознательного способа мышления.

Конечно, поверхностный слой бессознательного является в известной степени личностным. Мы называем его *личностным бессознательным*. Однако этот слой покоится на другом, более глубоком, ведущем свое происхождение и приобретаемом уже не из личного опыта. Этот врожденный более глубокий слой и является так называемым *коллективным бессознательным*. Я выбрал термин «коллективное», поскольку речь идет о бессознательном, имеющем не индивидуальную, а *всеобщую* природу. Это значит, что оно включает в себя, в противоположность личностной душе, содержания и образы поведения, которые ... являются повсюду и у всех индивидов одними и теми же. Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным.

Существование чего-нибудь в нашей душе признается только в том случае, если в ней присутствуют так или иначе осознаваемые содержания. Мы можем говорить о бессознательном лишь в той мере, в какой способны удостовериться в наличии таких содержаний. В личном бессознательном это по большей части так называемые эмоционально окрашенные *комплексы*, образующие интимную душевную жизнь личности. Содержанием коллективного бессознательного являются так называемые *архетипы* ...

... хорошо известным выражением архетипов являются *мифы* и *сказки*. По существу, архетип представляет то бессознательное содержание, которое изменяется, становясь осознанным и воспринятым; оно претерпевает изменения под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает.

То, что подразумевается под «архетипом», проясняется через его соотношение с мифом, тайным учением, сказкой ...

См.: Юнг, К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного / К. Г. Юнг // Антология культурологической мысли. — М., 1996. — С. 215–217.

- *Что такое коллективное бессознательное?*

Ж. П. САРТР
«Экзистенциализм — это гуманизм»

Для экзистенциализма человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает. Таков первый принцип экзистенциализма. Это и называется субъективностью, за которую нас упрекают ... человек прежде всего существует, что человек — существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее.

... Но когда мы говорим, что человек ответствен, то это не означает, что он ответствен только за свою индивидуальность. Он отвечает за всех людей. Слово «субъективизм» имеет два смысла, и наши оппоненты пользуются этой двусмысленностью. Субъективизм означает, с одной стороны, что индивидуальный субъект сам себя выбирает, а с другой стороны — что человек не может выйти за пределы человеческой субъективности. Именно второй смысл и есть глубокий смысл экзистенциализма. Когда мы говорим, что человек сам себя выбирает, мы имеем в виду, что каждый из нас выбирает себя, но тем самым мы также хотим сказать, что, выбирая себя, мы выбираем всех людей. Действительно, нет ни одного нашего действия, которое, создавая из нас человека, каким мы хотели бы быть, не создавало бы в то же время образ человека, каким он, по нашим представлениям, должен быть. Выбрать себя так или иначе означает одновременно утверждать ценность того, что мы выбираем, так как мы ни в коем случае не можем выбирать зло. То, что мы выбираем, — всегда благо. Но ничего не может быть благом для нас, не являясь благом для всех. Если, с другой стороны, существование предшествует сущности и если мы хотим существовать, творя одновременно наш образ, то этот образ значим для всей нашей эпохи в целом. Таким образом, наша ответственность гораздо больше, чем мы могли бы предполагать, так как распространяется на все человечество ... Я ответствен, таким образом, за себя самого и за всех и создаю определенный образ человека, который выбираю; выбирая себя, я выбираю человека вообще. Это позволяет понять, что скрывается за столь громкими словами, как «тревога», «заброшенность», «отчаяние». Как вы увидите, в них заложен чрезвычайно простой смысл. Во-первых, что понимается под тревогой? Экзистенциалист охотно заявит, что человек — это тревога. А это означает, что человек, который на что-то решается и сознает, что выбирает не только свое собственное бытие, но что он еще и законодатель,

выбирающий одновременно с собой и все человечество, не может избежать чувства полной и глубокой ответственности. Правда, многие не ведают никакой тревоги, но мы считаем, что эти люди прячут это чувство, бегут от него. Несомненно, многие люди полагают, что их действия касаются лишь их самих, а когда им говоришь: а что, если бы все так поступали? — они пожимают плечами и отвечают: но ведь все так не поступают. Однако на самом деле всегда следует спрашивать: а что бы произошло, если бы все так поступали? От этой беспокоящей мысли можно уйти, лишь проявив некоторую нечестность (*mauvaise foi*). Тот, кто лжет, оправдываясь тем, что все так поступают, — не в ладах с совестью, так как факт лжи означает, что лжи придается значение универсальной ценности. Тревога есть, даже если ее скрывают. Это та тревога, которую Кьеркегор называл тревогой Авраама. Вы знаете эту историю. Ангел приказал Аврааму принести в жертву сына. Хорошо, если это на самом деле был ангел, который пришел и сказал: ты — Авраам и ты пожертвуешь своим сыном. Но каждый вправе спросить: действительно ли это ангел и действительно ли я Авраам? Где доказательства? У одной сумасшедшей были галлюцинации: с ней говорили по телефону и отдавали приказания. На вопрос врача: «Кто же с вами разговаривает?» — она ответила: «Он говорит, что он бог». Но что же служило ей доказательством, что это был бог? Если мне явится ангел, то откуда я узнаю, что это и на самом деле ангел? И если я услышу голоса, то что докажет, что они доносятся с небес, а не из ада или подсознания, что это не следствие патологического состояния? Что докажет, что они обращены именно ко мне? Действительно ли я предназначен для того, чтобы навязать человечеству мою концепцию человека и мой выбор? У меня никогда не будет никакого доказательства, мне не будет дано никакого знамения, чтобы в этом убедиться. Если я услышу голос, то только мне решать, является ли он гласом ангела. Если я сочту данный поступок благим, то именно я, а не кто-то другой, решаю, что этот поступок благой, а не злой. Мне вовсе не обязательно быть Авраамом, и тем не менее на каждом шагу я вынужден совершать поступки, служащие примером для других. Для каждого человека все происходит так, как будто взоры всего человечества обращены к нему и будто все сообразуют свои действия с его поступками. И каждый человек должен себе сказать: действительно ли я имею право действовать так, чтобы человечество брало пример с моих поступков? Если же он не говорит себе этого, значит, скрывает от себя свою тревогу. Речь идет здесь не о том чувстве, которое ведет к квиетизму, к бездействию. Это — тревога, известная всем, кто брал на себя какую-либо ответственность. Когда, например, военачальник берет на себя ответственность, отдавая приказ об атаке и посылая людей на смерть, то, значит, он решает это сделать и, в сущности, принимает решение один. Конечно, имеются приказы свыше, но они слишком общи и требуют конкретного истолкования. Это истолкование исходит от него, и от этого истолкования

зависит жизнь десяти, четырнадцати или двадцати человек. Принимая решение, он не может не испытывать какого-то чувства тревоги. Такая тревога знакома всем руководителям. Однако она не мешает им действовать, наоборот, составляет условие действия, так как предполагает, что рассматривается множество различных возможностей. И когда они выбирают одну, то понимают, что она имеет ценность именно потому, что она выбрана. Эта тревога, о которой толкует экзистенциализм, объясняется, кроме того, прямой ответственностью за других людей. Это не барьер, отделяющий нас от действия, но часть самого действия.

Говоря о «заброшенности» (излюбленное выражение Хайдеггера), мы хотим сказать только то, что бога нет и что отсюда необходимо сделать все выводы ...

Достоевский как-то писал, что «если бога нет, то все дозволено». Это — исходный пункт экзистенциализма. В самом деле, все дозволено, если бога не существует, а потому человек заброшен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне. Прежде всего у него нет оправданий. Действительно, если существование предшествует сущности, то ссылкой на раз навсегда данную человеческую природу ничего нельзя объяснить. Иначе говоря, нет детерминизма, человек свободен, человек — это свобода.

С другой стороны, если бога нет, мы не имеем перед собой никаких моральных ценностей или предписаний, которые оправдывали бы наши поступки. Таким образом, ни за собой, ни перед собой — в светлом царстве ценностей — у нас не имеется ни оправданий, ни извинений. Мы одиноки, и нам нет извинений. Это и есть то, что я выражаю словами: человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал; и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает. Экзистенциалист не верит во всемогущие страсти. Он никогда не станет утверждать, что благородная страсть — это всепоглощающий поток, который неумолимо толкает человека на совершение определенных поступков и поэтому может служить извинением. Он полагает, что человек ответствен за свои страсти. Экзистенциалист не считает также, что человек может получить на Земле помощь в виде какого-то знака, данного ему как ориентир. По его мнению, человек сам расшифровывает знамения, причем так, как ему вздумается. Он считает, следовательно, что человек, не имея никакой поддержки и помощи, осужден всякий раз изобретать человека. В одной своей замечательной статье Понж писал: «Человек — это будущее человека». И это совершенно правильно. Но совершенно неправильно понимать это таким образом, что будущее предначертано свыше и известно богу, так как в подобном случае это уже не будущее. Понимать это выражение следует в том смысле, что, каким бы ни был человек, впереди его всегда ожидает неизведанное будущее.

См.: *Сартр, Ж. П. Экзистенциализм — это гуманизм* / Ж. П. Сартр // *Сумерки богов.* — М., 1990. — С. 323–328.

- *Что означает тезис экзистенциализма: «Существование предшествует сущности»?*
- *В чем заключаются отличительные особенности экзистенциализма в рассмотрении проблемы человека?*
- *Как Ж. П. Сартр аргументировал свое суждение «Человек — это прежде всего проект, который переживается субъективно»?*
- *Какие модусы человеческого бытия рассматривает Ж. П. Сартр?*
- *В чем, по Ж. П. Сартру, гуманистическая сущность экзистенциализма?*

А. КАМЮ
«Бунтующий человек»
Миф о Сизифе

Боги приговорили Сизифа поднимать огромный камень на вершину горы, откуда эта глыба неизменно скатывалась вниз. У них были основания полагать, что нет кары ужасней, чем бесполезный и безнадежный труд.

Если верить Гомеру, Сизиф был мудрейшим и осмотрительнейшим из смертных. Правда, согласно другому источнику, он промышлял разбоем. Я не вижу здесь противоречия. Имеются различные мнения о том, как он стал вечным тружеником ада. Его упрекали прежде всего за легкомысленное отношение к богам. Он разглашал их секреты. Эгина, дочь Асопа, была похищена Юпитером. Отец удивился этому исчезновению и пожаловался Сизифу. Тот, зная о похищении, предложил Асопу помощь при условии, что Асоп даст воду цитадели Коринфа. Небесным молниям он предпочел благословение земных вод. Наказанием за это стали адские муки. Гомер рассказывает также, что Сизиф заковал в кандалы Смерть. Плутон не мог вынести зрелища своего опустевшего и затихшего царства. Он послал бога войны, который вызволил Смерть из рук ее победителя.

Говорят также, что, умирая, Сизиф решил испытать любовь жены и приказал ей бросить его тело на площади без погребения. Так Сизиф оказался в аду. Возмутившись столь чуждым человеколюбию послушанием, он получил от Плутона разрешение вернуться на землю, дабы наказать жену. Но стоило ему вновь увидеть облик земного мира, ощутить воду, солнце, теплоту камней и море, как у него пропало желание возвращаться в мир теней. Напоминания, предупреждения и гнев богов были напрасны. Многие годы он продолжал жить на берегу залива, где шумело море и улыбалась земля. Потребовалось вмешательство богов. Явился Меркурий, схватил Сизифа за шиворот и силком утащил в ад, где его уже поджидал камень.

Уже из этого понятно, что Сизиф — абсурдный герой. Таков он и в своих страстях, и в страданиях. Его презрение к богам, ненависть к смерти и желание жить стоили ему несказанных мучений — он вынужден бес-

цельно напрягать силы. Такова цена земных страстей. Нам неизвестны подробности пребывания Сизифа в преисподней. Мифы созданы для того, чтобы привлекать наше воображение. Мы можем представить только напряженное тело, силящееся поднять огромный камень, покатить его, взобраться с ним по склону; видим сведенное судорогой лицо, прижатую к камню щеку, плечо, удерживающее покрытую глиной тяжесть, оступающуюся ногу, вновь и вновь поднимающие камень руки с измазанными землей ладонями. В результате долгих и размеренных усилий, в пространстве без неба, во времени без начала и конца цель достигнута. Сизиф смотрит, как в считанные мгновенья камень скатывается к подножию горы, откуда его опять придется поднимать к вершине. Он спускается вниз.

Сизиф интересует меня во время этой паузы. Его изможденное лицо едва отличимо от камня! Я вижу этого человека, спускающегося тяжелым, но ровным шагом к страданиям, которым нет конца. В это время вместе с дыханием к нему возвращается сознание, неотвратимое, как его бедствия. И в каждое мгновение, спускаясь с вершины в логово богов, он выше своей судьбы. Он тверже своего камня.

Этот миф трагичен, поскольку его герой наделен сознанием. О какой каре могла бы идти речь, если бы на каждом шагу его поддерживала надежда на успех? Сегодняшний рабочий живет так всю свою жизнь, и его судьба не менее трагична. Но сам он трагичен лишь в те редкие мгновения, когда к нему возвращается сознание. Сизиф, пролетарий богов, бессильный и бунтующий, знает о бесконечности своего печального удела; о нем он думает во время спуска. Ясность видения, которая должна быть его мукой, обращается в его победу. Нет судьбы, которую не превозмогло бы презрение.

Иногда спуск исполнен страданий, но он может проходить и в радости. Это слово уместно. Я вновь представляю себе Сизифа, спускающегося к своему камню. В начале были страдания. Когда память наполняется земными образами, когда непереносимым становится желание счастья, бывает, что к сердцу человека поступает печаль: это победа камня, это сам камень. Слишком тяжело нести безмерную ношу скорби. Таковы наши ночи в Гефсиманском саду. Но сокрушающие нас истины отступают, как только мы распознаем их. Так Эдип сначала подчиняется судьбе, не зная о ней. Трагедия начинается вместе с познанием. Но в то же мгновение слепой и отчаявшийся Эдип сознает, что единственной связью с миром остается для него нежная девичья рука. Тогда-то и раздается его высокомерная речь: «Несмотря на все невзгоды, преклонный возраст и величие души заставляют меня сказать, что все хорошо». Эдип у Софокла, подобно Кириллову у Достоевского, дает нам формулу абсурдной победы. Античная мудрость соединяется с современным героизмом.

Перед тем, кто открыл абсурд, всегда возникает искушение написать нечто вроде учебника счастья. «Как, следуя, по столь узкому пути?..» Но мир всего лишь один, счастье и абсурд являются порождениями одной и

той же земли. Они неразделимы. Было бы ошибкой утверждать, что счастье рождается непременно из открытия абсурда. Может случиться, что чувство абсурда рождается из счастья. «Я думаю, что все хорошо», — говорит Эдип, и эти слова священны. Они раздаются в суровой и конечной вселенной человека. Они учат, что это не все, еще не все исчерпано. Они изгоняют из этого мира бога, вступившей в него вместе с неудовлетворенностью и тягой к бесцельным страданиям. Они превращают судьбу в дело рук человека, дело, которое должно решаться среди людей.

В этом вся тихая радость Сизифа. Ему принадлежит его судьба. Камень — его достояние. Точно так же абсурдный человек, глядя на свои муки, заставляет умолкнуть идиологов. В неожиданно притихшей вселенной слышен шепот тысяч тонких восхитительных голосов, поднимающихся от земли. Это бессознательный, тайный зов всех образов мира — такова изнанка и такова цель победы. Солнца нет без тени, и необходимо познать ночь. Абсурдный человек говорит «да» — и его усилиям более нет конца. Если и есть личная судьба, то это отнюдь не предопределение свыше, либо, в крайнем случае, предопределение сводится к тому, как о нем судит сам человек: оно фатально и достойно презрения. В остальном он сознает себя властелином своих дней. В неумолимое мгновение, когда человек оборачивается и бросает взгляд на прожитую жизнь, Сизиф, вернувшись к камню, созерцает бессвязную последовательность действий, ставшую его судьбой. Она была сотворена им самим, соединена в одно целое его памятью и скреплена смертью. Убежденный в человеческом происхождении всего человеческого, желающий видеть и знающий, что ночи не будет конца, слепец продолжает путь. И вновь скатывается камень.

Я оставляю Сизифа у подножия его горы! Ноша всегда найдется. Но Сизиф учит высшей верности, которая отвергает богов и двигает камни. Он тоже считает, что все хорошо. Эта вселенная, отныне лишенная властелина, не кажется ему ни бесплодной, ни ничтожной. Каждая крупинка камня, каждый отблеск руды на полночной горе составляет для него целый мир. Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Сизифа следует представлять себе счастливым.

См.: Камю, А. Бунтующий человек / А. Камю. — М., 1990. — С. 90–92.

- Почему А. Камю называет Сизифа абсурдным героем?
- В чем А. Камю усматривает истоки страданий и радости Сизифа?

Что такое бунтующий человек? Это человек, который говорит «нет». Но, отказываясь, он не отрекается: это также человек который изначально говорит «да». Раб, подчинявшийся приказам всю свою жизнь, вдруг находит новую команду неприемлемой. Каково содержание этого «нет»?

Оно означает, например, «все это слишком затянулось», «это можно, но не больше», «это уже слишком» и еще — «этой границы вы не перейде-

те». То есть «нет» утверждает существование границы. Та же идея предела содержится в чувстве бунтаря, что другой «заходит слишком далеко», что он распространяет свое право за пределы той границы, где ему противостоит другое право, ограничивающее его. Таким образом, бунтарский порыв опирается одновременно на категорический отказ от неприемлемого вмешательства и на смутную уверенность в собственной правоте, вернее, чувство бунтующего, что «он вправе...». Бунт невозможен без ощущения, что ты сам где-то каким-то образом прав. Именно в этом смысле взбунтовавшийся раб одновременно говорит «да» и «нет». Он утверждает не только существование границы, но и все то, что предполагает и хочет сохранить по эту ее сторону. Он упрямо доказывает, что в нем самом есть что-то «стоящее», чего надо остерегаться. В какой-то мере он противопоставляет угнетающему его порядку своего рода право не быть угнетаемым сверх приемлемой меры.

Всякий бунт предполагает не только отвращение к незаконному вторжению, но и целостное мгновенное приятие человеком определенной части собственного существа. Имплицитно вводится ценностное суждение, столь твердое, что человек придерживается его, несмотря на грозящие опасности. До сих пор он по крайней мере молчал, считая свое положение несправедливым, но принимая его, несмотря на отчаяние. Молчать — значит дать понять, что ни о чем не судишь и ничего не желаешь, а в некоторых случаях это действительно означает ничего не желать. Отчаяние, как и абсурд, судит и желает всего вообще, но ничего в частности. Об этом утвердительно свидетельствует молчание. Но как только человек заговорил, даже если он говорит «нет», он желает и судит. Бунтарь производит этимологический перевертыш. Его погонял хозяин. И вот он уже противостоит хозяину. Он противопоставляет желательное нежелательному. Не всякая ценность порождает бунт, но любой бунтарский порыв подспудно предполагает ценность. Но идет ли действительно речь о ценности?

Бунтарство порождает, пусть смутно, осознание, осеменяющее понимание того, что в человеке есть нечто, о чем он может, хотя бы временно, идентифицироваться. До сих пор эта идентификация не ощущалась по настоящему. Раб переносил все репрессии, предшествовавшие бунту. Он даже часто безразлично воспринимал приказы более возмутительные, чем тот, который вызвал отказ. Он был терпелив, быть может, внутренне и противился им, но молчал, озабоченный сиюминутными интересами. Раб еще не осознавал своих прав. Потеряв терпение, он распространяет свое нетерпение на все, с чем раньше соглашался. Этот порыв почти всегда ретроактивен. В тот момент, когда раб отвергает унизительный приказ вышестоящего, он отвергает и само рабское состояние. Движение бунта несет его дальше простого отказа. Он переходит границу, за которой находится противник, и требует, чтобы с ним обращались, как с равным. То, что было

изначально непримиримым сопротивлением человека, захватывает его в целом; он идентифицируется с сопротивлением и сводится к нему. Он ставит ту часть себя, к которой требовал уважения, выше всего, предпочитает ее всему, даже жизни. Она становится для него высшим благом. Мирившийся с компромиссом раб вдруг («раз уж на го пошло ...») выбирает Все или Ничего. Сознание рождается вместе с бунтом.

Но очевидно, что это еще довольно смутное осознание «всего» и одновременно «ничего», означающего возможность человеческого жертвоприношения этому «всему». Бунтарь хочет быть всем, тотально идентифицироваться с внезапно осознанным благом, признания и восхваления которого в себе он жаждет, — или ничем, то есть безнадежно падшим, уступившим превосходящей силе. Он чаще предпочитает последнее падение — смерть — отказу от того высшего посвящения, которое он назовет, например, свободой. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

Согласно уважаемым авторам, ценность «обычно представляет собой переход от факта к праву, от желанного к желательному (обычно посредством желанного вообще)». Как мы видели, переход к праву очевиден в бунте. Так же как и переход от «нужно, чтобы это было так» к «я хочу, чтобы так было». Но, быть может, еще важнее понятие превосходения индивида ради всеобщего блага. Появление Всего и Ничего показывает, что бунт, несмотря на бытующее мнение, ставит под сомнение само понятие индивида, хотя его возникновение сугубо индивидуально. Действительно, если индивид согласен умереть и порой умирает, бунтуя, он приносит жертву ради блага, превосходящего его собственную судьбу. Если он предпочитает смертельный риск отрицанию права, которое защищает, значит, он ставит последнее выше себя. Значит, он действует во имя еще смутной ценности, чувствуя, что она роднит его со всеми людьми. Очевидно, утверждение, присущее любому бунту, распространяется на нечто, пре восходящее индивида в той мере, в какой вырывает его т предполагаемого одиночества и наделяет смыслом деятельности. Здесь нужно заметить, что эта ценность, предшествующая любому действию, противоречит чисто историческим философским учениям, согласно которым ценность завоевывается (если ее можно завоевать) в результате деятельности. Анализ бунта приводит к мысли о существовании человеческой природы, что согласуется с идеями греков и противоположно постулатам современного мышления. Зачем бунтовать, если не имеешь того постоянного, что стоит хранить? Раб восстает ради всех, когда видит в определенном приказе отрицание того, что принадлежит не только ему, но объединяет всех людей, даже тех, кто унижает и угнетает его.

Это рассуждение подтверждается двумя наблюдениями. Во-первых, движение бунта не является в своей сущности эгоистическим. Конечно, у него может быть эгоистическая направленность. Но ложь вызывает бунт, так же как и угнетение. Кроме того, глубинный порыв, решимость бунтаря

ставит все на карту, ничего не сохраняя. Конечно, он требует к себе уважения, но лишь в той мере, в какой идентифицируется с естественным сообществом.

Заметим далее, что бунт рождается не только и не столько у угнетенного; он может также возникнуть при виде угнетения, которому подвергается другой. Следовательно, в данном случае происходит идентификация с другим индивидом. Нужно уточнить, что речь идет не о психологической идентификации — это уловка, прибегая к которой индивид почувствовал бы в воображении, что оскорбление адресовано ему. Напротив, может случиться так, что чувствуешь невыносимость оскорблений, нанесенных другому, хотя сам бы терпел их, не бунтуя. Подтверждение этому благородному душевному движению — самоубийства протеста на каторге среди русских террористов, чьих товарищей били. Речь здесь не идет и об общих интересах. Так, мы можем считать отвратительной несправедливость по отношению к людям, в которых видим своих врагов. В действительности же происходит идентификация судеб и выработка собственной позиции. Значит, индивид сам по себе не является той ценностью, которую стоит защищать. Ее составляют по крайней мере все люди. Бунтуя, человек превосходит себя в другом, и с этой точки зрения человеческая солидарность является метафизической. Просто в настоящее время речь идет лишь о том виде солидарности, которая рождается в цепях.

Можно уточнить позитивный аспект ценности, заключенной в любом бунте, сравнив ее с таким полностью негативным понятием как злоба, как ее определил Шелер. Действительно, бунт — это больше чем требование в прямом смысле слова. Шелер очень хорошо определил злобу как самоотравление, пагубное порождение длительного бессилия, варящегося в собственном соку. Напротив, бунт разрывает человеческое существо и позволяет ему превзойти себя. Он освобождает потоки, превращая их из застойных в яростные. Сам Шелер указывает на пассивный аспект злобы, отмечая, что она занимает большое место в женской психологии, обуреваемой желаниями и стремлениями к обладанию. У истоков же бунта, напротив, мы находим принцип активности и избыточной энергии. Справедливо также утверждение Шелера о том, что злоба сильно окрашена завистью. Завидуешь тому, чем не обладаешь, бунтарь же защищает то, чем он является. Он не просто требует блага, которого не имеет или которого его лишили. Он стремится, чтобы признали то, что у него есть, что он сам уже признал в большинстве случаев как более важное, чем то, чему он мог бы позавидовать. Бунт не реалистичен. По Шелеру, злоба сильной души превращается в карьеризм, слабой — в горечь. Но в обоих случаях хотят быть не такими, как на самом деле. Злоба — это всегда злость на себя. Бунтарь, напротив, изначально запрещает касаться своего существа. Он борется за целостность какой-то части своей сути. Он стремится прежде всего не завоевать, а навязать.

Как нам представляется, злоба заранее наслаждается той болью, которую хотела бы причинить своему объекту. Ницше и Шелер справедливо усматривают иллюстрацию подобных чувств в том пассаже Тертуллиана, где он сообщает своим читателям, что высшим источником блаженства для небес явится зрелище горящих в аду римских императоров. То же блаженство испытывали почтенные люди, присутствовавшие при смертной казни. Напротив, бунт в принципе отвергает унижение, не требуя сто для другого. Он согласится скорее на боль, чем на нарушение своей целостности.

Таким образом, неясно, почему Шелер полностью отождествляет бунтарский дух со злобой. Его критика злобы в гуманизме (который он считает нехристианской формой любви к людям) быть может применима к некоторым расплывчатым формам гуманитарного идеализма или к технике террора. Но она ложна, когда речь идет о бунте человека против своего положения, побуждающем индивида защищать достоинство всех людей. Шелер хочет показать, что гуманизм сопровождается ненавистью ко всему миру. Любят человечество вообще, чтобы не любить людей в частности. Порой это верно, и Шелера можно лучше понять, если учитывать, что гуманизм представлен для него именами Бентама и Руссо. Но страсть человека к человеку может родиться вовсе не из арифметического подсчета интересов или чисто теоретической веры в человеческую природу. Утилитаристам и наставнику Эмиля противостоит, например, воплощенная Достоевским в Иване Карамазове логика перехода бунта в метафизическое восстание. Зная это, Шелер так резюмирует свою концепцию «В мире не так много любви, чтобы тратить ее на что-либо, кроме человеческого существа». Даже если бы это предложение было верно, заключенное в нем головокружительное отчаяние не заслуживало бы презрения. В действительности же в нем не учтен противоречивый характер бунта Карамазова. Источник драмы Ивана в том, что любви слишком много, но у него нет объекта. И так как любовь не находит применения, а бог отвергнут, эта любовь во имя щедрого соучастия переносится на человеческое существо ...

Не являются ли бунт и заключенная в нем ценность относительными? Действительно, на протяжении эпох и цивилизаций причины бунта, казалось бы, изменяются. Очевидно, что идея бунта неодинакова у индийского парии, воина империи Инка, первобытного человека Центральной Африки или члена первых христи-анских объединений. Можно было бы даже с большой степенью вероятности установить, что в этих конкретных случаях понятие бунта лишено смысла. Но если греческий раб, крепостной, кондотьер эпохи Возрождения, парижский буржуа периода Регентства, русский интеллигент 1900-х годов и современный рабочий разошлись бы в причинах бунта, все они, несомненно, сошлись бы на его законности. Иначе говоря, лишь западная мысль придает проблеме бунта точный смысл. Можно пояснить это, соглашаясь с Шелером в том, что дух бунта трудно выразить в обществах, где неравенство слишком велико (индийские касты), или, напротив,

царит абсолютное равенство (некоторые первобытные общества). Дух бунта возможен лишь в тех общественных группах, где теоретическое равенство скрывает значительное фактическое неравенство. Следовательно, проблема бунта имеет смысл лишь внутри нашего западного общества. Напрашивается утверждение, что бунт связан с развитием индивидуализма, однако предыдущие замечания предостерегают от подобного вывода.

Из замечания Шелера можно, очевидно, извлечь лишь то, что теория политической свободы усилила понятие человеческого у человека нашего общества, а практика ее применения вызывала рост неудовлетворенности. Фактическая свобода не увеличилась пропорционально ее осознанию человеком. Из этого можно извлечь лишь следующее: бунт — дело информированного человека, осознающего свои права. Речь идет не только о правах индивида. Солидарность, о которой шла речь, свидетельствует о растущем самосознании человеческого рода в ходе развития. Действительно, инка или партия не задаются проблемой бунта, для них его решение — в традиции. Ответ — «освященное» предшествует вопросу. В мире священного нет проблемы бунта, потому что в нем вообще нет настоящих проблем: все ответы изначально даны. Метафизика заменена мифом. Вопросов нет, есть только ответы и вечные комментарии — они могут быть и метафизическими. Но до настоящего погружения в священное и после подлинного выхода из него человек определяется вопросами и бунтом. Ситуация бунтующего человека — до и после священного, он требует человеческого порядка, где все ответы человечны, то есть сформулированы разумно. Тогда каждый вопрос и слово — это бунт, тогда как в мире священного речь и действие — благодать.

Таким образом, можно доказать, что перед человеческим разумом открыты лишь две сферы — священное (или, говоря языком христианства, благодать) и бунт. Исчезновение одного соответствует появлению другого, хотя такое появление может происходить в озадачивающих формах. Здесь мы снова находим Все или Ничего. Актуальность проблемы бунта связана хотя бы с тем, что сегодня целые общества хотят дистанцироваться по отношению к священному. Мы живем в десакрализованной истории. Разумеется, человек не сводится к восстанию. Но присущие современной истории споры побуждают нас признать, что бунт — одно из основных человеческих измерений. Это наша историческая реальность. Если не хочешь бежать от действительности, нужно найти в ней человеческие ценности. Можно ли вдали от священного и абсолютных ценностей выработать правила поведения? Этот вопрос ставит бунт ...

В нашем повседневном опыте бунт играет ту же роль, что «*cogito*» для хода мыслей: это первая очевидность. Но эта очевидность освобождает человека от одиночества. Это то общее, на чем основана общечеловеческая первоценность. Я бунтую, значит, мы существуем.

См.: Камю, А. Бунтующий человек / А. Камю // Человек и его ценность. — М., 1988. — Ч. 1. С. 90–98.

- *Что представляет собой «философия бунта» А. Камю?*

К. ПОППЕР
«Логика и рост научного знания»

6. Фальсифицируемость как критерий демаркации

Критерий демаркации, присущий индуктивной логике, то есть позитивистская догма значения, равносильна требованию, что все высказывания в эмпирической науке (или все высказывания, «имеющие значение») должны обладать качеством, которое давало бы возможность определить их истинность или ложность. Мы будем говорить, что этот критерий требует их «окончательной разрешимости». А это означает, что рассматриваемые высказывания должны быть таковы, чтобы было логически возможным их и верифицировать, и фальсифицировать. В соответствии с этим Шлик заявляет: «... Подлинное высказывание должно допускать окончательную верификацию». Вайсман еще более четко формулирует эту позицию: «Если не существует никакого возможного способа определить, истинно ли данное высказывание, то это высказывание вообще не имеет значения, так как значение высказывания есть не что иное, как метод его верификации».

С моей точки зрения, индукции вообще не существует. (Конечно, я при этом не имею в виду так называемую «математическую индукцию». Я лишь отрицаю существование индукции в так называемых «индуктивных науках», иначе говоря, отрицаю существование «индуктивных процедур» и «индуктивных выводов».) Поэтому выведение теорий из сингулярных высказываний, «верифицированных опытом» (что бы это ни означало), логически недопустимо. Следовательно, теории никогда эмпирически не верифицируемы. Если мы хотим избежать позитивистской ошибки, заключающейся в устранении в соответствии с нашим критерием демаркации теоретических систем естествознания, то нам следует выбрать такой критерий, который позволял бы допускать в область эмпирической науки даже такие высказывания, верификация которых невозможна.

... Карнап признал (со ссылкой на мою критику), что именно в этом позитивистами допущена ошибка ... Он пошел даже дальше, согласившись с тем, что универсальные законы не только «удобны», но и «существенны» для науки. Однако в своей индуктивистской книге он возвращается к позиции, весьма сходной с той, которая послужила объектом нашей критики. Установление нулевой вероятности универсальных законов заставляет его заявить, что, хотя их и необязательно изгонять из науки, тем не менее наука вполне может обходиться без них...

Вместе с тем я, конечно, признаю некоторую систему эмпирической, или научной, только в том случае, если имеется возможность опытной ее проверки. Исходя из этих соображений, можно предположить, что не верифицируемость, а фальсифицируемость системы следует рассматривать в качестве критерия демаркации. Это означает, что мы не должны требовать

возможности выделить некоторую научную систему раз и навсегда в положительном смысле, но обязаны потребовать, чтобы она имела такую логическую форму, которая позволяла бы посредством эмпирических проверок выделить ее в отрицательном смысле: эмпирическая система должна допускать опровержение путем опыта.

... Обращаю внимание на то, что я предлагаю считать фальсифицируемость критерием демаркации, а не критерием значения. Идею использования значения в качестве критерия демаркации я резко критиковал уже в разд. 4 и буду вновь это делать — в еще более резкой форме — в разд. 9. Поэтому мнение, что я предлагаю фальсифицируемость в качестве критерия значения, является чистейшим мифом (в то же время некоторые попытки опровержения моей теории основываются именно на таком мифе). Фальсифицируемость выделяет два вида полностью осмысленных высказываний: фальсифицируемые и нефальсифицируемые. Она проводит, таким образом, разделительную линию внутри осмысленного языка, а не отделяют его от неосмысленного языка ...

В соответствии с этим критерием высказывание «Завтра здесь будет дождь или завтра здесь дождя не будет» нельзя считать эмпирическим просто потому, что его нельзя опровергнуть, тогда как высказывание «Завтра здесь будет дождь» следует считать эмпирическим.

Против предложенного критерия демаркации можно выдвинуть различные возражения. Прежде всего, вполне может показаться неверным, что науку, которая, как полагают, дает нам позитивную информацию, следует характеризовать как систему, удовлетворяющую отрицательному требованию типа опровержимости. Однако в разд. 31–46 я покажу, что это возражение весьма легковесно, поскольку количество позитивной информации о мире, сообщаемой научным высказыванием, тем больше, чем более вероятно его столкновение, обусловленное логическими основаниями, с возможными сингулярными высказываниями. (Не зря же мы называем законы природы «законами»: чем больше они запрещают, тем больше они говорят.)

Против предложенного критерия далее можно попытаться обратить мою же критику индуктивистского критерия демаркации. На первый взгляд кажется, что против фальсифицируемости как критерия демаркации можно выдвинуть возражения, сходные с теми, которые я сам выдвинул против верифицируемости.

Однако такие нападки не очень тревожат меня, так как выдвинутый мной критерий основывается на асимметрии между верифицируемостью и фальсифицируемостью — асимметрии, которая возникает из логической формы универсальных высказываний. Дело в том, что универсальные высказывания никогда не выводимы из сингулярных высказываний, но последние могут противоречить им. Следовательно, посредством чисто дедуктивных выводов (с помощью *modus tollens* классической логики) возможно переходить от истинности сингулярных высказываний к ложности

универсальных. Такое рассуждение о ложности универсальных высказываний представляет собой единственный вид выводов чисто дедуктивного типа, который идет, так сказать, в «индуктивном направлении», то есть от сингулярных высказываний к универсальным.

Третье возражение может показаться более серьезным. Мои критики могут заявить, что даже при признании указанной асимметрии возможно по разным причинам избежать окончательной фальсификации теоретической системы. Всегда имеется возможность как-то избавиться от фальсификации, например, с помощью введения дополнительной гипотезы *ad hoc* или изменения *ad hoc* некоторого определения. Можно даже просто встать в позицию отказа признать какой-либо фальсифицирующий опыт, не допуская при этом логической непоследовательности. Конечно, ученые обычно не поступают таким образом, но логически такая процедура вполне возможна, и, как могут мне заявить, это обстоятельство делает логическую ценность выдвигаемого критерия демаркации по крайней мере весьма сомнительной.

Я вынужден признать справедливость такой критики, но это вовсе не принуждает меня отказаться считать фальсифицируемость критерием демаркации. В дальнейшем (в разд. 20 и далее) я выдвину предположение о том, что эмпирический метод следует характеризовать как метод, который исключает как раз те способы игнорирования фальсификации, которые, по вполне справедливым замечаниям моих воображаемых оппонентов, являются логически возможными. Мое предположение подразумевает, что эмпирический метод характеризуется прежде всего тем, что он подвергает фальсификации во всех возможных отношениях данную проверяемую систему. Цель этого метода — вовсе не спасение несостоятельных систем, а, наоборот, отбор той из них, которая наиболее приспособлена к выживанию по сравнению с другими. Это достигается тогда, когда рассматриваемые системы участвуют в жесточайшей борьбе за выживание.

Предлагаемый нами критерий демаркации ведет вместе с тем к решению поставленной Юмом проблемы индукции, то есть проблемы обоснованности естественных законов. Проблема эта коренится в очевидном противоречии между положением, которое можно назвать «фундаментальным тезисом эмпиризма» — истинность или ложность высказываний науки может быть определена только опытом, — и предпринятым Юмом обоснованием неприемлемости индуктивных аргументов. Это противоречие возникает только при предположении, что все эмпирические научные высказывания должны быть «окончательно разрешимыми», то есть что они в принципе могут быть и фальсифицируемы, и верифицируемы. Если мы переформулируем это требование и будем признавать эмпирическими и те высказывания, которые разрешимы только в одну сторону — односторонне разрешимы, в частности фальсифицируемы, то есть которые могут быть проверены при помощи систематических попыток фальсифицировать их, то противоречие исчезает. Метод фальсификации предполагает индуктив-

ный вывод, а не только тавтологические преобразования дедуктивной логики, справедливость которых не подлежит сомнению.

См.: *Поппер, К.* Логика и рост научного знания / К. Поппер. — М., 1983. С. 62–65.

• *Как К. Поппер оценивал верифицируемость научной теории в качестве критерия демаркации науки, предложенного неопозитивизмом?*

• *Какие аргументы, выдвинутые против предложенного им критерия демаркации науки, проанализировал К. Поппер? Как он их оценивал?*

Т. КУН

«Структура научных революций»

2. Парадигмы как наборы предписаний для научной группы

Вернемся теперь к парадигмам и выясним, что могут они представлять собой. Это наиболее важный и в то же время неясный вопрос из числа оставшихся нерешенными в первом издании. Один благосклонный читатель, который разделяет мое убеждение относительно того, что словом «парадигма» называются главные философские элементы книги, подготовил частичный аналитический указатель и сделал вывод, что этот термин используется по крайней мере двадцатью двумя различными способами. Большинство из этих различий появляется, я думаю, из-за стилистической несогласованности (например, законы Ньютона оказываются иногда парадигмой, иногда частями парадигмы, а иногда имеют парадигмальный характер, то есть заменяют парадигму). Эти стилистические расхождения могут быть сравнительно легко устранены. Но с завершением этой редакторской работы остаются два различных употребления этого термина. В данном параграфе рассматривается более общее использование этого термина, в следующем — второй его смысл.

Выделяя особое сообщество специалистов способом, подобным тем, которые только что обсуждались, было бы полезно спросить: что объединяет его членов? (Тем самым мы выясним относительную полноту их профессиональной коммуникации и относительное единодушие их профессиональных суждений.) Парадигма или множество парадигм — такой ответ на поставленный вопрос дает первоначальный текст моей книги. Но для такого использования, отличающегося от того, который будет обсуждаться ниже, термин «парадигма» не подходит. Ученые сами обычно говорят, что они разделяют теорию или множество теорий, и я буду рад, если этот термин окажется в конечном счете все же применимым и в этом случае. Однако термин «теория» в том смысле, в каком он обычно используется в философии науки, обозначает структуру, намного более ограниченную по ее природе и объему, чем структура, которая требуется здесь. До

тех пор, пока термин может быть свободен от произвольных домыслов, следует избегать введения другого во избежание недоразумений. С этой целью я предлагаю термин «дисциплинарная матрица»: «дисциплинарная» потому, что она учитывает обычную принадлежность ученых-исследователей к определенной дисциплине; «матрица» — потому, что она составлена из упорядоченных элементов различного рода, причем каждый из них требует дальнейшей спецификации. Все или большинство предписаний из той группы предписаний, которую я в первоначальном тексте называю парадигмой, частью парадигмы или как имеющую парадигмальный характер, являются компонентами дисциплинарной матрицы. В этом качестве они образуют единое целое и функционируют как единое целое. Тем не менее я не стану рассматривать их в дальнейшем так, как если бы они составляли единое целое. Я не буду пытаться здесь представить их исчерпывающий список, но не могу не заметить, что главные виды компонентов, составляющих дисциплинарную матрицу, в одно и то же время выясняют сущность моего собственного подхода в настоящее время и подводят читателя к следующему главному моменту.

Один из важных видов компонентов, составляющих матрицу, я буду называть «символическими обобщениями», имея в виду те выражения, используемые членами научной группы без сомнений и разногласий, которые могут быть без особых усилий облечены в логическую форму типа $(x)(y)(z) \Phi(x, y, z)$. Они представляют собой компоненты дисциплинарной матрицы, которые имеют формальный характер или легко формализуются. Иногда они получают символическую форму в готовом виде с самого начала, с момента их открытия: $F = ma$ или $f = V/R$. В других случаях они обычно выражаются словами, например: «элементы соединяются в постоянных весовых пропорциях» или «действие равно противодействию». Только благодаря общему признанию выражений, подобных этим, члены научной группы могут применять мощный аппарат логических и математических формул в своих усилиях по решению головоломок нормальной науки. Хотя пример таксономии подсказывает, что нормальная наука может развиваться на основе лишь небольшого числа подобных выражений, мощь научной дисциплины, как представляется, должна, вообще говоря, возрастать по мере того, как увеличивается число символических обобщений, поступающих в распоряжение ученых-исследователей.

Эти обобщения внешне напоминают законы природы, но их функция, как правило, не ограничивается этим для членов научной группы ... Законы часто допускают частичные исправления в отличие от определений, которые, будучи тавтологиями, не позволяют подобных поправок. Например, одно из требований, вытекающих из закона Ома, состояло в том, чтобы заново определить как понятие «ток», так и понятие «сопротивление». Если бы эти термины употреблялись в своем прежнем смысле, закон Ома был бы неверен. Именно поэтому он встретил столь сильные возражения в от-

личие, скажем, от того, как был принят закон Джоуля — Ленца. По всей вероятности, это типичная ситуация. Я в настоящее время даже подозреваю, что все революции помимо всего прочего влекут за собой отказ от обобщений, сила которых покоилась раньше в какой-то степени на тавтологиях. Показал ли Эйнштейн, что одновременность относительна, или он изменил само понятие одновременности? Разве те, кому казалась парадоксальной фраза «относительность одновременности», просто заблуждались?

Рассмотрим теперь второй тип компонентов, составляющих дисциплинарную матрицу. Об этом типе многое было сказано в моем основном тексте. Это такие составляющие матрицы, которые я называю «метафизическими парадигмами» или «метафизическими частями парадигм». Я здесь имею в виду общепризнанные предписания, такие, как: теплота представляет собой кинетическую энергию частей, составляющих тело; все воспринимаемые нами явления существуют благодаря взаимодействию в пустоте качественно однородных атомов, или, наоборот, благодаря силе, действующей на материю, или благодаря действию полей. Если бы мне пришлось переписать теперь книгу заново, я бы изобразил такие предписания, как убеждения в специфических моделях, и расширил бы категориальные модели настолько, чтобы они включали также более или менее эвристические варианты: электрическую цепь можно было бы рассматривать как своего рода гидродинамическую систему, находящуюся в устойчивом состоянии; поведение молекул газа можно было бы сопоставить с хаотическим движением маленьких упругих бильярдных шариков. Хотя сила предписаний научной группы меняется вдоль спектра концептуальных моделей, начиная от эвристических и кончая онтологическими моделями — а отсюда, между прочим, вытекает ряд нетривиальных следствий, — все модели имеют тем не менее сходные функции. Помимо всего прочего, они снабжают научную группу предпочтительными и допустимыми аналогиями и метафорами. Таким образом, они помогают определить, что должно быть принято в качестве решения головоломки и в качестве объяснения. И, наоборот, они позволяют уточнить перечень нерешенных головоломок и способствуют оценке значимости каждой из них. Заметим, однако, что члены научных сообществ вовсе не обязаны соглашаться со своими коллегами по поводу даже эвристических моделей, хотя обычно они и склонны к этому. Я уже указывал, что для того чтобы войти в сообщество химиков в течение первой половины XIX столетия, не было необходимости верить в существование атомов.

В качестве третьего вида элементов дисциплинарной матрицы я рассматриваю ценности. Обычно они оказываются принятыми среди различных сообществ более широко, чем символические обобщения или концептуальные модели. И чувство единства в сообществе ученых-естественников возникает во многом именно благодаря общности ценностей. Хотя они функционируют постоянно, их особая важность обнаруживается тогда, когда чле-

ны того или иного научного сообщества должны выявить кризис или позднее выбрать один из несовместимых путей исследования в их области науки. Вероятно, наиболее глубоко укоренившиеся ценности касаются предсказаний: они должны быть точными; количественные предсказания должны быть предпочтительнее по сравнению с качественными; в любом случае следует постоянно заботиться в пределах данной области науки о соблюдении допустимого предела ошибки и т. д. Однако существуют и такие ценности, которые используются для вынесения решения в отношении целых теорий: прежде всего, и это самое существенное, они должны позволять формулировать и решать головоломки. Причем по возможности эти ценности должны быть простыми, не самопротиворечивыми и правдоподобными, то есть совместимыми с другими, параллельно и независимо развитыми теориями. (Я теперь думаю, что недостаток внимания к таким ценностям, как внутренняя и внешняя последовательность в рассмотрении источников кризиса и факторов в выборе теории, представлял собой слабость моего основного текста.) Существуют точно так же другие виды ценностей, например, точка зрения, что наука должна (или не должна) быть полезной для общества, однако из предшествующего изложения уже ясно, что я имею в виду.

Об одном аспекте общепринятых ценностей следует, однако, упомянуть особо. В значительно большей степени, чем другие виды компонентов дисциплинарной матрицы, ценности могут быть общими для людей, которые в то же время применяют их по-разному. Суждения о точности, хотя и не полностью, но по крайней мере относительно, стабильны для различных моментов времени и для различных членов конкретной научной группы. Но суждения о простоте, логичности, вероятности и т. п. часто значительно расходятся у различных лиц. То, что было для Эйнштейна совершенно неуместно в старой квантовой теории, что делало невозможным развитие нормальной науки, — все это для Бора и других физиков казалось трудностью, на разрешение которой можно было надеяться, полагаясь на средства самой нормальной науки. Что еще более важно в тех ситуациях, в которых следовало бы прибегнуть к ценностям, так это то, что различные ценности, использованные изолированно от других, обычно часто предопределяли и различный выбор средств для преодоления трудностей. Одна теория может быть более точной, но менее последовательной или правдоподобной, чем другая. Примером этого может служить опять-таки старая квантовая теория.

Короче говоря, хотя ценности бывают широко признанными среди ученых и хотя обязательства по отношению к ним определяют и глубину, и конструктивность науки, тем не менее конкретное применение ценностей иногда сильно зависит от особенностей личности и биографий, которые отличают друг от друга членов научной группы.

См.: Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. — М., 2002. С. 233–238.

• *Что представляют собой основные составляющие парадигмы по Т. Куну?*

• *Какую роль, по мнению Т. Куна, играет парадигма в жизни научного сообщества? В чем заключается ее значение?*

П. ФЕЙЕРАБЕНД **«Наука в свободном обществе»**

... Однако наука и государство тесно связаны. Огромные суммы отпускаются на улучшение научных идей. Незаконнорожденные дисциплины, подобные философии науки, которые никогда не сделали ни одного открытия, извлекают пользу из научного бума. Даже человеческие отношения рассматриваются с научной точки зрения, как показывают учебные программы, предложения по совершенствованию тюрем, армейская подготовка и т. д. Почти все области науки являются обязательными дисциплинами в наших школах. Хотя родители шестилетнего ребенка имеют право решать, учить ли его начаткам протестантизма или иудаизма либо вообще не давать ему религиозного воспитания, у них нет такой же свободы в отношении науки. Физику, астрономию, историю нужно изучать. Их нельзя заменить магией, астрологией или изучением легенд.

При этом школа не довольствуется лишь историческим изложением физических (астрономических, исторических и т. д.) фактов и принципов. Она не говорит: некоторые люди верили, что Земля обращается вокруг Солнца, а другие считали ее некоторой полой сферой, содержащей Солнце, планеты и неподвижные звезды. А провозглашает: Земля обращается вокруг Солнца, все остальное — глупость.

Наконец, способ, которым мы принимаем или отвергаем научные идеи, совершенно отличен от демократических процедур принятия решений. Мы принимаем научные законы и факты, мы изучаем их в наших школах, делаем их основой важных политических решений, даже не пытаемся поставить их на голосование. Ученые не ставят их на голосование (по крайней мере они так говорят), и, разумеется, их не ставят на голосование рядовые люди. Изредка обсуждаются и ставятся на голосование конкретные предложения. Однако эта процедура не распространяется на общие теории и научные факты. Современное общество является «коперниканским» вовсе не потому, что коперниканство было поставлено на голосование, подвергалось демократическому обсуждению, а затем было принято простым большинством голосов. Общество является «коперниканским» потому, что коперниканцами являются ученые, и потому, что их космологию принимают столь же некритично, как когда-то принимали космологию епископов и кардиналов.

Причиной такого особого отношения к науке является, разумеется, наша сказочка: если наука нашла метод, превращающий зараженные идеологией мысли в истинные и полезные теории, то она действительно явля-

ется не просто идеологией, а объективной мерой всех идеологий. В таком случае на нее не распространяется требование отделить идеологию от государства. Однако, как мы убедились, эта сказка — ложь. Не существует особого метода, который гарантирует успех или делает его вероятным. Ученые решают проблемы не потому, что владеют волшебной палочкой — методологией или теорией рациональности, — а потому, что в течение длительного времени изучают проблему, достаточно хорошо знают ситуацию, поскольку они не слишком глупы (хотя в наши дни это довольно сомнительно, ибо почти каждый может стать ученым) и поскольку крайности одной научной школы почти всегда уравниваются крайностями другой. (Кроме того, ученые весьма редко решают свои проблемы: они совершают массу ошибок, и многие из их решений совершенно бесполезны.) В сущности, едва ли имеется какое-либо различие между процессом, приводящим к провозглашению нового научного закона, и процессом установления нового закона в обществе: информируют всех граждан либо тех, кто непосредственно заинтересован, собирают «факты» и предрассудки, обсуждают вопрос и, наконец, голосуют. Но в то время как демократия прилагает некоторые усилия к тому, чтобы объяснить этот процесс так, чтобы каждый мог понять его, ученые скрывают его или искажают согласно своим сектантским интересам.

Ни один ученый не согласится с тем, что в его области голосование играет какую-то роль. Решают только факты, логика и методология — вот что говорит нам сказка. Но как решают факты? Какова их функция в развитии познания? Мы не можем вывести из них наши теории. Мы не можем задать и негативный критерий, сказав, например, что хорошие теории — это такие теории, которые могут быть опровергнуты, но пока еще не противоречат какому-либо факту. Принцип фальсификации, устраняющий теории на том основании, что они не соответствуют фактам, устранил бы всю науку (или пришлось бы допустить, что обширные части науки неопровержимы). Указание на то, что хорошая теория объясняет больше, чем ее соперницы, также не вполне реалистично. Верно, что новые теории часто предсказывают новые явления, однако почти всегда за счет ранее известных явлений. Обращаясь к логике, мы видим, что даже наиболее простые ее требования не выполняются в научной практике и не могут быть выполнены вследствие сложности материала. Идеи, которые ученые используют для представления известного и проникновения в неизвестное, очень редко согласуются со строгими предписаниями логики или чистой математики, и попытка подчинить им науку лишила бы ее той гибкости, без которой прогресс невозможен. Таким образом, мы видим, что одних фактов недостаточно для того, чтобы заставить нас принять или отвергнуть научную теорию, они оставляют мышлению слишком широкий простор; логика и методология слишком много устраняют, поэтому являются слишком узкими. Между этими двумя полюсами располагается вечно изменчивая область человеческих идей и желаний. И более тщательный анализ успешных хо-

дов в научной игре («успешных» — с точки зрения самих ученых) действительно показывает, что существует широкая сфера свободы, требующая множественности идей и допускающая использование демократических процедур (выдвижение — обсуждение — голосование), однако в действительности эта сфера ограничена давлением политики и пропаганды. В этом и состоит решающая роль сказки о специальном методе. Она скрывает свободу решения, которой обладают творческие ученые и широкая публика даже в наиболее косных и наиболее развитых областях науки, провозглашая «объективные» критерии и таким образом защищая разрекламированных кумиров (нобелевских лауреатов, руководителей лабораторий таких организаций, как Американская медицинская ассоциация, или специальных школ, «учителей» и т. д.) от масс (простых граждан, специалистов в ненаучных областях, специалистов других областей науки). Только те граждане принимаются в расчет, которые были подвергнуты обработке в научных учреждениях (они прошли длительный курс обучения), которые поддались этой обработке (они выдержали экзамены) и теперь твердо убеждены в истинности этой сказки. Вот так ученые обманывают себя и всех остальных относительно своего бизнеса, однако это не причиняет им никакого ущерба: они имеют больше денег, больше авторитета и внешней привлекательности, чем заслуживают, и самые глупые действия и самые смехотворные результаты в их области окружены атмосферой превосходства. Настало время поставить их на место и отвести им более скромное положение в обществе.

... «Ненаучные» процедуры, такие как знание трав колдунами и знахарями, астрономия мистиков, понимание болезни в первобытных обществах, лишены какой-либо ценности. Только наука дает нам полезную астрономию, эффективную медицину, надежную технику. Нужно также допустить, что успехи науки обусловлены правильным методом, а не просто счастливой случайностью. К прогрессу познания привела не удачная космологическая догадка, а правильная и космологически нейтральная обработка данных. Таковы предположения, которые мы должны принять для того, чтобы придать поставленным выше вопросам ту полемическую силу, на которую они претендуют. Ни одно из них не было подвергнуто подробному анализу.

Современная астрономия берет свое начало с попытки Коперника приспособить старые идеи Филолая к нуждам астрономических предсказаний. Филолай не был аккуратным ученым, он был, как мы видели, путанным пифагорейцем, и профессиональные астрономы, например Птолемей, называли следствия из его доктрины «невероятными нелепостями». Даже Галилей, имевший дело со значительно улучшенным коперниканским вариантом учения Филолая, неоднократно восклицал: «...Нет пределов моему изумлению тому, как мог разум Аристарха и Коперника произвести такое насилие над их чувствами, чтобы вопреки последним восторжествовать и убедить». Слово «чувства» относится здесь к тем опытным данным, которые Аристотель и другие использовали для того, чтобы показать, что Земля

должна покоиться. Тот «разум», который Коперник противопоставил их аргументам, представляет собой совершенно мистический разум Филолая, соединенный со столь же мистической верой («мистической» — с точки зрения нынешних рационалистов) в фундаментальный характер кругового движения. Я показал, что современная астрономия и современная динамика не могли быть разработаны без этого ненаучного использования допотопных идей.

В то время как астрономия почерпнула из учения пифагорейцев и платоников любовь к круговым движениям, медицина испытала влияние знахарей, психологии, метафизики и физиологии колдунов, повивальных бабок, странствующих аптекарей. Хорошо известно, что теоретически гипертрофированная медицина XVI–XVII вв. была совершенно беспомощна перед лицом реальной болезни (и подобное положение сохранялось длительное время даже после «научной революции»). Такие новаторы, как Парацельс, обращались к старым идеям и улучшали медицину. Ненаучные методы и результаты всегда обогащали науку, в то время как процедуры, которые часто рассматривались как существенные элементы науки, незаметно отмирали или отбрасывались.

... Во все времена человек смотрел на свое окружение широко раскрытыми глазами и старался понять его своим пытливым умом; во все времена он совершал удивительные открытия, из которых мы всегда можем почерпнуть интересные идеи. С другой стороны, современная наука вовсе не столь трудна и не столь совершенна, как стремится внушить нам пропаганда науки ... Нам, полноправным гражданам своей страны, нужно решить: либо покорно принять шовинизм науки, либо — устранить его общественным противодействием. В 50-е годы в Китае общественное вмешательство было использовано против науки маоистами. В 70-х годах при совершенно иных обстоятельствах оно было вновь использовано в Калифорнии некоторыми противниками теории органической эволюции. Последуем же их примеру и освободим общество от удушающей власти логически окаменевшей науки, как наши предки освободили нас от удушающей власти Единственной Истинной Религии!

См.: *Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / П. Фейерабенд // Избр. труды по методологии науки. — М., 1986. — С. 457–460, 462.*

• *Чем П. Фейерабенд аргументировал необходимость отделения государства от науки?*

Ж. Ф. ЛИОТАР

«Состояние постмодерна»

Глава 9. Рассказы, легитимирующие знание

Мы рассмотрим два основных вида легитимирующего рассказа: один — более политический, другой — более философский, но оба имеют большое

значение для современной истории, в частности, истории знания и его институтов.

Первый имеет субъектом человечество как героя свободы. Все народы имеют право на науку. Если социальный субъект не является все еще субъектом научного знания, значит, ему помешали в этом духовники или тираны. Право на науку должно быть отвоевано. Понятно, что такой рассказ задается в большей степени политикой начального образования, чем университетами или высшей школой ...

Если институты высшего образования имперской политикой обречены быть питомником высших чиновников государства и, кроме того, гражданского общества, то именно через управленческий и профессиональный труд, в котором осуществляется их деятельность, и благодаря распространению новых знаний в народе сама нация получает возможность завоевания своих свобод. Этот же ход рассуждений в еще большей степени справедлив для учреждения собственно научных институтов. Мы встречаем обращение к рассказам о свободах всякий раз, когда государство непосредственно берет на себя заботу об образовании «народа» под именем нации и его наставлении на путь прогресса ...

Рассмотрение другого вида легитимирующего рассказа — связи между наукой, нацией и государством ... проявилось во время создания Берлинского университета в 1807–1810 годах ...

Если почитать воспоминания Гумбольдта, то испытываешь искушение свести его политику научного учреждения к знаменитому принципу: «Исследовать науку саму по себе». Но это было бы заблуждением относительно конечных целей данной политики, очень близкой на деле той, что более подробно описывалась Шлейермахером, и господствовавшей над принципом легитимации, который нас интересует. Гумбольдт с уверенностью утверждает, что наука подчиняется своим собственным правилам игры, что научные учреждения «живут и непрерывно обновляются сами по себе, без какого-либо нажима и определенной цели». Но добавляет, что университет должен привнести свой материал — науку — для «духовного и морального строительства нации ... Как такой результат *Bildung* может вытекать из бескорыстного исследования познания? ... На самом деле, как признается Гумбольдт, их занимает не познание, а «характер и действие».

Советник министра оказывается, таким образом, перед фундаментальным конфликтом, который имеет много общего с разрывом между «знать» и «желать», введенным кантовской критикой, конфликтом между языковой игрой, производной от денотатов и отвечающей только критерию истинности, и другой языковой игрой, диктующей определенную этическую, социальную, политическую практику и с необходимостью содержащей решения и обязательства либо высказывания, от которых ждут, чтобы они были справедливыми, а не истинными и, следовательно, не зависели бы в конечном итоге от научного знания.

Между тем для *Bildung*, являющегося целью гумбольдтовского проекта, который состоит не только в приобретении индивидами знаний, но и в формировании полностью легитимного субъекта познания и общества, объединение этих двух речевых совокупностей необходимо...

Гумбольдт добавляет между прочим, что это тройное стремление естественным образом относится к «интеллектуальному характеру немецкой нации». Это хотя и неприметная, но уступка другому рассказу, т. е. представлению о народе как субъекте знания ... Шлейермахер сомневается в том, что гражданской властью в сфере науки может двигать узкий национализм, протекционизм, утилитаризм, поскольку они даже опосредованно не могут служить основой науки. Субъектом знания является не народ, а спекулятивный дух. Он воплощен не в Государстве — как во Франции после революции, а в Системе. И языковая игра легитимации — не государственно-политическая, а философская игра.

Великая функция, возложенная на университеты, заключается в том, чтобы «продемонстрировать совокупность сведений и выявить в то же время принципы и основания всякого знания», поскольку «творческая научная способность не может существовать без спекулятивного духа». «Спекуляция» — здесь имя, данное дискурсу о легитимации научного дискурса. Школы — функциональны, университет — спекулятивен, т. е. философичен. Философия должна восстановить единство знаний, разбросанных по частным наукам в лабораториях и доуниверситетском преподавании; она не может сделать это иначе как в языковой игре, связывающей одни и другие как отдельные моменты в становлении духа, а следовательно, в наррации или, точнее, в рациональной метанаррации. «Энциклопедия философских наук» Гегеля (1817–1827) пыталась осуществить этот проект тотализации ...

Именно здесь, в изложении развития Жизни, которая в то же время Субъект, отмечается возврат нарративного знания. Существует универсальная «история» духа; дух есть «жизнь», и эта «жизнь» есть представление и формулировка того, что она есть как таковая; средством ее является упорядоченное познание всех ее форм в эмпирических науках. Энциклопедия немецкого идеализма есть повествование об «истории» этой жизни-субъекта. Но то, что она производит, — это метарассказ, поскольку то, о чем рассказывает этот рассказ, не должно быть ни народом ... ни, тем более, совокупностью ученых, ограниченных профессионализмом соответствующих специальностей.

Это может быть только метасубъектом, находящимся в процессе формулирования как легитимности эмпирических научных рассуждений, так и легитимности непосредственных учреждений народной культуры. Этот метасубъект, излагая их общий фундамент, осуществляет их имплицитную цель. Место его обитания — спекулятивный Университет. Позитивная наука и народ — лишь его сырые формы. Само национальное государство может адекватно выражать народ только посредством спекулятивного знания.

Необходимо было освободить философию, которая одновременно легитимирует основание Берлинского университета и служит ведущей силой развития его самого и современного знания. Как уже было сказано, такая университетская организация в XIX и XX вв. служила моделью для формирования или реформирования высшего образования во многих странах, начиная с Соединенных Штатов. Но, что важно, эта философия, живая и поныне в университетской среде, предлагает особенно стойкое представление о данном решении проблемы легитимации знания.

... Замечательный результат спекулятивного изложения выражается в том, что все познавательные рассуждения про все возможные референты принимаются не по их непосредственной истинности, а по значению, которое они принимают в зависимости от мест, занимаемого ими на пути Духа или Жизни ... С этой точки зрения, настоящее знание — это всегда не прямое знание, сформированное из относительных высказываний и инкорпорированное в метарассказ субъекта, который обеспечивает его легитимность.

Таким образом, оно присутствует во всех дискурсах, даже если они не относятся к познанию, как, например, в дискурсах права или государства. Современный герменевтический дискурс исходит из того же предположения, которое в конечном итоге обеспечивает ему некоторую познавательную ценность и таким образом сообщает свою легитимность истории и, в частности, истории познания. Высказывания взяты как автонимы их самих и помещены в движение, где им разрешается взаимно порождать друг друга — таковы правила спекулятивной языковой игры. Университет, как указывает само его имя, является для этого исключительным институтом.

... Способ легитимации через свободу воли отдает предпочтение, как мы уже могли видеть, совершенно иной языковой игре, той, которую Кант называет «императив», а наши современники — «предписание» ... Важно легитимировать ... не только денотативные высказывания, относящиеся к истине «Земля вращается вокруг Солнца», но еще и прескриптивные высказывания из области правосудия: «Карфаген должен быть разрушен» ... В этой перспективе позитивное знание не имеет никакой другой роли, как информировать практического субъекта о действительности, в которую должно вписываться исполнение предписания. Оно должно позволять ему очертить исполнимое — то, что можно сделать. Но исполняемое — то, что должно быть сделано, — не принадлежит позитивному знанию. То, что некое предприятие осуществимо, — это одно, а справедливо оно или нет — другое. Знание больше не является субъектом, оно ему служит...

Таким образом вводится связь знания с обществом и государством, которая, в принципе, оказывается связью средства с целью...

Два замечания:

1. ... Можно таким образом проанализировать сталинизм и его специфическое отношение к науке, роль которой сводили к тому, чтобы давать цитаты для метарассказа о марше к социализму как эквиваленту жизни духа ...

2. Можно прочитать инаугурационную речь Хайдеггера при его вступлении в должность ректора университета во Фрайбургейн-Брейстау 27 мая 1933 года как неудачный эпизод легитимации. Спекулятивная наука здесь стала вопрошанием бытия. Она стала «судьбой» немецкого народа ... Именно этому субъекту предназначены три служения: трудовое, воинское и ученое. Университет дает метазнание о всех трех служениях, т. е. науку. Легитимация, таким образом, происходит, так же как и в идеализме, с помощью метадискурса, называемого наукой и имеющего онтологическую устремленность ... С другой стороны, университет — место, где произносится данный метадискурс, — обязан своей наукой народу, «исторической миссией» которого является его осуществление в труде, борьбе и познании. Этот народ-субъект имеет в качестве призвания не освобождение человечества, а воплощение своего «подлинно духовного мира», который есть «могучая сила наиглубочайшего сохранения всех присущих его земле и крови энергий». Такая вставка из рассказа о расе и труде в рассказ о духе с целью легитимировать знание и его институты вдвойне неудачна: бессодержательная теоретически, она все же была достаточной для того, чтобы вызвать в определенной политической ситуации сокрушительный резонанс.

См.: *Лиотар, Ж. Ф.* Состояние постмодерна / Ж. Ф. Лиотар. — СПб., 1998. — С. 79–91.

• *Какие особенности немецкой классической философии как «философского рассказа» делают ее основой легитимизации классического знания и его институтов?*

• *В чем состоят особенности современного «политического рассказа» как способа легитимизации современных форм знания?*

• *Какие идеи концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна лежат в основе подхода к проблеме формирования исторических типов знания с точки зрения «рассказов»?*

И. ВАЛЛЕРСТАЙН

«Конец знакомого мира. Социология XXI века»

Глава 8. Социальные изменения? Изменения бесконечны.

Ничего не меняется

... Все тенденции, количественно выражаемые в процентах, имеют асимптотический характер. Когда они приближаются к асимптоте, становится невозможным значительно увеличивать проценты, поэтому процесс не может больше выполнять функцию восстановления равновесного состояния. По мере того как система все дальше и дальше отклоняется от равновесия, колебания приобретают все более непредсказуемый характер, и происходит бифуркация. Вы заметили, что я пользуюсь здесь моделью

Пригожина и других исследователей, которые видят в этих нелинейных процессах объяснение некумулятивных, непредопределенных радикальных трансформаций. Представление о том, что процессы, происходящие во Вселенной, объяснимы и в конечном счете упорядочены, хотя и недетерминированны, представляет собой наиболее значительный вклад в естественные науки за последние десятилетия и основу для радикального переосмысления еще недавно господствовавших научных взглядов...

Я полагаю, что современная миро-система переживает сейчас период преобразований примерно такого рода ... Нетрудно заметить, что произошло множество событий, подорвавших основы капиталистического мирохозяйства и тем самым породивших кризисную ситуацию. Во-первых, это повсеместное разрушение сельского уклада жизни (дерурализация). Разумеется, последнее всегда превозносилось как триумф принципов модернити. Теперь не требуется так много людей, чтобы прокормить человечество. Преодолено то, что Маркс называл «идиотизмом деревенской жизни» — и такое определение широко поддерживалось за пределами марксистских кругов. Но с точки зрения нескончаемого накопления капитала подобное развитие событий означает опустошение прежде казавшегося неисчерпаемым резервуара людских ресурсов, часть которых могла периодически включаться в рыночно ориентированное производство за мизерное вознаграждение (что позволяло восстанавливать среднемировую норму прибыли, снижавшуюся усилиями их предшественников, которым удавалось при помощи профсоюзов со временем повышать уровень заработной платы и увеличивать свои доходы). Эта неустойчивая резервная армия труда, состоящая из представителей низшего класса, готовых работать за минимальную плату, на протяжении пятисот лет во всех регионах мира оставалась важнейшим элементом поддержания нормы прибыли. Но ни одна группа трудящихся не задерживалась долго в этой категории, и эта армия должна была периодически пополняться. Дерурализация делает такую практику невозможной. Это хороший пример тенденции, приблизившейся к асимптоте.

Вторая тенденция — рост социальных издержек, обусловленный правом предприятий экстернализовать свои производственные расходы. Экстернализация издержек (иными словами, фактическая оплата мировым сообществом значительной части производственных расходов той или иной фирмы) является вторым важным элементом поддержания высокого уровня прибыли и, как следствие, обеспечения бесконечного накопления капитала. До тех пор, пока кумулятивные издержки казались невысокими, этому не придавалось значения. Но внезапно пришло осознание, что они слишком значительны, и в результате повсюду в мире общественность обеспокоилась проблемами экологии. Расходы на возмещение экологического ущерба огромны. Кто будет их оплачивать? Даже если эти расходы возложить на всех людей (при явной несправедливости такой меры), проблема немедленно возникнет вновь, если правительства не настоят на ин-

тернализации компаниями всех своих издержек. Но если они это сделают, то чистая прибыль стремительно пойдет вниз.

Третья тенденция — следствие демократизации миро-системы, исходящей в результате того, что геокультура узаконила демократическое давление как важнейший элемент политической стабилизации. Сейчас эта тенденция развилась настолько, что народные требования стали обходиться очень дорого. На удовлетворение современных социальных ожиданий большей части человечества, касающихся поддержания на адекватном уровне систем здравоохранения и образования, в настоящее время уходит значительная доля создаваемой в мировом масштабе прибавочной стоимости. Фактически такие расходы являются формой социальной заработной платы, возвращающей производящим классам значительную часть прибавочной стоимости. Как правило, это происходит при посредничестве государства, например, в рамках реализации программ социального обеспечения. Сегодня мы являемся свидетелями серьезной политической борьбы вокруг масштабов этих расходов. Либо они будут сокращены (но насколько это совместимо с политической стабильностью?), либо норма прибыли снова снизится, причем весьма значительно.

И наконец, имеет место крушение традиционных антисистемных движений или, как я их называю, «старых левых». Это не идет на пользу капиталистической системе, а представляет величайшую для нее опасность. Традиционные движения были де-факто гарантами сохранения существующей системы, поскольку убеждали опасные классы общества в том, что им принадлежит будущее, что более равноправное общество вот-вот будет создано (если не для них, то для их детей); тем самым эти движения подпитывали как оптимизм простых людей, так и их терпение. За последние двадцать лет вера народа в эти движения (во всех их вариациях) рухнула, а вместе с ней — и их способность направлять гнев в безопасные русла. Поскольку фактически все эти движения пропагандировали укрепление государственных структур (с целью трансформации системы), вера в такие реформистские государства тоже была основательно подорвана. Это меньше всего устраивает защитников нынешней системы, несмотря на всю их антигосударственную риторику. Предприниматели очень рассчитывают на государство, призванное гарантировать им монопольные позиции в экономике и подавлять «анархические» выступления опасных классов. Сегодня повсюду в мире мы наблюдаем ослабление государственных структур, а это приводит к растущему чувству незащищенности и созданию все большего числа специальных охранных структур. В некотором смысле это дорога назад, к феодализму.

Что можно сказать о социальных изменениях в рамках такого сценария? Можно утверждать, что мы опять стали свидетелями гибели исторической системы, аналогичной краху европейского феодализма пять или шесть столетий назад. Что будет дальше? Точного ответа на этот вопрос мы не можем знать. Мы находимся в ситуации системной бифуркации, а

это значит, что весьма незначительные разрозненные действия различных групп могут радикально изменить направление векторов и институциональные формы. Можем ли мы сказать, что живем в самый разгар фундаментальных структурных изменений? Даже этого мы не в состоянии утверждать. Мы лишь можем утверждать, что нынешняя историческая система вряд ли просуществует еще сколь-либо длительный срок (быть может, максимум пятьдесят лет). Что придет ей на смену? Это может быть другая структура, в основе своей похожая на нынешнюю, а может быть и структура, радикально от нее отличающаяся. Это может быть одна структура, общая для целого географического региона, или же множество структур в разных уголках планеты. Как аналитики мы не будем уверены в результате до тех пор, пока процесс не завершится. Как участники процесса, живущие в реальном мире, мы будем делать все, что сочтем целесообразным для создания разумного общества.

В данном докладе я предложил метод анализа той или иной исторической системы с точки зрения социальных изменений, используя в качестве примера анализ современной миро-системы. Когда некая историческая система находится в стадии генезиса или распада (распад одной системы — это всегда генезис другой или других систем), можно назвать это социальным изменением, при котором историческая система одного типа заменяется исторической системой другого типа. Примером может служить ситуация в Западной Европе, когда феодализм был вытеснен капитализмом. Но если одна историческая система сменяется другой системой того же типа, то это нельзя назвать социальным изменением. Примером могут служить события в Китае, когда империю династии Мин сменила империя маньчжуров. Эти империи отличались друг от друга во многих аспектах, но не по существу. В настоящее время мы переживаем процесс глубокой трансформации нашей миро-системы, но пока не знаем, повлечет это за собой фундаментальные социальные изменения или нет.

... Более того, когда мы переходим от анализа конкретной исторической системы к анализу общей истории человечества, то у нас нет каких бы то ни было оснований предполагать наличие линейной тенденции ... Пока же мне с философских и нравственных позиций представляется более благоразумным допустить скорее возможность прогресса, чем его предопределенность. Мое осмысление последних пяти столетий заставляет меня усомниться в том, что история современной миро-системы являет собой пример заметного прогресса нравов и, напротив, оставляет основания считать ее примером их упадка. И это позиция здравомыслящего человека, а не убежденного пессимиста, разуверившегося в будущем.

Сегодня, как и в другие моменты упадка исторических систем, мы стоим перед историческим выбором, на окончательный итог которого может реально повлиять наш личный и коллективный вклад. Однако сегодняшний выбор в одном отличается от предыдущих. Это первый выбор, в

который вовлечен весь мир, поскольку историческая система, в которой мы живем, впервые охватывает всю планету. Исторический выбор — это моральный выбор, но рациональный анализ социологов может сделать его осмысленным и, таким образом, определить нашу моральную и интеллектуальную ответственность.

См.: Валлерстайн, И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / И. Валлерстайн. — М., 2003. — С. 178–183.

- *Какие тенденции, по мнению И. Валлерстайна, указывают на развертывание социально-экономического кризиса?*
- *В чем проявляется кризис современного государства?*
- *В силу каких обстоятельств капиталистическая миро-система является регрессивной?*

У. БЕК

«Общество риска. На пути к другому модерну»

**Часть 3, глава 8, пункт 8. Обобщение и перспективы:
сценарии возможного будущего**

Исходной точкой для этого проекта будущего является размывание границ политики, т. е. спектр основной, побочной, суб- и контрполитики, возникший в условиях развитой демократии в дифференцированном обществе. Оценка гласит: отсутствие центра политики необратимо, этот центр не восстановить даже через требование демократизации. Политика в определенном смысле генерализировалась и тем самым «лишилась центра». Но необратимость этого перехода исполнительной политики в политический процесс, который одновременно утратил свою специфику, свою противоположность, свое понятие и способ действия, есть не только повод для печали. В нем заявляет о себе другая эпоха модернизации, которая здесь была обозначена как «рефлексивность». Закон функциональной дифференциации подрывается недифференциациями (конфликты и кооперация рисков, морализация производства, вычленение субполитики) и упраздняется. При такой рационализации второй ступени принципы централизации и бюрократизации и связанное с ними окостенение социальных структур начинают конкурировать с принципами гибкости, которые в возникающих ситуациях риска и нестабильности все больше завоевывают приоритет, а одновременно предполагают новые, невиданные ныне формы «контролируемой вчуже самокоординации» субсистем и децентрализованных активных единиц.

В этом историческом изменении таятся и начатки много более гибкой структурной демократизации. Ее основы, заложенные в принципе разделения властей (и в этом смысле — в самой модели индустриального общества), значительно расширились, в частности, благодаря свободе печати ...

То, что взаимоотношения за стенами приватной сферы опять-таки не обязательно должны протекать в традиционных моделях брака и семьи, мужской и женской роли, сведущий в истории человек предполагал давно, но лишь вместе с дестрадиционализацией все это пришлось включить в знание, более того — в сферу решений. Здесь у законодателя нет ни права, ни возможности управлять. «Побочное правительство приватной сферы» может изменять отношения совместной жизни здесь и сейчас, без законодательных установлений и принятия решений, что оно и делает, как показывают всевозможные, разнообразные, переменчивые жизненные условия.

Взгляд на это развитие по-прежнему зашорен сохраняющейся осадной реальностью индустриального общества. Наша оценка такова: ныне рушатся монополии, возникшие вместе с индустриальным обществом и встроенные в его институты, да, рушатся монополии, но не погибают миры. Монополия рациональности науки, профессиональная монополия мужчин, сексуальная монополия брака, политическая монополия политики — все это утраивает прочность, притом по разным причинам и с весьма многообразными, непредсказуемыми, амбивалентными последствиями. Но каждая из этих монополий вдобавок противоречит принципам, реализованным в модерне. Монополия рациональности науки исключает самоскептицизм. Профессиональная монополия мужчин противоречит универсалистским требованиям равенства, под лозунгом которых начался модерн, и т. д. ... Другая сторона нестабильности, которую приносит людям общество риска, есть шанс наперекор ограничениям, функциональным императивам и фатализму прогресса индустриального общества отыскать и активизировать большее равенство, свободу и самоформирование, какие сулит модерн.

... Во многих сферах мы играем спектакль по мизансценам индустриального общества, хотя в условиях, в каких мы живем и действуем теперь, более невозможно играть предписанные ими роли, но все-таки мы их играем перед самими собой и перед другими, прекрасно зная, что на самом деле все происходит совершенно иначе. Это «как будто» царит на сцене с XIX века и по сей день, на пороге века XXI. Ученые делают вид, как будто арендовали истину, и с точки зрения внешней иначе не могут, так как от этого целиком зависит их позиция. Политики — особенно в предвыборной борьбе — обязаны притворяться решающей властью, прекрасно зная, что это системно обусловленная легенда, в чем их при первом же удобном случае и попрекнут. Реальность этих фикций — в функциональной ролевой игре и властной структуре индустриального общества. Но их нереальность — в возникших джунглях непредсказуемостей, которые как раз представляют собой результат рефлексивных модернизаций ... Какие убытки и выгоды означает — или осторожнее: могло бы означать — размывание границ политики для политической сферы и для сетей суб- и контрполитики?

Вводная позиция такова: политика должна проследить путь самоограничения, которое исторически уже осуществилось. Политика давно уже не

единственное и даже не центральное место, где принимаются решения о формировании общественного будущего. На выборах и в избирательных кампаниях речь идет не о том, чтобы выбрать «вождя нации», в руках которого сосредоточатся все нити власти и на которого можно взвалить все плохое и хорошее, происходящее в период его правления ... Можно прямо-таки сказать: все централизационные представления политики обратно пропорциональны степени демократизации общества. Осознать это чрезвычайно важно, поскольку принуждение к оперированию фикцией централизованной государственной власти создает фон ожиданий, на котором реальность реальных политических сплетений представляется слабостью, несостоятельностью, каковую можно устранить лишь с помощью «твердой руки», хотя фактически она, наоборот, есть признак универсализованной гражданской сопротивляемости в смысле активного со- и противодействия.

То же справедливо и для другой стороны этого отношения — для разнообразнейших полей субполитики. Экономика, наука и т. д. не могут более притворяться, будто не делают того, что делают, — изменяют условия общественной жизни, а значит, своими средствами вершат политику. В этом нет ничего неприличного, ничего такого, что стоило бы утаивать и прятать. Скорее, это осознанное формирование и осуществление свободы действий, раскрывшейся в ходе модерна ... Объективных принуждений уже нет — разве что мы сами позволяем им властвовать. Это, конечно, не означает, что теперь все можно сформировать так или этак, но шапка-невидимка объективных принуждений снята, и потому необходимо взвешивать интересы, точки зрения, возможности ... Отсюда возникает вопрос, каким образом, если не с помощью предписаний или парламентских решений, можно было бы проконтролировать, скажем, научные исследования, заново дефинирующие жизнь и смерть. А конкретно, как мы, например, можем воспрепятствовать в будущем эскепизму человеческой генетики, не подавляя свободы вопроса в исследованиях, без которых мы опять-таки не можем жить? Мой ответ гласит: путем расширения и правовой гарантии определенных возможностей воздействия субполитики. Существенным фоновым условием явно будут сильные и независимые суды и сильное и независимое общественное мнение СМИ вкуче со всеми их предпосылками. Это, так сказать, два опорных столпа в системе субполитического контрконтроля, но, как показывает прошлое, их одних недостаточно. Необходимо еще один весьма важный дополнительный шаг. Возможности самоконтроля, которыми дорожат все монополисты, необходимо дополнить возможностями самокритики. Иными словами, то, что до сих пор с трудом пробивало себе дорогу вопреки доминанте профессий или производственного менеджмента, должно получить институциональные гарантии, т. е. контрэкспертиза, альтернативная профессиональная практика, внутрипрофессиональные и внутрипроизводственные дискуссии о рисках собственных разработок, вытесненный скептицизм. В данном случае Поппер дейст-

вительно прав: критика означает прогресс. Только там, где медицина выступает против медицины, атомная физика против атомной физики ... можно составить себе полноценную картину и оценить, какое будущее прячется в пробирке. Возможность самокритики во всех формах — это не угроза, а поистине единственный путь, на котором можно заблаговременно обнаружить ошибку ... Уже большим шагом вперед было бы упразднение предписаний, сделавших людей рабами мнения тех, на кого они работают. Тогда стало бы также возможно, чтобы техники отчитывались на предприятиях о своем опыте и чтобы риски, которые они видят и создают, уже не приходилось забывать у ворот предприятия. В этом, безусловно, заключится новая важная задача профсоюзов. Точно так же, как в свое время право на забастовки, нужно — в интересах общества — завоевать и гарантировать право на внутривнутрипрофессиональную и внутривнутрипроизводственную критику технологии. Данная институционализация самокритики столь важна потому, что во многих сферах без соответствующих ноу-хау невозможно осмыслить ни риски, ни альтернативные пути их избежания.

Для официальной политики с этим опять-таки были бы связаны важные возможности воздействия. Представим себе, как оживилась бы дискуссия о снижении затрат в здравоохранении, если бы мы располагали эффективной, вооруженной убедительными аргументами контрмедициной. При этом и политика не смогла бы вновь статуировать свою политическую монополию. И все же существовало бы важнейшее отличие относительно разных полей субполитики, которое, скорее, даже приобрело бы еще большее значение: в то время как в экономике (и в науках) бурлят и будут бурлить споры об отдельных интересах и точках зрения, политическая система могла бы устанавливать общие (законодательные) рамочные условия, проверять генерализируемость установлений, обеспечивать согласие. Это означает, что охранительные, сортирующие, дискурсивные, символические функции политики — и без того скрыто доминирующие в тени фиктивных властных конструкций — могли бы стать ее центральной задачей. По отношению к центрам субполитики в таком случае проявилось бы, скорее, охранительное воздействие политики ... Возможно ли, что в некоторых сферах, за еще существующими фасадами доброго старого индустриального общества, наряду с многими рисками и опасностями ныне уже намечаются и внедряются формы этого нового разделения труда и властей между политикой и субполитикой?

См.: Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. — М., 2000. — С. 342–347.

- *Почему процесс децентрализации власти необратим?*
- *В чем проявляется утрата политикой центральной роли в формировании общественного будущего?*

П. КЕННЕДИ
«Вступая в XXI век»

Часть 3. Заключение. Вступая в XXI век

... В итоге сегодняшнее мировое сообщество в большей степени, чем 60 лет тому назад, сталкивается с задачей примирения технологических перемен и экономической интеграции с традиционными политическими структурами, национальным сознанием, социальными потребностями, укоренившимися структурами и привычным способом действий.

Более того, попытки достижения гармонии между экономическими и политическими структурами будут затруднены тенденциями, которые едва проявлялись тремя поколениями ранее, а сейчас угрожают обострить до предела социальные отношения и даже поставить под угрозу само существование человечества.

Первая и важнейшая из этих тенденций — резкий скачок роста населения Земли и усиление демографического несоответствия между богатыми и бедными странами. Когда «Экономист» в 1930 г. рассматривал ситуацию в мире, население Земли составляло примерно 2 млрд человек. На Европу, Северную Америку и Австралию приходилась значительная доля населения планеты (видимо, одна треть), а рождаемость в этих странах намного превышала смертность. Население Азии, Африки и Латинской Америки также увеличивалось, однако его более быстрый прирост уравновешивался крайне высоким уровнем смертности. В настоящее время картина изменилась: население мира превысило 5 млрд и к середине следующего столетия подойдет или даже превзойдет 10-миллиардный рубеж; наибольший рост наблюдается в беднейших регионах мира, в то время как в развитых обществах рост замедлился, а кое-где смертность даже стала превышать рождаемость, из-за чего возрастает доля пожилого населения. В итоге все более увеличивается несоответствие между странами, которые обладают богатством, технологиями, высоким уровнем здравоохранения и другими благами, и странами с быстро растущим населением, не имеющим или почти не имеющим этих благ. Демографический взрыв в одной части планеты и технологический взрыв в другой не способствуют установлению стабильного мирового порядка.

Демографический взрыв является причиной экологических проблем, качественно отличных от существовавших 60 лет тому назад ... За последние полстолетия промышленные выбросы постоянно увеличиваются, особенно в новых быстро растущих промышленных странах; мелиорация, наступление на тропические леса и нарушение травяного покрова равнин и саванн происходят в настоящее время намного интенсивнее; к тому же наблюдается «парниковый эффект» ... Земля не сможет прокормить население в 10 млрд человек и даже в два раза меньше, для этого необходимы ре-

сурсы на уровне современных богатых обществ. Еще задолго до того, как население мира достигнет такого уровня, будет нанесен непоправимый ущерб лесам, водным ресурсам, а также животному и растительному миру, и экологическая система может быть нарушена по многим направлениям.

Другой тенденцией, которая проявляется в настоящее время сильнее, чем во времена наших дедов, является развитие технологии и замена многочисленных традиционных видов деятельности на совершенно новые системы производства. Сам по себе это положительный процесс. Развитие мировой экономики и рост общего благосостояния человечества происходят благодаря изобретению новых, усовершенствованных методов производства потребительских товаров — от паровой машины, используемой в текстильном производстве, до компьютеризованного проекта автомобиля. В одних областях перемены идут быстрее, и весьма возможно, что через несколько десятилетий биотехнологическая революция ликвидирует традиционное сельское хозяйство, а революция в робототехнике коренным образом изменит производство и структуру рабочей силы в промышленности, существующую уже на протяжении двух веков.

Процесс преобразования современных сельского хозяйства и промышленности — если он произойдет — совпадет с демографическим взрывом, когда сотни миллионов людей будут искать работу, отнятую у них биотехнологическим сельским хозяйством и автоматизированной промышленностью. Одновременно транснациональные корпорации, окончательно оборвав национальные корни, все активнее будут бороться за место на мировом рынке и ради получения высокой прибыли пойдут на любые ухищрения, перемещая производство из одной страны в другую, вводя автоматизацию, применяя новые, созданные в лабораториях технологии. Такие компании действуют по «правилам» свободного капитализма; однако некоторым сообществам промышленно развитого мира и всем странам развивающегося мира будет трудно смириться с логикой глобального мирового рынка, если он ставит их в невыгодное положение. В противовес экономическим и технологическим тенденциям, ведущим к этому всеобъемлющему целому — «миру без границ», они могут спровоцировать экономические столкновения и социальную нестабильность ...

Разразившаяся в наши дни глобальная революция в области финансов и средств коммуникации также проявляется сильнее, чем в предшествующую эпоху ... сейчас неясно, в состоянии ли государственные учреждения контролировать рискованные финансовые операции, круглосуточный электронно-компьютеризованный оборот массы денег, намного превышающей валовой национальный продукт большинства стран. Однако еще большие перемены ожидают нас в области глобальных средств коммуникаций. Пятьдесят-шестьдесят лет тому назад радио и телевидение только еще начинали проявлять свое влияние, и то лишь на сравнительно немногочисленные богатые страны; теперь, в конце нашего века, они оказывают

воздействие на народы всей планеты, особенно на молодое поколение. Более того, если ранее казалось, что новые средства массовой информации усилят государственную власть (о чем, например, писал Оруэлл в книге «1984»), то в последние годы проявляется противоположная тенденция ликвидации государственной монополии на информацию, ее свободное проникновение через национальные границы, предоставление людям возможности слышать другие точки зрения и видеть условия жизни в других местах. Средства массовой информации способствуют осознанию пропасти между бедными и богатыми странами и стимулируют легальную и нелегальную миграцию.

В результате этих перемен сообщества и даже целые страны, видимо, все в меньшей и меньшей степени в состоянии направлять ход событий. Традиционные структуры власти обеспокоены превышением смертности над рождаемостью, нелегальной иммиграцией и огромными валютными потоками; они неадекватно реагируют — если вообще реагируют — на угрозу широкомасштабной безработицы в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности; им трудно воспрепятствовать компаниям перемещать свою деятельность в другие регионы и глушить передачи транснационального радио и телевидения; они задумываются и проявляют беспокойство по поводу последствий глобального потепления. И поскольку существующие структуры не в состоянии решить эти проблемы, люди проявляют недовольство (выражающееся в уменьшении процента избирателей, участвующих в голосовании), ищут новые структуры (от эксперимента с Европейским сообществом до развала СССР и Югославии), требуют защиты от глобальных сил, несущих перемены (как это проявилось в активных действиях французских фермеров и американских текстильщиков), и обрушиваются на новых иммигрантов. Короче говоря, мы вновь сталкиваемся с «целой серией сотрясений, антагонизмов и катастроф»... имеются все основания полагать, что такие потрясения продолжатся в будущем.

В силу быстроты и сложности этих перемен, «готова» ли какая-либо из социальных групп к двадцать первому веку? Разумеется, существуют компании (занимающиеся всем: от фармацевтики до аэрокосмических исследований) и личности (преимущественно профессионалы высочайшего класса), которые извлекают выгоду из текущих событий в социально-экономической жизни и умело используют современное положение ... С другой стороны, в развивающемся мире существуют миллиарды обнищавших, неграмотных людей и десятки миллионов неквалифицированных, не имеющих профессии рабочих, у которых нет иного будущего, кроме катастрофического ухудшения жизни. Их тяжелое положение дает основание для пессимистических прогнозов относительно демографического взрыва и экологических катастроф... На первый взгляд, справедливой может быть лишь одна концепция, но дело в том, что оба направления изучали единое явление с разных точек зрения, поэтому оптимисты с возбуждением гово-

рят о мировых «победителях», а пессимисты обеспокоены судьбой «потерпевших». Но если действительно правы обе школы, то пропасть между богатыми и бедными будет постепенно расширяться по мере нашего вхождения в XXI в., что приведет не только к социальным беспорядкам в промышленно развитых странах, но и к возрастанию напряженности между Севером и Югом, массовой миграции и экологическому ущербу, от которого даже «победители» понесут потери.

... Даже самые подготовленные в технологическом отношении страны с трудом приспособляются к основным движущим силам, вызывающим глобальные перемены: падение рождаемости; демографические проблемы; глобальное потепление; финансовые затруднения; необходимость поддерживать конкурентоспособность сельского хозяйства. Хотя у них имеются значительные средства для переподготовки рабочих и охраны окружающей среды, вряд ли деньги решат все их трудности. Тем не менее не подлежит сомнению, что общества, обладающие ресурсами в области технологии и образования, значительными денежными средствами и культурной общностью, лучше подготовлены к вступлению в следующее столетие, чем те, у которых отсутствуют все эти возможности.

См.: *Кеннеди, П.* Вступая в XXI век / П. Кеннеди. — М., 1997. — С. 385–391.

• *В чем состоит опасность для человечества со стороны глобализации экономики и средств коммуникации?*

• *В чем проявляется неспособность современных государств и обществ направлять ход социального и экономического развития?*

Э. ФРОММ

Человек — волк или овца?

Многие полагают, что люди — это овцы, другие считают их хищными волками. Каждая из сторон может аргументировать свою точку зрения. Тот, кто считает людей овцами, может указать хотя бы на то, что они с легкостью выполняют приказы других, даже когда им самим это приносит вред. Он может также сказать, что люди снова и снова следуют за своими вождями на войну, которая не дает им ничего, кроме разрушения, что они верят любой несурразице, если она излагается с надлежащей настойчивостью и подкрепляется властителями — от прямых угроз священников и королей до вкрадчивых голосов более или менее тайных оболъстителей. Кажется, что большинство людей, как дремлющие дети, легко поддается влиянию и что они готовы безвольно следовать за любым, кто, угрожая или заискивая, достаточно упорно их уговаривает. Человек с сильными убеждениями, пренебрегающий противодействием толпы, является скорее исключением, чем правилом. Он часто вызывает восхищение последующих столетий, но, как правило, является посмешищем в глазах своих современников.

Великие инквизиторы и диктаторы основывали свои системы власти как раз на предпосылке, что люди являются овцами. Именно мнение, согласно которому люди — овцы и потому нуждаются в вождях, принимающих за них решения, нередко придавало самим вождям твердую убежденность, что они выполняли вполне моральную, хотя подчас и весьма трагичную, обязанность: принимая на себя руководство и снимая с других груз ответственности и свободы, они давали людям то, что те хотели.

Однако, если большинство людей — овцы, почему они ведут жизнь, которая этому полностью противоречит? История человечества написана кровью. Это история никогда не прекращающегося насилия, поскольку люди почти всегда подчиняли себе подобных с помощью силы. Разве Та-лаат-паша сам убил миллионы армян? Разве Гитлер один убил миллионы евреев? Разве Сталин один убил миллионы своих политических противников? Нет. Эти люди были не одиноки, они располагали тысячами, которые умерщвляли и пытали для них и которые делали это не просто с желанием, но даже с удовольствием. Разве мы не сталкиваемся повсюду с бесчеловечностью человека — в случае безжалостного ведения войны, в случае убийства и насилия, в случае беззастенчивой эксплуатации слабых более сильными? А как часто стоны истязаемого и страдающего создания встречаются глухие уши и ожесточенные сердца! Такой мыслитель, как Гоббс, из всего этого сделал вывод: *homo homini lupus est* (человек человеку — волк). И сегодня многие из нас приходят к заключению, что человек от природы является существом злым и деструктивным, что он напоминает убийцу, которого от любимого занятия может удержать только страх перед более сильным убийцей.

И все же аргументы обеих сторон не убеждают. Пусть мы лично и встречали некоторых потенциальных или явных убийц и садистов, которые по своей беззастенчивости могли бы тягаться со Сталиным и Гитлером, но все же это были исключения, а не правила. Неужели мы действительно должны считать, что мы сами и большинство обычных людей — только волки в овечьей шкуре, что наша «истинная природа» якобы проявится лишь после того, как мы отбросим сдерживающие факторы, мешавшие нам до сих пор уподобиться диким зверям? Хотя это и трудно опровергнуть, вполне убедительным такой ход мысли тоже не является. В повседневной жизни часто есть возможность для жестокости и садизма, причем нередко их можно проявить, не опасаясь возмездия. Тем не менее многие на это не идут и, напротив, реагируют с отвращением, когда сталкиваются с жестокостью и садизмом.

Может быть, есть другое, лучшее объяснение этого удивительного противоречия? Может быть, ответ прост и заключается в том, что большинство волков живет бок о бок с большинством овец? Волки хотят убивать, овцы хотят делать то, что им приказывают. Волки заставляют овец убивать и душить, а те поступают так не потому, что это доставляет им ра-

дость, а потому, что они хотят подчиняться. Кроме того, чтобы побудить большинство овец действовать, как волки, убийцы должны придумать истории о правоте своего дела, о защите свободы, которая находится в опасности, о мести за детей, заколотых штыками, об изнасилованных женщинах и поруганной чести. Этот ответ звучит убедительно, но и после него остается много сомнений. Не означает ли он, что существуют как бы две человеческие расы — волков и овец? Кроме того, возникает вопрос: если это не в их природе, то почему овцы с такой легкостью соблазняются поведением волков, когда насилие представляют им в качестве священной обязанности. Может быть, сказанное о волках и овцах не соответствует действительности? Может быть, все же правда, что важным свойством человека является нечто волчье и что большинство просто не проявляет этого открыто? А может, речь вообще не должна идти об альтернативе? Может быть, человек — это одновременно и волк и овца, или он ни волк ни овца?

Сегодня, когда нации взвешивают возможность применения опаснейшего оружия разрушения против своих «врагов» и, очевидно, не страшатся даже собственной гибели в ходе массового уничтожения, ответ на эти вопросы имеет решающее значение. Если мы будем убеждены, что человек от природы склонен к разрушению, что потребность применять насилие коренится глубоко в его существе, то может ослабнуть наше сопротивление все возрастающей жестокости. Почему нужно сопротивляться волкам, если все мы в той или иной степени волки? Вопрос о том, является ли человек волком или овцой, — это лишь заостренная формулировка вопроса, который в самом широком и общем смысле принадлежит к основополагающим проблемам теологического и философского мышления западного мира, а именно: является ли человек по существу злым и порочным, или он добр по своей сути и способен к самосовершенствованию? Старый Завет не считает, что человек порочен в своей основе. Неповиновение богу со стороны Адама и Евы не рассматривается как грех. Мы нигде не находим указаний на то, что это неповиновение погубило человека. Напротив, это неповиновение является предпосылкой того, что человек осознал самого себя, что он стал способен решать свои дела. Таким образом, этот первый акт неповиновения в конечном счете является первым шагом человека по пути к свободе. Кажется, что это неповиновение было даже предусмотрено божьим планом. Согласно пророкам, именно благодаря тому, что человек был изгнан из рая, он оказался в состоянии сам формировать свою историю, развивать свои человеческие силы и в качестве полностью развитого индивида достигнуть гармонии с другими людьми и природой. Эта гармония заступила на место прежней, в которой человек еще не был индивидом. Мессианская мысль пророков явно исходит из того, что человек в своей основе непорочен и может быть спасен помимо особого акта божьей милости.

Конечно, этим еще не сказано, что способность к добру обязательно побеждает. Если человек творит зло, то он и сам становится более дурным. Так, например, сердце фараона «ожесточилось», поскольку он постоянно творил зло. Оно ожесточилось настолько, что в определенный момент для него стало совершенно невозможно начать все заново и покаяться в содеянном. Примеров злодеяний содержится в Старом Завете не меньше, чем примеров праведных дел, но в нем ни разу не делается исключения для таких возвышенных образов, как царь Давид. С точки зрения Старого Завета человек способен и к хорошему и к дурному, он должен выбирать между добром и злом, между благословением и проклятьем, между жизнью и смертью. Бог никогда не вмешивается в это решение. Он помогает, посылая своих посланцев, пророков, чтобы наставлять людей, каким образом они могут распознавать зло и осуществлять добро, чтобы предупреждать их и возражать им. Но после того, как это уже свершилось, человек остается наедине со своими «двумя инстинктами» — стремлением к добру и стремлением к злу, теперь он сам должен решать эту проблему.

Христианское развитие шло иначе. По мере развития христианской церкви появилась точка зрения, что неповиновение Адама было грехом, причем настолько тяжким, что он погубил природу самого Адама и всех его потомков. Теперь человек не мог больше собственными силами освободиться от этой порочности. Только акт божьей милости, появление Христа, умершего за людей, может уничтожить эту порочность и спасти тех, кто уверует в Христа.

Разумеется, догма о первородном грехе не оставалась бесспорной внутри самой церкви. На нее напал Пелагий, однако ему не удалось одержать верх. В период Ренессанса гуманисты внутри церкви пытались смягчить эту догму, хотя они прямо не боролись с ней и не оспаривали ее, как это делали многие еретики. Правда, Лютер был еще более радикален в своем убеждении о врожденной подлости и порочности человека, но в то же время мыслители Ренессанса, а позднее Просвещения отважились на заметный шаг в противоположном направлении. Последние утверждали, что все зло в человеке является лишь следствием внешних обстоятельств и потому у человека в действительности нет возможности выбора. Они полагали, что необходимо лишь изменить обстоятельства, из которых произрастает зло, тогда изначальное добро в человеке проявится почти автоматически. Эта точка зрения повлияла также на мышление Маркса и его последователей. Вера в принципиальную доброту человека возникла благодаря новому самосознанию, приобретенному в ходе неслыханного со времен Ренессанса экономического и политического прогресса. Моральное банкротство Запада, начавшееся с первой мировой войной и приведшее через Гитлера и Сталина, через Ковентри и Хиросиму к нынешней подготовке всеобщего уничтожения, наоборот, повлияло на то, что снова стала сильнее подчеркиваться склонность человека к дурному. По существу, это бы-

ла здоровая реакция на недооценку врожденного потенциала человека к злу. С другой стороны, слишком часто это служило причиной осмеяния тех, кто еще не потерял свою веру в человека, причем точка зрения последних понималась ложно, а подчас и намеренно искажалась...

Главной опасностью для человечества является не изверг или садист, а нормальный человек, наделенный необычайной властью. Однако, для того чтобы миллионы поставили на карту свою жизнь и стали убийцами, им необходимо внушить такие чувства, как ненависть, возмущение, деструктивность и страх. Наряду с оружием эти чувства являются неременным условием для ведения войны, однако они не являются ее причиной, так же как пушки и бомбы сами по себе не являются причиной войн. Многие полагают, что атомная война в этом смысле отличается от войны традиционной. Тот, кто нажатием кнопки запускает атомные бомбы, каждая из которых способна унести сотни тысяч жизней, едва ли испытывает те же чувства, что и солдат, убивающий с помощью штыка или пулемета. Но даже если запуск атомной ракеты в сознании упомянутого лица переживается только как послушное исполнение приказа, все же остается вопрос: не должны ли содержаться в более глубоких слоях его личности деструктивные импульсы или, по меньшей мере, глубокое безразличие по отношению к жизни для того, чтобы подобное действие вообще стало возможным?

Я хотел бы остановиться на трех феноменах, которые, по моему мнению, лежат в основе наиболее вредной и опасной формы человеческого ориентирования: любовь к мертвому, закоренелый нарциссизм и симбиозно-инцестуальное фиксирование. Вместе взятые, эти три ориентации образуют «синдром распада», который побуждает человека разрушать ради разрушения и ненавидеть ради ненависти. Я хотел бы также обсудить «синдром роста», который состоит из любви к живому, любви к человеку и независимости. Лишь у немногих людей получил полное развитие один из этих двух синдромов. Однако нет сомнения в том, что каждый человек движется в определенном избранном им направлении: в направлении к живому или мертвому, добру или злу.

См.: Фромм, Э. Духовная сущность человека. Способность к добру и злу / Э. Фромм // Человек и его ценности. — М., 1988. — С. 65–62.

• *Является ли человек по существу злым и порочным, или он добр по своей сути и способен к самосовершенствованию?*

А. ШВЕЙЦЕР

«Этика благоговения перед жизнью»

... Этика заключается ... в том, что я испытываю побуждение выказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой. В этом и состоит основной

принцип нравственного. Добро — то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей ...

... Единственно возможный основной принцип нравственного означает не только упорядочение и углубление существующих взглядов на добро и зло, но и их расширение. Поистине нравствен человек только тогда, когда он повинуется внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред. Он не спрашивает, насколько та или иная жизнь заслуживает его усилий, он не спрашивает также, может ли она и в какой степени ощутить его доброту. Для него священна жизнь как таковая. Он не сорвет листочка с дерева, не сломает ни одного цветка и не раздавит ни одно насекомое. Когда летом он работает ночью при лампе, то предпочитает закрыть окно и сидеть в духоте, чтобы не увидеть ни одной бабочки, упавшей с обожженными крыльями на его стол...

Этика есть безграничная ответственность за все, что живет.

См.: Швейцер, А. Этика благоговения перед жизнью / А. Швейцер // Антология культурологической мысли. — М., 1996. — С. 224, 225.

- *Охарактеризуйте принцип «благоговения перед жизнью» А. Швейцера.*

П. ТЕЙЯР ДЕ ШАРДЕН

С чисто позитивистской точки зрения человек самый таинственный и сбивающий с толку исследователей объект науки. И следует признать, что в своих изображениях универсума наука действительно еще не нашла ему места. Физике удалось временно очертить мир атома. Биология сумела навести некоторый порядок в конструкциях жизни. Опираясь на физику и биологию, антропология в свою очередь, кое-как объясняет структуру человеческого тела и некоторые механизмы его физиологии. Но полученный при объединении всех этих черт портрет явно не соответствует действительности. Человек в том виде, каким его удастся воспроизвести сегодняшней науке, — животное, подобное другим. По своей анатомии он так мало отличается от человекообразных обезьян, что современные классификации зоологии, возвращаясь к позициям Линнея, помещают его вместе с ними, в одно и то же семейство гоминоидных. Но если судить по биологическим результатам его появления, то не представляет ли он собой как раз нечто совершенно иное?

Ничтожный морфологический скачок и вместе с тем невероятное потрясение сфер жизни — в этом весь парадокс человека ... Поэтому совершенно очевидно, что в своих реконструкциях мира нынешняя наука пренебрегает существенным фактором, или, лучше сказать, целым измерением универсума.

Согласно общей гипотезе, направляющей нас с первых страниц данной книги к цельному и выразительному истолкованию нынешнего внешнего облика Земли, в этой новой части, посвященной мысли, я хотел бы показать, что для выявления *естественного* положения человека в мире, каким он нам дан в опыте, необходимо и достаточно принять во внимание как внешнюю, так и внутреннюю стороны вещей. Этот метод уже позволил нам оценить величие и смысл развития жизни. Этот же метод согласует в нашем представлении ничтожность и высшее значение феномена человека в ряду, гармонически нисходящем к жизни и материи.

Что же случилось между последними слоями плейстоцена, где еще нет человека, и следующим уровнем, где ошеломленный геолог находит первые обтесанные кварциты? И какова истинная величина скачка?..

Как среди биологов до сих пор господствует неуверенность относительно наличия направления и тем более определенной оси эволюции, так по сходным причинам между психологами все еще имеют место самые серьезные разногласия по вопросу о том, отличается ли специфически (по «природе») человеческая психика от психики существ, появившихся до него. Действительно, большинство «ученых» скорее отрицает наличие подобного разрыва. Чего только не писали и не пишут сегодня о разуме животных!

Для окончательного решения вопроса о «превосходстве» человека над животными (его необходимо решить в интересах этики жизни, так же как в интересах чистого знания ...) я вижу только одно средство — решительно устранить из совокупности человеческих поступков все второстепенные и двусмысленные проявления внутренней активности и рассмотреть центральный феномен — рефлексия.

С точки зрения, которой мы придерживаемся, рефлексия — это приобретенная сознанием способность сосредоточиться на самом себе и овладеть самим собой как *предметом*, обладающим своей специфической устойчивостью и своим специфическим значением, — способность уже не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что знаешь. Путем этой индивидуализации самого себя внутри себя живой элемент, до того распыленный и разделенный в смутном кругу восприятий и действий, впервые превратился в точечный *центр*, в котором все представления и опыт связываются и скрепляются в единое целое, осознающее свою организацию.

Каковы же последствия подобного превращения? Они необъятны, и мы их так же ясно видим в природе, как любой из фактов, зарегистрированных физикой или астрономией. Рефлектирующее существо в силу самого сосредоточивания на самом себе внезапно становится способным развиваться в новой сфере. В действительности это возникновение нового мира. Абстракция, логика, обдуманый выбор и изобретательность, математика, искусство, рассчитанное восприятие пространства и длительности,

тревоги и мечтания любви ... Вся эта деятельность *внутренней жизни* не что иное, как возбуждение вновь образованного центра, воспламеняющегося в самом себе.

Установив это, я спрашиваю: если действительно «разумное» существо характеризуется «рефлектирующей способностью», как это вытекает из предшествующего изложения, то можно ли серьезно сомневаться, что разум — эволюционное достояние только человека? И следовательно, можем ли мы из какой-то ложной скромности колебаться и не признавать, что обладание разумом дает человеку коренной перевес над всей предшествующей ему жизнью? Разумеется, животное знает. Но, безусловно, *оно не знает о своем знании* — иначе оно бы давным-давно умножило изобретательность и развило бы систему внутренних построений, которая не ускользнула бы от наших наблюдений. Следовательно, перед животным закрыта одна область реальности, в которой мы развиваемся, но куда оно не может вступить. Нас разделяет ров или порог, непреодолимый для него. Будучи рефлектирующими, мы не только отличаемся от животного, но мы иные по сравнению с ним. Мы не простое изменение степени, а изменение природы, как результат изменения состояния...

Если история жизни, как мы сказали, есть, по существу, развитие сознания, завуалированное морфологией, то неизбежно у вершины ряда, по соседству с человеком формы психики должны доходить до *уровня разума*. Это как раз и происходит.

И тогда проясняется сам «парадокс человека». Смущенные тем, как мало «антропос», несмотря на свое неоспоримое умственное превосходство, отличается анатомически от других антропоидов, мы — по крайней мере у точки возникновения — чуть ли не отказываемся их разделять. Но это удивительное сходство — не это ли в точности должно было случиться? ...

Когда вода при нормальном давлении достигает 100 °, то при дальнейшем нагревании сразу наступает беспорядочная экспансия высвобождающихся и испаряющихся молекул без изменения температуры. Если по восходящей оси конуса производить друг за другом сечения, площадь которых постоянно уменьшается, то наступает момент, когда при еще одном бесконечно малом перемещении поверхность исчезает и становится *точкой*. Так, посредством этих отдаленных сравнений мы можем представить себе механизм критической ступени мышления.

С конца третичного периода на протяжении более 500 миллионов лет в клеточном мире поднималась психическая температура. От ветви к ветви, от пласта к пласту, как мы видели, нервные системы, *pari passu*, все более усложнялись и концентрировались. В конечном счете у приматов сформировалось столь замечательно гибкое и богатое орудие, что непосредственно следующая за ним ступень могла образоваться лишь при условии полной переплавки и консолидации в самой себе всей животной

психики. Но развитие не остановилось, ибо ничто в структуре организма этому не препятствовало. Антропоиду, «по уму» доведенному до 100 °, было добавлено несколько калорий. В антропоиде, почти достигнувшем вершины конуса, свершилось последнее усилие по оси. Этого было достаточно, чтобы опрокинулось внутреннее равновесие. То, что было лишь центрированной поверхностью, стало центром. В результате ничтожно малого «тангенциального» прироста «радиальное» преобразовалось и как бы сделало скачок вперед, в бесконечность. Внешне почти никакого изменения в органах. Но внутри — великая революция: сознание забурлило и брызнуло в пространство сверхчувственных отношений и представлений, и в компактной простоте своих способностей оно обрело способность замечать самое себя. И все это впервые.

Спиритуалисты правы, когда они так настойчиво защищают некоторую трансцендентность человека по отношению к остальной природе. Но и материалисты также не ошибаются, когда утверждают, что человек — это лишь еще один член в ряду животных форм. В этом случае, как и во многих других, два очевидных антитезиса разрешаются в развитии, если только в этом развитии существенное место было отведено совершенно естественному явлению «изменения состояния». Да, от клетки до мыслящего животного так же, как от атома до клетки, непрерывно продолжается все в том же направлении один и тот же процесс (возбуждения, или психической концентрации). Но в силу самого этого постоянства действия с точки зрения физики неизбежно некоторые скачки внезапно преобразуют субъект, подверженный операции.

Перерыв непрерывности. Так теоретически определяется и представляется нам механизм возникновения мысли, точно так же как и первого появления жизни.

Каким же образом этот механизм действовал в конкретной действительности? Какие внешние проявления метаморфозы заметил бы наблюдатель, предполагаемый свидетель кризиса?..

Вероятно, наш рассудок никогда не получит об этом желанного представления, так же как не сможет нарисовать картину возникновения жизни по причинам, которые я вскоре изложу, рассматривая «первоначальные человеческие проявления». Самое большое, чем мы можем руководствоваться в данном случае, — это представить себе пробуждение сознания ребенка в ходе онтогенеза... Однако следует сделать два замечания — одно из них ограничивает, а другое делает еще более глубокой тайну, которой окутана для нашего воображения эта единственная точка.

Во-первых, чтобы достигнуть в человеке ступени рефлексии, жизнь должна была исподволь и одновременно подготовить пучок факторов, на «провиденциальную» связь которых на первый взгляд ничто не указывало.

Верно, что с органической точки зрения вся гоминизантная метаморфоза в конечном счете сводится к вопросу о лучшем мозге. Но как

произошло бы это мозговое усовершенствование, как бы оно функционировало, если бы не был одновременно найден и в совокупности реализован целый ряд других условий? ... Если бы существо, от которого произошел человек, не было двуногим, его руки не освободились бы своевременно и не освободили челюсти от хватательной функции, и, следовательно, плотная повязка челюстных мускулов, сдавливавшая череп, не была бы ослаблена. Мозг смог увеличиться лишь благодаря прямой походке, освободившей руки, и вместе с тем благодаря ей глаза, приблизившись друг к другу на уменьшившемся лице, смогли смотреть в одну точку и фиксировать то, что брали, приближали и показывали во всех направлениях руки — внешне выраженный жест самой рефлексией! ... Само по себе это чудесное сочетание не должно нас удивлять. Не является ли все, что образуется в мире, продуктом поразительного совпадения — узлом волокон, всегда идущих из четырех сторон пространства? Жизнь не действует по одной изолированной линии или отдельными приемами. Она движет вперед одновременно всю свою сеть. Так формируется зародыш в несущем его чреве. Мы должны были это знать. Но нам доставляет особенное удовлетворение признание того, что возникновение человека происходило на основе действия того же самого материнского закона. Мы рады признать, что возникновение разума связано с развитием не только нервной системы, но и всего существа. Однако на первый взгляд нас пугает констатация того, что этот шаг должен был совершиться сразу.

Ибо таково должно быть мое второе замечание, которого я не могу избежать. Рассматривая онтогенез человека, мы можем и не обратить внимание на то, в какой момент можно сказать, что новорожденный достигает разумного состояния, становится мыслящим. Ведь от яйца до взрослого здесь непрерывный ряд *состояний*, следующий друг за другом у одного и того же индивида. Какое значение имеет место разрыва или даже само его наличие? Совсем другое Дело в случае филетического эмбриогенеза, где каждая стадия, каждое состояние представлены *различными существами*. Здесь совершенно невозможно (по крайней мере при наших нынешних методах мышления) уйти от проблемы прерывности ... Если переход к рефлексии действительно, как того требует его физическая природа и как мы это допустили, есть критическая трансформация, мутация от нуля ко всему, то невозможно представить себе на этом точном уровне промежуточного индивида. Или это существо еще по сю сторону изменения состояния, или оно уже по ту сторону ... Можно как угодно переворачивать проблему. Или надо сделать мысль невообразимой, отрицая ее психическую трансцендентность относительно инстинкта. Или надо решиться допустить, что ее появление произошло *между* двумя индивидами.

Предложение, безусловно, ошеломляющее, но оно оказывается совсем не таким уж странным, если учесть, что ничто не мешает нам предположить, оставаясь в рамках строго научного подхода, что у своих филетиче-

ских истоков разум мог (или даже должен был) быть так же мало заметен внешне, как мало он нам еще заметен на онтогенетической стадии у каждого новорожденного. В таком случае всякий осязаемый предмет спора между наблюдателем и теоретиком исчезает ...

Не пытаясь представить невообразимое, вспомним только, что возникновение мысли представляет собой порог, который должен быть перейден одним шагом. «Трансопытный» интервал, о котором с научных позиций сказать нечего, но за которым мы переходим на совершенно новый биологический уровень...

И только здесь до конца раскрывается природа ступени рефлексии. Во-первых, изменение состояния. Во-вторых, вследствие этого изменения начало жизни другого рода — той внутренней жизни, которую я определил выше. Только что простоту мыслящего духа мы сравнили с простотой геометрической точки. Но скорее следовало говорить о линии или оси. В самом деле, для разума «быть положенным» не означает «быть завершенным». Едва родившись, ребенок должен дышать — иначе он умрет ...

См.: *Тейяр де Шарден, П.* Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. — М., 1987. — С. 135–141, 189–191.

- *Каков процесс возникновения мысли по П. Тейяру де Шардену?*

Х. ОРТЕГА-И-ГАССЕТ

Как у Гёте, так и у Ницше, невзирая на чрезмерный зоологизм в языке последнего, открытие имманентных жизни ценностей было гениальной интуицией, опережавшей чрезвычайное событие будущего: ознаменовавший целую эпоху новый тип чувственности, открытый ими вместе с этими ценностями. Угаданная, возвещенная двумя гениальными пророками, эта — наша — эпоха наступила.

Все старания затушевать тяжкий кризис, через который проходит сейчас западная история, останутся тщетными. Симптомы слишком очевидны, и кто всех упрямее отрицает их, тот постоянно ощущает их в своем сердце. Мало-помалу во все более широких слоях европейского общества распространяется странный феномен, который можно было бы назвать жизненной дезориентацией.

Мы сохраняем ориентацию до тех пор, пока нам еще ясно, где у нас находится север и где юг, некие крайние отметины, служащие неподвижными точками отсчета для наших действий и поступков. Поскольку в своей глубочайшей сути жизнь и есть действие и движение, преследуемые цели составляют неотъемлемую часть живого существа. Предметы надежды, предметы веры, предметы поклонения и обожествления соткались вокруг нашей личности действием нашей же жизненной потенции, образовав некую биологическую оболочку, неразрывно связанную с нашим телом и нашей душой. Наша

жизнь — функция нашего окружения, и оно в свою очередь зависит от нашей чувственности. По мере развития живого существа меняется окружение, а главное, перспектива окружающих вещей. Вообразите себе на минуту такой сдвиг, когда великие цели, еще вчера придававшие ясную архитектонику нашему жизненному пространству, утратили свою четкость, притягательную силу и власть над нами, хотя то, что призвано их заменить, еще не достигло очевидности и необходимой убедительности. В подобную эпоху окружающее нас пространство чудится распавшимся, шатким, колышущимся вокруг индивида, шаги которого тоже делаются неуверенными, потому что поколеблены и размыты точки отсчета. Сам путь, словно ускользая из-под ног, приобретает зыбкую неопределенность.

В такой ситуации находится сегодня европейское сознание. Система ценностей, организовавшая человеческую деятельность еще какие-нибудь тридцать лет назад, утратила свою очевидность, притягательность, императивность. Западный человек заболел ярко выраженной дезориентацией, не зная больше, по каким звездам жить.

Точнее: еще тридцать лет назад подавляющая часть европейского человечества жила для культуры. Наука, искусство, право казались самодовлеющими величинами; жизнь, всецело посвященная им, перед внутренним судом совести оставалась полноценной. Отдельные индивиды, конечно, могли изменять им и пускаться в другие, более сомнительные предприятия, но при всем том они прекрасно сознавали, что отдаются прихотливому произволу, гораздо глубже которого непоколебимой твердыней залегает культура, оправдывая их существование. В любой момент можно было вернуться к надежным канонизированным формам бытия. Так в христианскую эпоху Европы грешник ощущал свою недостойную жизнь щепкой, носимой над подводным камнем веры — веры в Божий закон, живущий в тайниках души.

И что же? Неужели теперь мы перестали верить в эти великие цели? Неужели нас не захватывают больше ни право, ни наука, ни искусство?

Долго думать над ответом не приходится. Нет, мы по-прежнему верим, только уже не так и словно с другой дистанции. Возможно, образ нового мироощущения ярче всего прояснится на примере нового искусства. С поразительным единодушием молодое поколение всех западных стран создает искусство — музыку, живопись, поэзию, — выходящее за пределы досягаемости старших поколений. Культурно зрелые люди, даже самым решительным образом настроившись на благожелательный тон, все равно не могут принять новое искусство по той элементарной причине, что никак не поймут его. Не то что оно им кажется лучше или хуже старого — оно просто не кажется им искусством, и они начинают вполне серьезно подозревать, что дело тут идет о каком-то гигантском фарсе, сеть злонамеренного потакательства которому раскинулась по всей Европе и Америке.

Всего легче было бы объяснить это неизбежным расколом поколений. Однако на прежних ступенях художественного развития перемены стиля, как они ни были глубоки (вспомним о ломке неоклассических вкусов под влиянием романтизма), всегда ограничивались просто выбором новых эстетических предметов. Излюбленные формы красоты все время менялись. Но сквозь все вариации предмета искусства неизменными оставались позиции творца и его взгляд на свое искусство. В случае с поколением, начинающим свою жизнь сегодня, трансформация радикальна.

Молодое искусство отличается от традиционного не столько предметно, сколько тем, что в корне изменилось отношение личности к нему. Общий симптом нового стиля, просвечивающий за всеми его многообразными проявлениями, — перемещение искусства из сферы жизненно «серьезного», его отказ впредь служить центром жизненного тяготения. Полурегиозный, напряженно патетический характер, который века два назад приняло эстетическое наслаждение, теперь полностью выветрился. Для людей новой чувственности искусство сразу же становится филистерством, неискусством, как только его начинают принимать всерьез. Серьезна та сфера, через которую проходит ось нашего существования. Так вот, говорят нам, искусство не может нести на себе груз нашей жизни. Силась сделать это, оно терпит крушение, теряя столь необходимую ему грациозную легкость. Если вместо этого мы перенесем свои эстетические интересы из жизненного средоточия на периферию, если вместо тяжеловесных упований на искусство будем брать его таким, каково оно есть, как развлечение, игру, наслаждение, — творение искусства вновь обретет свою чарующую трепетность. Для стариков недостаток серьезности в новом искусстве — порок, сам по себе способный все погубить, тогда как для молодых такой недостаток серьезности — высшая ценность, и они намерены предаваться этому пороку вполне сознательно и со всей решимостью.

Такой вираж в художественной позиции перед лицом искусства заявляет об одной из важнейших черт современного жизнеощущения: о том, что я давно уже называю спортивным и праздничным чувством жизни. Культурный прогрессизм, эта религия наших последних двух веков, невольно оценивает всю человеческую деятельность с точки зрения ее результатов. Усилие, абсолютно необходимое для их достижения, есть трудовая деятельность, труд. Недаром XIX век его обожествил. Однако мы должны помнить, что этот труд, взятый сам по себе, представляет собой безликое, лишненное внутреннего смысла усилие, обретающее значимость только в аспекте потребностей, которым он служит; сам по себе он однороден и потому поддается чисто количественному, почасовому измерению.

Труду противоположен другой тип усилия, рождающийся не по долгу, а как свободный и щедрый порыв жизненной потенции: спорт.

Если трудовое усилие обретает смысл и ценность от ценности продукта, то в спорте, наоборот, спонтанность усилия придает достоинство результату. Щедрая сила раздаривается здесь полными пригоршнями без расчета на награду. Поэтому качество спортивного усилия всегда возвышенно, благородно, его нельзя исчислить единицами меры и веса, как обычное вознаграждение за труд. К произведениям подлинной ценности можно прийти только путем такого неэкономного усилия: научное и художественное творчество, политический и нравственный героизм, религиозная святость — высокие плоды спортивной увлеченности. Однако будем помнить, что к ним нельзя прийти заранее размеченным путем. Нельзя поставить перед собой задачу — открыть физический закон; его можно найти как неожиданный подарок, незримо ожидающий вдохновенного и бескорыстного испытателя природы.

Жизнь, видящая больше интереса и ценности в своей собственной игре, чем в некогда столь престижных целях культуры, придаст всем своим усилиям присущий спорту радостный, непринужденный и отчасти вызывающий облик. Вконец потускнеет постное лицо труда, думающего оправдать себя патетическими рассуждениями об обязанностях человека и священной работе культуры. Блестящие творения будут создаваться словно бы шутя и без всяких многозначительных околичностей. Поэт, словно хороший футболист, будет играть своим искусством, как тот — мячом, действуя носком ноги. На всем XIX веке от его начала до завершения отпечатлелся горький облик тяжелого трудового дня. И вот сегодня молодые люди намерены, похоже, придать нашей жизни блеск ничем не замутненного праздника.

Ценности культуры не погибли, однако они стали другими по своему рангу. В любой перспективе появление нового элемента влечет за собой перетасовку всех остальных элементов иерархии. Таким же образом в новой спонтанной системе оценок, которую несет с собой новый человек, которая и *составляет* этого человека, выявилась одна новая ценность — витальная — и простым фактом своего присутствия начала вытеснять остальные.

См.: *Ортега-и-Гассет, Х. Новые симптомы / Х. Ортега-и-Гассет // Проблема человека в западной философии. — М., 1988. — С. 202–206.*

• *Как изменилась система ценностей, организовывавшая человеческую деятельность западного человека?*

ЛИТЕРАТУРА, РЕКОМЕНДУЕМАЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

1. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — М.: Academia, 2004. — 944 с.
2. *Бердяев, Н. А.* Смысл истории / Н. А. Бердяев. — М.: Мысль, 1990. — 173 с.
3. *Валлерстайн, И.* Исторические системы как сложные системы / И. Валлерстайн // Вестн. Харьк. гос. ун-та. 1998. № 409. Сер. «Философия».
4. *Гуссерль, Э.* Идея феноменологии / Э. Гуссерль // Фауст и Заратустра. — СПб., 2001.
5. *Делёз, Ж.* Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. — СПб., 1998.
6. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
7. *Кьеркегор, С.* Наслаждение и долг / С. Кьеркегор. — Киев, 1994.
8. *Леви-Стросс, К.* Структурная антропология / К. Леви-Стросс. — М., 1985.
9. *Маркузе, Г.* Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. — М., 1994.
10. *Ницше, Ф.* По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше. — Минск, 1992.
11. *Поппер, К.* Миф концептуального каркаса / К. Поппер // Логика и рост научного знания. — М., 1983.
12. *Тоффлер, О.* Третья волна / О. Тоффлер. — М.: АСТ, 2004. — 781 с.
13. *Фромм, Э.* Иметь или быть? / Э. Фромм. — М., 1986.
14. *Фукуяма, Ф.* Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2004. — 588 с.
15. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2003. — 603 с.
16. *Шопенгауэр, А.* Афоризмы и максимы / А. Шопенгауэр. — М., 1991.
17. *Юнг, К.* Архетип и символ / К. Юнг. — М., 1991.

Учебное издание

Бордак Станислава Николаевна

ФИЛОСОФИЯ

**Учебно-методическое пособие
для самостоятельной работы студентов 1 курса
медико-диагностического факультета, 2 курса лечебного факультета
и факультета по подготовке специалистов для зарубежных стран
медицинских вузов**

Редактор *Т. М. Кожемякина*
Компьютерная верстка *Ж. И. Цырыкова*

Подписано в печать 11.07.2017.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная 65 г/м². Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 7,91. Уч.-изд. л. 8,64. Тираж 150 экз. Заказ № 346.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Гомельский государственный медицинский университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/46 от 03.10.2013.
Ул. Ланге, 5, 246000, Гомель